

СЛОВО

въ пятонъ второй недѣли великаго поста.

Понеже іудеи зна менія просятъ и еллини премудрости ищутъ, мы же проповѣдуемъ Христа распята, іудеемъ убо соблазнъ, еллиномъ же безуміе, самимъ же званымъ—іудеомъ и еллиномъ Христа—Божію силу и Божію премудрость (1 Кор. I, 22—24).

Скоро исполнится девятнадцать вѣковъ, какъ благовѣстникъ Христовъ, апостолъ Павелъ, съ такимъ знаменательнымъ словомъ обратился къ еллинскимъ Коринѣскимъ христіанамъ. Въ среду борющихся іудейскихъ и еллинскихъ воззрѣній о способъ спасенія міра онъ вноситъ новую проповѣдь о Распятѣ на крестѣ и, видя въ Немъ Божію силу и Божію премудрость, предназначенную для спасенія людей, предрекаетъ Ему торжество въ мірѣ, не взирая на то, что проповѣдь о Немъ іудеямъ кажется соблазномъ, а еллинамъ безуміемъ.—Въ виду таксго значенія проповѣди о Распятѣ на крестѣ, указавшаго ап. Павломъ и оправданнаго исторіей, не слѣдуетъ ли и намъ въ дни воспоминанія страстей Господнихъ чаще всего останавливать свое вниманіе на содержаніи этой проповѣди, не только какъ источникъ нашего спасенія, но и какъ могучей основѣ, Божіей силѣ въ дѣлѣ нашего умственнаго и нравственнаго преуспѣянія и общественнаго благоустройства?

Исторія развитія современныхъ христіанскихъ народовъ уже представила много опытовъ увлеченія разнородными воззрѣніями, казавшимися въ свое время вполне цѣлесообразными и достаточными для достиженія намѣченныхъ задачъ человѣческаго благоустройства. Были времена въ жизни христіанскихъ западныхъ народовъ, когда они воздвигали алтари богинѣ „разума“, показывая этимъ, что помощію его одного, его отвлеченныхъ представленій о верховномъ существѣ и конечныхъ цѣляхъ всего существующаго они прольютъ свѣтъ на умы людей, установятъ надлежащее міросозерцаніе, а раціональнымъ выясненіемъ правъ равенства, братства и свободы достигнутъ умиротворенія человѣческихъ обществъ на пути развитія. Наступили затѣмъ времена преклоненія предъ успѣхами естествознанія, предъ открытіями и изобрѣтеніями въ области техники и механики, и порывы увлеченія отвлеченными знаніями смѣнились пристрастіемъ къ окружающей природѣ, въ ея механическимъ силамъ. Помощію изученія природы хотѣли уяснить происхожденіе человѣка, его конечную цѣль, механическими же и техническими открытіями и изобрѣтеніями хотѣли облегчить его трудъ, освободить его отъ рабскаго служенія повседневнымъ интересамъ жизни. Отъ взаимнаго воздѣйствія этихъ двухъ условій ожидали новой эры для человѣчества. Все это было пережито христіанскими западными народами и многое изъ пережитаго уже сдѣлалось достояніемъ исторіи. Чѣмъ же однакожь все это кончилось? Чѣмъ заключаютъ девятисотлѣтіе втораго тысячелѣтія отъ Рождества Христова? Сознаніемъ немогущности и безсилія всего того, во что вѣрили, въ чемъ полагали ключъ и основу улучшенія и просвѣтленія человѣческихъ обществъ. Разумъ не пролилъ свѣта на вѣковѣчные вопросы; успѣхи естествознанія не уяснили „ни того, откуда мы явились, ни того, куда мы идемъ“. Привнесенное ими воззрѣніе о взаимной борьбѣ между людьми оказалось униженіемъ нравственнаго достоинства человѣка. Провозглашенныя права равенства, братства и свободы не уняли чело-

вѣческихъ страстей, не умиротворили человѣческихъ обществъ на пути развитія и не улучшили ихъ взаимныхъ отношеній. Человѣчество какъ-будто погрузилось еще въ большую мглу взаимныхъ споровъ, недоумѣній и пререканій. Изобрѣтенія и усовершенствованія техники не облегчили горя и страданій обездоленныхъ: горемычный по прежнему алчно подымаетъ свой взоръ къ небу и оттуда ждетъ помощи.

Въ виду такого безсилія ума, вооруженнаго всѣми современными открытіями и усовершенствованіями, облегчить жизнь обездоленныхъ и указать намъ правый путь развитія, чуждый насилія, обмана, нищеты и убожества,—безсилія, непритворно сознаваемаго передовыми мыслителями Запада, не благовременно ли, сл. бл., сказать намъ устами богоглаголиваго учителя языковъ, что только проповѣдь о Распятіи владѣетъ тою силою и тою премудростію, которая одна способна просвѣтить нашъ умъ истинами не мерцающими и направить нашу жизнь на истинный путь развитія.

Спросимъ прежде всего, почему разумъ нашъ, ни самъ по себѣ, ни при содѣйствіи научныхъ открытій въ области естествознанія, не въ состояніи былъ озарить насъ такими руководительными истинами, которыя пролили бы свѣтъ на конечныя цѣли нашей жизни, уяснили бы, какъ мы явились на свѣтъ Божій и куда идемъ? Не потому ли, что самъ по себѣ ограниченный по природѣ, и при помощи ограниченныхъ пособій разумъ нашъ возмѣлѣ смѣлость ввести насъ въ область тѣхъ верховныхъ необъятныхъ истинъ, которыя доступны только одной вѣрѣ? Почему провозглашенныя имъ права равенства, братства и свободы не внесли въ нашу жизнь правильныхъ нравственныхъ отношеній, не сдѣлали насъ честными и безкорыстными гражданами? Не потому ли, что эти великія достоянія нашей нравственной природы, впервые повѣданныя намъ словомъ Божиимъ, безъ озаренія и руководства верховными истинами, нерѣдко принимаютъ превратное и извращенное направленіе? Почему великія изобрѣтенія тех-

ники и механики часто не достигаютъ намѣчаемыхъ задачъ — облегченія нуждъ и потребностей рабочаго и трудящагося класса? Не потому-ли, что въ основѣ ихъ изысканія и распыренія не лежатъ великіе уроки, внесенные въ міръ проповѣдію о Распятѣ на крестѣ? Словомъ, не потому-ли нашъ умъ со всѣми своими вспомогательными средствами оказался безсильнымъ выполнить возложенное на него порученіе, что назначеніе его—быть изобрѣтателемъ тѣхъ знаній и искусствъ, которыя дѣлаютъ насъ владыками и распорядителями этого видимаго міра, согласно опредѣленію Божію: „и да владычествуютъ они надъ рыбами морскими и надъ птицами небесными и надъ скотомъ и надъ всею землею“ (Быт. 1 26). но не быть виновникомъ открытія тѣхъ истинъ, которыя вводятъ насъ въ обладаніе міромъ духовнымъ, принадлежащимъ нашему духовному существу, и открываютъ входъ въ иной невидимый міръ? Эти послѣднія истины доступны только вѣрѣ и ею нами усвоятся. Отъ такого назначенія разума и вѣры въ области нашей духовной жизни мы не можемъ отказываться, не отказавшись прежде отъ того, что мы рождены способными не только мыслить и разсуждать, но и вѣровать. Разъ же намъ врождена потребность вѣры, то эта потребность не можетъ оставаться безъ удовлетворенія. Но руководительное значеніе, опредѣляющее наше отношеніе къ міру и ближнимъ, уясняющее взглядъ на конечную цѣль бытія нашего и всего существующаго, принадлежитъ истинамъ, усвояемымъ нами вѣрою. Мы не станемъ считать окружающихъ насъ людей дѣтьми одного небеснаго Отца, если сначала не воспитаемъ въ себѣ вѣры въ то, что верховный нашъ Творецъ есть дѣйствительно нашъ небесный Отецъ, повелѣвающій восходить своему солнцу надъ злыми и добрыми, посылающій дождь на праведныхъ и неправедныхъ. Мы не стали бы обречать себя на высокіе подвиги воздержанія и самоотверженія ради царствія небеснаго, если-бы не повѣрили евангельскому благовѣствованію объ уготовленіи намъ

этого царствія въ будущемъ вѣкѣ. Словомъ, посредницею истинъ, способныхъ руководить и управлять нашею жизнію, бываетъ одна вѣра. Конечно, ею могутъ быть усвоены намъ и неправыя мнѣнія, и извращенные толки, и въ такомъ случаѣ она становится посредницею превратнаго направленія въ нашей жизни. Но въ этомъ и должна выражаться наша забота, чтобы мы съ должнымъ вниманіемъ относились къ тѣмъ событіямъ, которыя своею высотой и необычайностію содѣйствуютъ нашей вѣрѣ усвоить намъ такія истины, которыя вмѣстѣ съ просвѣтленіемъ нашего міросозерцанія вліяютъ на улучшение и исправленіе нашей жизни, на смягченіе нашихъ нравовъ.

Въ ряду такихъ священныхъ событій, способныхъ воспитать въ нашей вѣрѣ самыя возвышенныя истины, спасительныя какъ для озаренія нашего ума, такъ и для руководства въ нашей жизни, стоитъ на первомъ мѣстѣ христіанская проповѣдь о Спасителѣ нашемъ, распятомъ на крестѣ. Она можетъ вдохновить нашу вѣру самыми живыми и священнодѣйственными истинами. Прежде всего, что она внушаетъ намъ? Она говоритъ намъ, что верховный Творецъ нашъ есть безмѣрная и безпредѣльная благодѣтельность и милосердіе, есть полнѣйшая и совершеннѣйшая любовь. Конечно, эти истины не впервые были повѣданы міру: ихъ зналъ іудей, къ пониманію ихъ приближался язычникъ изъ наблюденія надъ окружающею природою. Но когда нагляднѣе и очевиднѣе эти истины предстали человѣческому взору, какъ не въ часы страданій и смерти и въ чемъ неповиннаго и только ради спасенія людей умирающаго на крестѣ въ тяжкихъ мукахъ Искушителя нашего? Здѣсь точно открывалась неизмѣримая бездна любви и милосердія Божія, когда явившійся для вразумленія, просвѣщенія и искупленія людей, имѣвшій право суда и власти надъ ними, Самъ отдавался на истязанія и поруганія, лишь бы привести ихъ въ единеніе съ своимъ небеснымъ Отцомъ. А это непостижимое таинство какое угѣшеніе и ободреніе

внушало вѣрующему? Онъ чувствовалъ себя въ объятіяхъ этой святой любви, онъ сознавалъ, что она истощилась ради его грѣха, онъ слышалъ молитву, исходящую изъ устъ этой святой любви, предъ вознесеніемъ ея на крестъ: „Отче.... освяти ихъ истинною Твоею.... да будутъ всѣ едино: какъ Ты, Отче, во Мнѣ, и Я въ тебѣ, такъ и они да будутъ въ Насъ едино“ (Іоанн. 17, 1. 17. 21). Что можетъ быть славнѣе и величественнѣе этого изображенія Божества, представшаго взору вѣрующаго, стоящаго у Креста Господня! Ни одинъ изъ великихъ мыслителей съ самымъ утонченнымъ умозрѣніемъ не можетъ подняться на такую высоту глубокаго пониманія Божества. И вотъ, охваченная такою безмѣрною глубиною любви, мысль вѣрующаго, стоящаго у креста Господня, можетъ изливаться только въ такихъ выраженіяхъ: *извѣстихся* (я увѣренъ), *яко ни смерть, ни животъ, ни ангели, ни начала, ниже силы.... ни ина тварь кая возможесть насъ разлучити отъ любве Божіа, яже о Христѣ Исусѣ, Господѣ нашемъ* (Римл. 8, 38. 39). Таковы внушенія проповѣди о Распятіи на крестѣ Спасителѣ нашемъ!

Но, питая душу вѣрующаго такими возвышенными представленіями о верховномъ Существѣ, крестное слово вмѣстѣ съ ними открываетъ ему новый путь для его нравственнаго совершенствованія. Оно внушаетъ ему, что, если самъ Искушитель для того, чтобы раскрыть предъ взоромъ человѣческимъ тайну Божества и Его величія, принялъ образъ раба, сдѣлавшись подобнымъ человѣкамъ,.... смирилъ Себя, бывъ послушнымъ даже до смерти и смерти крестной“, то какой другой путь можетъ избрать вѣрующій въ Него для своего совершенствованія, кромѣ освященнаго Имъ пути самоуничтоженія и самоотверженія, если захочетъ быть вѣрнымъ Его послѣдователемъ и изъявить готовность служить тѣмъ истинамъ и любви, которыя Онъ повѣдалъ міру? Послѣ подвига, совершеннаго Иисусомъ Христомъ, для вѣрующаго въ Него становится яснымъ тотъ великій урокъ, преподаанный Имъ,

что „кто хочетъ душу свою сберечь, тотъ потеряетъ ее“ (Лук. 9, 24), т. е. отдать на служеніе не себя, но тѣмъ истинамъ и любви, которымъ посвящаетъ себя. Его взору теперь открывается новый міръ нравственныхъ доблестей ему теперь становится яснымъ, что жизнь человѣка только тогда имѣетъ свою цѣну и значеніе, когда посвящается служенію для блага другихъ, а не тогда, когда руководится личными стремленіями и желаніями, направленными только къ собственному благу.

Достаточно указанія на эти двѣ истины, внесенныя въ міръ крестнымъ словомъ, чтобы понять все его величіе и глубину. Если бы эти двѣ истины сроднились съ нашимъ духомъ, еслибы онѣ стали нашею плотію и кровію, то какую жизнь онѣ внесли бы въ наше міросозерцаніе, какое благотворное вліяніе оказали бы на измѣненіе къ лучшему строя и образа нашей обыденной и общественной жизни! Тогда нашъ разумъ не оказался бы безсильнымъ уяснить, какъ мы явились на свѣтъ Божій и куда идемъ; тогда великія изобрѣтенія современной техники и механики не оставили бы безпомощными нашихъ страдающихъ и обремененныхъ разными невзгодами и тяжестями житейскими. Слово сочувствія и вспоможенія другъ другу повсюду слышалось бы и исполнялось на дѣлѣ среди насъ.

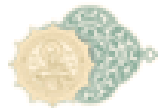
Слушатели благочестивые! Мы съ вами еще не пережили тѣхъ печальныхъ опытовъ упованія и разочарованія, о которыхъ у насъ была рѣчь выше; мы съ вами были только свидѣтелями пережитаго другими. Сами же мы росли и воспитались въ вѣдрѣ тѣхъ вѣрованій и преданій, которыя за вѣщали намъ наши отцы и дѣды,—въ ученіи Христовомъ, въ наставленіяхъ церкви. Тѣмъ внимательнѣе, наученные опытомъ, мы должны быть къ полученному нами наслѣдію, тѣмъ глубже мы обязаны сродняться своимъ духомъ съ этими вѣрованіями и преданіями. По неразрывной связи мы уже вступили на путь развитія нашихъ западныхъ сосѣдей: щедрою

рукой мы оттуда переносимъ на свою почву сокровища науки, изобрѣтенія техники и механики; и среди насъ уже воспитались изобрѣтатели искусствъ, поборники промышленности и обогащенія насъ разнаго рода предпріятіями; не забудемъ же, что всѣ эти добрыя начинанія тогда только будутъ полезными для насъ, когда въ основѣ ихъ развитія будутъ лежать великія истины, повѣданныя Христомъ Спасителемъ и хранимыя въ нашей церкви; въ нихъ будемъ черпать уроки для своего будущаго, въ нихъ будемъ искать залога прочности для своего умственнаго и нравственнаго преуспѣянія. Аминь!

С. Сольскій.

БОЛЬШОЙ МОСКОВСКИЙ СОБОРЪ

1666—1667 годовъ.

(Продолженіе *).

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Дѣятельность Большого Московскаго собора 1666—1667 годовъ по обновленію русской церковно-общественной жизни.

Но не одинъ расколъ былъ предметомъ обсужденія отцовъ Большого Московскаго собора; послѣдніе обратили вниманіе и на всѣ тѣ нестроенія и безпорядки въ русской церковно-общественной жизни, которые такъ или иначе способствовали развитію и распространенію раскола. Эти нестроенія и безпорядки замѣчались въ церковномъ управленіи и судѣ, въ богослуженіи и въ религіозно-нравственной жизни духовенства и мірянъ XVII вѣка. Отсюда и всѣ соборныя опредѣленія дисциплинарнаго характера касаются: I) *церковнаго управленія и суда*, II) *богослуженія*, III) *и религіозно-нравственной жизни духовенства и мірянъ*.

I.

Опредѣленія Большого Московскаго собора 1666—1667 годовъ касательно церковнаго управленія и суда.

Въ церковномъ управленіи отцы собора замѣтили крайній недостатокъ какъ *церковно-правительственнаго*, такъ и *епископальнаго надзора*.

---

*) См Труды Киевской дух. Академіи за м. февраль 1895 г.

Первый недостатокъ зависѣлъ отъ того, что въ Россіи не соблюдалось то апостольское и соборное правило, „яко да въ коейждо странѣ и епархіи творити архіереомъ соборы дважды въ лѣто, или, нужды ради, поединожды, церковныхъ ради вещей исправленія“. „Во здѣшнихъ странахъ великороссійскаго государства, говорятъ отцы собора, не обыкоша архіереи собиратися часто, и соборы творити, и исправляти священническія распри и прочая, учинившая толики раскольники и мятежники, и возмущаша все государство, и многія души погибоша, и вмалѣ было не весь народъ прельстили и отъ православныя вѣры возвратили ко безмѣстнымъ дѣломъ и еретическимъ мудрованіемъ“. Въ виду сего отцы опредѣляютъ, чтобы архіереи „всего російскаго государства“ почаще собирались „въ царствующій градъ Москву“, совѣтовались между собою и исправляли „нужныя церковныя вещи“¹⁾.

Недостатокъ же *епархіальнаго надзора* зависѣлъ отъ того, что русскія епархіи въ XVII столѣтіи занимали весьма обширныя территоріи. Управляя такими епархіями, архіереи съ трудомъ могли слѣдить за религіозно нравственнымъ состояніемъ своихъ пасомыхъ. Отцы собора обратили на это явленіе свое особенное вниманіе. Прочитавши, по предложенію самого государя, грамоту Московскаго собора, бывшаго при царѣ Ѳеодорѣ Іоанновичѣ, объ учрежденіи патріаршества и „устроеніи“ другихъ „архіерейскихъ престоловъ“ въ Россіи, отцы съ радостію узнали, что еще тогда было опредѣлено въ русской церкви быть одному патріарху, пяти митрополитамъ, шести архіепископамъ и осми епископамъ. Но это опредѣленіе въ свое время не было приведено въ исполненіе. Теперь отцы Большого Московскаго собора стараются восполнить подобный пробѣлъ: съ одной стороны, они утверждаютъ уже существующія епархіи и нѣкоторыя изъ нихъ возводятъ даже на болѣе высшія степени, а съ другой,—опре-

¹⁾ Матер. для истор. раск т. II, стр. 249—250.

дѣляютъ открыть и новыя епархіи въ еще бѣльшемъ количествѣ, чѣмъ въ какомъ даже предположено было ихъ открыть при учрежденіи патріаршества. Изъ существующихъ епархій отцы утверждаютъ недавно открытую епархію вятскую ¹⁾, а также утверждаютъ и возводятъ на степень митрополий архіепископіи—рязанскую, астраханскую и тобольскую и на степень архіепископій епископіи—черниговскую, воломенскую и псковскую. Затѣмъ, отцы опредѣляютъ открыть и новыя епархіи: митрополию въ Бѣлгородѣ, архіепископіи въ Нижнемъ Новгородѣ, Великомъ Устюгѣ, Архангельскѣ и въ Холмогорахъ,—и епископіи въ Ржевѣ—Володиміровѣ, „на Бѣлѣ Озерѣ“, въ Дмитровѣ, Перми, Томскѣ и на Ленѣ; при этомъ отцы собора постановили, чтобы каждый митрополитъ имѣлъ у себя подручныхъ епископовъ или викаріевъ, „ради конечнаго исполненія церковнаго и пасенія душъ человѣческихъ“. Такъ, новгородскій митрополитъ долженъ имѣть у себя викаріевъ въ Каргополѣ и въ Городецкѣ, или въ Устюжнѣ; митрополиты же казанскій, ростовскій, крутицкій и рязанскій—по одному викарію; мѣстомъ жительства викаріевъ означенныхъ митрополитовъ должны служить города—Уфа, Угличъ, Ливны, Воронежъ и Тамбовъ. Опредѣливши открыть новыя епархіи, отцы собора въ то-же самое время благословили и на будущее время поставятъ митрополитовъ, архіепископовъ и епископовъ въ тѣ мѣста, гдѣ, по усмотрѣнію государя, патріарха и прочихъ русскіихъ архіереевъ, будетъ чувствоваться въ этомъ крайняя нужда: „да управляется“, поясняютъ при этомъ отцы, „и расширяется православіемъ въ родъ и родъ богохранимое русское царство“ ¹⁾.

Что касается *церковнаго суда*, то въ немъ отцы собора замѣтили сильное преобладаніе свѣтской власти. Такое явле-

¹⁾ Матер. для истор. раск. т. I, стр. 12—13.

²⁾ Мат. для ист. раск. т. II, стр. 376—382, 426—430; Акт. истор. т. IV, № 196, стр. 367—368; Дополн. къ акт. истор. т. V, 26, стр. 142; Акт. археогр. Экспед. т. IV, № 155, стр. 207.

ніе было, конечно, противно древнимъ церковнымъ правиламъ. Вотъ почему отцы положительно запрещаютъ свѣтскимъ лицамъ судить духовенство и весь судъ надъ нимъ предоставляютъ только мѣстнымъ епископамъ, или тѣмъ духовнымъ лицамъ, которые будутъ имѣть на это особое полномочіе отъ своихъ архіереевъ: „да не повлачаютъ“, говорятъ отцы, „отнынѣ священниковъ и монаховъ въ мірскія судилища, ниже да судятъ мірскія люди освященнаго и монашескаго чина и всякаго церковнаго причта“, „а судить ихъ во всякихъ дѣлахъ архіереомъ, комуждо во своихъ епархіяхъ, или кому повелятъ отъ духовнаго чина, а не отъ мірскихъ“²⁾).

Возстановивши древнюю неподсудность духовности свѣтскимъ лицамъ, отцы собора въ то же самое время стараются дать церковному суду и строго опредѣленную организацию.

Такъ какъ церковному суду подлежали въ то время не только лица духовныя, но по нѣкоторымъ дѣламъ и міряне, то отцы раздѣляютъ его на двѣ части—на *судъ собственно-духовный*, производимый „искусными“ судьями изъ лицъ духовнаго званія, и *судъ боярскій*, производимый архіерейскими боярами и дьяками.

Суду *духовному*, по опредѣленію отцовъ собора, должны подлежать какъ лица духовныя, такъ и свѣтскія. Духовныя лица должны подлежать этому суду во всѣхъ дѣлахъ какъ гражданскихъ, такъ даже и уголовныхъ,—по крайней мѣрѣ, во все то время, пока эти лица носятъ на себѣ священный санъ. Міряне же подлежатъ духовному суду лишь только въ дѣлахъ брачныхъ и въ дѣлахъ по духовнымъ завѣщаніямъ¹⁾.

Что же касается *боярскаго суда*, то ему, по опредѣле-

¹⁾ Матер. для истор. раск. т. II, стр. 247—248, 369.

²⁾ Матер. для ист. раск. т. II, стр. 247—248, 369, 285; Акт. Археогр. Экспед. т. IV, № 155, стр. 406, № 161, стр. 212—213.

нію отцовъ собора, должны подлежать исключительно только міряне во ісѣхъ тѣхъ дѣлахъ, которыя еще издавна входили въ область суда церковнаго.—какъ, напр., въ дѣлахъ между родителями и дѣтьми, между владѣльцами и ихъ подчиненными, въ дѣлахъ о личныхъ обидахъ и т. под. 1).

Давши опредѣленную организацію церковному суду, отцы собора въ то же время опредѣлили и тѣ *наказанія*, которыми должны подвергаться виновные по этому суду. Въ этомъ случаѣ отцы говорятъ о наказаніяхъ *духовнымъ мѣстамъ*, *уличеннымъ* въ разныхъ преступленіяхъ, *церковнымъ татямъ*, *еретикамъ и раскольникамъ*.

Если кто-либо „отъ священническаго и монашескаго чина“ будетъ замѣченъ „въ разбояхъ, въ денежныхъ дѣлѣхъ“, „въ вѣдовствахъ“, въ торгашествѣ и въ корчемничествѣ, то таковой, по опредѣленію отцовъ собора, долженъ сначала наказаться „церковно, по освященнымъ правиламъ, отъ мѣстнаго архіерея“; въ случаѣ же повторенія преступленія, виновный долженъ подвергнуться изверженію изъ священнаго сана и быть преданнымъ градскому суду, какъ мірянинъ. Тѣмъ же наказаніямъ должны подлежать и тѣ „священники и діакони, или отъ священнаго чина клирики“, которые принимаютъ и скрываютъ краденныя вещи 2).

Что касается *церковныхъ татей*, то ихъ, говорятъ отцы собора, должно отлучать отъ святой соборной и апостольской церкви, какъ ихъ отлучаютъ 72 и 73 апостольскія правила и 10 правило „перваго и втораго соборовъ“, которое говоритъ, что долженъ быть отлученъ отъ церкви всякій, „кто возметъ отъ святаго олтаря сосудъ нѣкій освященъ святому олтарю, или инныя вещи, въ потребу неосвященну употребити, или отдастъ инымъ въ простую потребу“ 3).

1) Мат. для ист. раск. т. II, стр. 248; Акт. Археогр. Экспед. т. IV, № 155, стр. 206.

2) Матер. для ист. раск. т. II, стр. 285—287, 289—290.

3) Тамъ же т. II стр. 287—288.

Еретики же и раскольники, по опредѣленію отцовъ собора, также должны быть отлучены отъ церкви и преданы градскому суду, который можетъ ихъ наказывать подобно тому, какъ на Востоѣ наказывали македоніанъ, монофизитовъ, оригенистовъ, иконоборцевъ и другихъ еретиковъ и раскольниковъ ¹⁾.

II.

Опредѣленія Вольшого Московскаго собора 1666—1667 годовъ касательно богослуженія.

Много безпорядковъ отцы Большого Московскаго собора замѣтили и въ современномъ состояніи *богослуженія*. Эти безпорядки были а) *какъ въ самомъ отправленіи церковныхъ службъ*, б) такъ и *въ мѣстахъ богослуженія*.

А) Изъ церковныхъ службъ особенно не исправно совершались: *божественная литурія, святѣйшія таинства и нѣкоторыя церковныя чины*.

Въ совершеніи *божественной литуріи* отцы замѣтили много погрѣшностей и недостатковъ.

Прежде всего, отцы замѣтили, что литургія не всегда совершалась въ свое время. Поэтому они опредѣляютъ, чтобы „по приходскимъ церквамъ къ литургіамъ благовѣсту быти во второмъ часѣ дни (по нашему счету, въ восьмомъ часу утра), а въ великій постъ и прочіе посты быти благовѣсту по соборному благовѣсту“ ²⁾.

Другой недостатокъ состоялъ въ томъ, что у насъ, въ Россіи, въ то время девятый часъ пѣлся или предъ литургією, или послѣ нея. Отцы собора не одобряютъ этого обычая и повелѣваютъ пѣть девятый часъ только „купно съ вечернею“ ³⁾.

¹⁾ Тамъ же. Стр. 373 375.

²⁾ Матер. для истор. раск. т. II, стр. 362.

³⁾ Тамъ же. Стр. 124.

Замѣчено было также, что, при чтеніи апостола на божественной литургіи, священникъ сидитъ „на священносопрестоліи, сирѣчь на горнемъ мѣстѣ“. Отцы строго запрещаютъ это дѣлать и даже угрожаютъ лишеніемъ сана всякому священнику, который бы осмѣлился впредь это дѣлать. Свое запрещеніе отцы мотивируютъ тѣмъ, что горнее мѣсто предназначается для мѣстнаго епископа и есть его „сѣдалище“ и „престолъ“, на которомъ „не токмо священникомъ или архимандритомъ не подобаетъ сѣдѣти..., но ниже архіереомъ въ чуждыхъ епархіяхъ ни въ какой церкви возможно сѣдѣти..., ниже самому патріарху: аще прилучится ему путешествовати во епархіи митрополита или епископа своего, не можетъ сѣдѣти на томъ мѣстѣ“¹⁾).

Обращено было вниманіе и на русскій обычай читать ектенію и молитву о готовящихся ко святому просвѣщенію въ продолженіе великаго поста, начиная съ среды его четвертой недѣли, не только на литургіи преждеосвященныхъ Даровъ, но и на литургіи Василия Великаго и Іоанна Златоуста. Соборъ не одобряетъ подобнаго обычая и повелѣваетъ въ этомъ случаѣ слѣдовать примѣру греческой церкви, гдѣ указанныя ектенія и молитва читаются на одной только литургіи преждеосвященныхъ даровъ²⁾).

Затѣмъ, отцы замѣтили, что въ нѣкоторыхъ монастыряхъ и приходскихъ церквахъ „во святую литургію по нѣкоторому неправому преданію, или самочинному обычаю погашаютъ... свѣщи по преношеніи святыхъ даровъ, сирѣчь по херувимской пѣсни, инии же по достойнѣ. И то преданіе, говорятъ отцы, несмысленно есть: зане по херувимской пѣсни идутъ святые дары ко совершенію, тогда бо, по пренесеніи святыхъ даровъ, вѣще честь подобаетъ показати и свѣщъ не пога-

¹⁾ Матер. для ист. раск. т. II, стр. 225—226;

²⁾ Тамъ же, стр. 363; см. также „Служебникъ“. Изд. 1882 г., стр. 283—286.

шати, но еще и больше возжигати, по достойнѣ убо святыхъ дары совершенны суть, и сего ради по достойнѣ нелѣпо есть свѣщъ погашати; погашаются же свѣщци въ концѣ святыхъ литургій, по заимованнѣй молитвѣ¹⁾.

Во время великаго выхода, при перенесеніи святыхъ даровъ съ жертвенника на престолъ, нѣкоторые священники несли потиръ лѣвою рукою. Такой обычай, по замѣчанію отцовъ собора, не согласенъ съ церковнымъ уставомъ и ни о чемъ другомъ не свидѣтельствуетъ, какъ только о „суетудри“ тѣхъ лицъ, кто употребляетъ этотъ обычай. Почему отцы повелѣваютъ оставить подобный обычай и слѣдовать въ этомъ случаѣ примѣру святой восточной церкви, которая заповѣдуетъ держать святой потиръ въ правой рукѣ²⁾.

Отцы собора сочли необходимымъ сдѣлать нѣсколько опредѣленій и касательно *архіерейскаго совершенія божественной литургіи*.

Такъ, отцы замѣтили, что нѣкоторые русскіе архимандриты, по волѣ „благочестивыхъ царей и великихъ князей“, совершаютъ литургію по-архіерейски, осѣняють свѣчами и носятъ митры. Такого обычая собственно нѣтъ во святой восточной церкви. Но, ради просьбы великаго государя, отцы не возбраняють этого и только требуютъ, чтобы архимандриты „не дѣйствовали архіерейская“ и не осѣняли свѣчами, въ присутствіи архіерея, подобно тому, какъ этому послѣднему „не возможно.... служить и благословляти“, когда на литургіи присутствуетъ самъ патріархъ, ибо, по свидѣтельству святаго апостола Павла, „меншій отъ большаго благословляется безъ всякаго прекословія, а не большій отъ меньшаго“³⁾.

Проскомидія, при архіерейскомъ совершеніи литургіи,

¹⁾ Тамъ же, т. II, стр. 245.

²⁾ Матер. для истор. раск. т. II, стр. 227

³⁾ Тамъ же. Стр. 229—231.

по опредѣленію отцовъ собора, должна быть совершаема однимъ только іереемъ, прочіе же священнослужашіе не должны участвовать въ этомъ дѣйствіи¹⁾.

При совершеніи литургіи нѣсколькими архіереями, мѣстный архіерей не долженъ сидѣть „на священносопребстоли“, но долженъ сидѣть „вкупѣ съ прочими“ архіереями „на креслахъ по степени его, ради братскія любви и равночестія“, ибо, по замѣчанію отцовъ, такой обычай „держится“ и „во святой восточной церкви“²⁾.

Особенно видное отступленіе отъ обычая восточной церкви отцы замѣтили въ томъ, что нѣкоторые изъ малороссійскихъ архіереевъ въ теченіи одной литургіи поставляли „по три и по пяти, и десяти“ и болѣе „діаконовъ и поповъ“. Отцы порицають подобный обычай и говорятъ, что онъ не могъ быть заимствованнымъ „отъ святыхъ отцовъ“, ибо „Симеонъ, новъй богословъ, митрополитъ солунскій“ въ своей книгѣ „толкованія церковныхъ чиновъ“ (40-я гл.) говоритъ: „единого діакона пріяхомъ, и единого пресвитера, и единого епископа внутрь хиротонисати при святѣй трапезѣ, возвращая же, новосѣчетъ, новосѣчай же, не послѣдуетъ церкви. А не послѣдуяй святѣй восточнѣй церкви, сей послѣдуетъ еретикомъ яковитомъ и прочимъ, сицетворящимъ“. Въ виду этого отцы заповѣдуютъ, чтобы никто изъ архіереевъ впредь не держался этого обычая, и даже угрожаютъ лишеніемъ епископскаго сана всѣмъ тѣмъ архіереямъ, которые бы оказались ослушниками соборнаго опредѣленія³⁾.

Въ руководство русскимъ архіереямъ при совершеніи ими божественной литургіи отцы собора преподали особенный, просмотрѣнный ими, чинъ архіерейскаго совершенія литургіи,

¹⁾ Матер. для истор. раск. т. II, стр. 362—363.

²⁾ Тамъ же. Стр. 226.

³⁾ Матер. для истор. раск. т. II, стр. 224—225;

который еще въ 1653 году былъ составленъ вселенскимъ патриархомъ Аѳанасіемъ Пателаріемъ ¹⁾.

Большими недостатками отличалось также и совершеніе святѣйшихъ таинствъ—крещенія, миропомазанія, покаянія, причащенія, брака и елеосвященія.

Опредѣленія собора относительно таинства крещенія касались главнымъ образомъ самаго совершенія этого таинства, мѣста его совершенія, вещественныхъ принадлежностей этого таинства и лицъ, воспринимающихъ крещаемого.

Въ совершеніи таинства крещенія отцы собора замѣтили слѣдующіе недостатки: такъ, нѣкоторые священники при крещеніи сами не вычитывали установленныхъ молитвъ, а предоставляли это дѣлать діаконамъ, или кому-либо изъ своихъ причетниковъ. Отцы строго запрещаютъ это дѣлать и угрожаютъ лишеніемъ сана всякому священнику, который бы осмѣлился не послушать ихъ опредѣленія ²⁾.—Другой недостатокъ состоялъ въ томъ, что въ самомъ началѣ совершенія крещенія въ воду погружали всѣ свѣчи, стоявшія вокругъ купели, и самое таинство совершали безъ свѣчей. Отцы порицаютъ подобное „суемудріе и безчиніе“ и повелѣваютъ съ своей стороны слѣдовать въ этомъ случаѣ примѣру святой восточной церкви, которая заповѣдуетъ во все время совершенія крещенія имѣть вокругъ купели три возженные свѣчи ³⁾.

Относительно мѣста совершенія таинства крещенія отцы собора замѣтили, что такимъ мѣстомъ могутъ быть только приходскіе храмы, но никакъ не частные дома, ибо еще на шестомъ вселенскомъ соборѣ (59 пр.) было опредѣлено, чтобы „въ церквахъ, сущихъ внутри домовъ, не совершать крещенія; „аще же сего кто не хранитъ, аще есть причетникъ, да извержется, мірскій же человекъ да отлучится“ ⁴⁾.

¹⁾ Тамъ же. Стр. 291—236.

²⁾ Тамъ же. Стр. 228.

³⁾ Матер. для ист. раск. т. II, стр. 228—229.

⁴⁾ Тамъ же. Стр. 140.

Вещественными принадлежностями крещенія служатъ: купель, елей и вода.—Купель, по опредѣленію собора, должна всегда находиться въ благопристойномъ мѣстѣ и быть чистою и покрытою.—Точно также и елей для крещенія всегда долженъ находиться въ чистомъ покрытомъ сосудѣ. При этомъ отцы заповѣдуютъ, чтобы одинъ и тотъ же елей не употреблялся при нѣсколькихъ актахъ крещенія, но только одинъ разъ; также не долженъ быть употребляемъ въ крещеніи и „освященный елей надъ болящими...“, ибо ни что, по замѣчанію отцовъ, два раза не „посвящается“. Если же послѣ употребленія елей останется, то его должно всегда изливать въ купель.—О *крещальной водѣ* отцы замѣтили, что она никогда не должна быть „попираема отъ человѣкъ“, и потому всегда должна быть изливается „въ чистое мѣсто подъ церковь“. Если же эта вода будетъ нечаянно пролита на церковный полъ, или еще на какой-либо предметъ, то ее должно собрать губкой, или какимъ-нибудь другимъ предметомъ, и самое то мѣсто измыть „начисто“ простою водою ¹⁾).

Что касается *воспріемниковъ*, то отцы собора ограничиваютъ ихъ число при каждомъ актѣ крещенія, давши повелѣніе, „чтобы при крещеніи мужеска пола, или женскаго“ былъ одинъ только воспріемникъ и одна воспріемница ²⁾).

По отношенію къ таинству *миропомазанія* опредѣленія собора касаются исключительно только вещества для этого таинства—*св. миро*. Каждый священникъ самъ непосредственно, или чрезъ другихъ священнослужителей долженъ получать св. миро отъ своего архіерея. Полученное миро священникъ долженъ хранить въ чистыхъ сосудахъ въ благопристойномъ мѣстѣ, въ алтарѣ, и бдительно смотрѣть, чтобы никто изъ непосвященныхъ не прикасался къ св. міру. Въ случаѣ же

¹⁾ Матер. для раск. т. II, стр. 126—127.

²⁾ Тамъ же. Стр. 127.

порчи мѣра, священникъ долженъ сокрыть его въ землю, подъ алтаремъ, дабы оно никѣмъ не было попираемо¹⁾.

Въ отношеніи къ таинству *покаянія* опредѣленія собора касаются какъ вообще *всѣхъ православныхъ христіанъ*, такъ и, въ частности, *совершителей этого таинства*.

Всѣ *православные христіане*—мужи, жены и дѣти—должны какъ можно чаще приступать къ этому таинству; самымъ благопріятнымъ для этого временемъ могутъ служить дни святыхъ четырехъ постовъ. Если же кто въ продолженіе цѣлаго года не будетъ у исповѣди безъ всякихъ уважительныхъ причинъ, въ родѣ, напр., „путешествій и нужныхъ случаевъ“, то надъ такимъ, въ случаѣ его смерти, отцы заповѣдуютъ не совершать христіанскаго погребенія и не хоронить его при церкви: „зане таковой, живъ сый, удалилъ есть самъ себе божественныя церкви“²⁾.

Что касается *совершителей таинства покаянія*, то они, по опредѣленію собора, не должны принимать къ себѣ на исповѣдь „безъ отпусковыхъ памятей“ тѣхъ лицъ, которые имѣютъ другихъ духовныхъ отцовъ. Исключеніемъ изъ этого общаго правила могутъ служить лишь только тѣ лица, которыя не могутъ исповѣдаться у своихъ духовныхъ отцовъ или по дальности разстоянія, или „часа ради смертнаго“: въ такомъ случаѣ ни одинъ священникъ не долженъ отказывать такимъ лицамъ въ исповѣди; по минованіи же нужды, они снова должны возвратиться къ своимъ духовникамъ.—Но особенно отцы духовные должны освящать таинствомъ покаянія тѣхъ изъ своихъ пасомыхъ, которые подвержены опасной болѣзни, „дабы—замѣчаютъ отцы собора—ни единъ христіанинъ, малъ и великъ, не отшелъ свѣта сего безъ покаянія“³⁾.

Опредѣленія собора относительно *причащенія* касались самаго вещества для таинства и *лицъ*, принимающихъ его.

¹⁾ Тамъ же, стр. 126—127; Авт. Археогр. Экспедиц. т. IV. № 155, стр. 295.

²⁾ Матер. для истор. раск. т. II, стр. 132—133.

³⁾ Тамъ же, стр. 141, 366—367, 133

Веществомъ для таинства причащенія должны служить хлѣбъ и вино. Хлѣбъ долженъ быть кваснымъ, изъ чистой бѣлой пшеничной муки. Также и вино должно быть чистымъ и не кислымъ.

Указавши на качество хлѣба и вина, потребныхъ для таинства причащенія, отцы собора очень подробно говорятъ о *приготовленіи, сохраненіи и потребленіи запасныхъ даровъ.* *Приготовление* святыхъ даровъ должно совершаться такимъ образомъ: въ великій четвергъ, на литургіи, отдѣляется особая часть святыхъ и животворящихъ Тайнъ и полагается въ кивотъ; затѣмъ, въ ближайшій день священникъ, въ полномъ облаченіи, „покадивъ церковь обычно“, входитъ въ алтарь, становится „предъ святою трапезою“, творитъ „благоговѣнное Святымъ Тайнамъ поклоненіе“ и „кадитъ“ „крестообразно“ святую трапезу; умывши руки, онъ развертываетъ антиминсъ и ставитъ на немъ „святый дискосъ“. Послѣ того, взявши „святый кивотъ съ Божественными Тайнами“, открываетъ его, ставитъ на край антиминса и кадитъ его съ возгласомъ: „Слава Святѣй и единосущнѣй и животворящей и нераздѣльнѣй Троицѣ“ и т. д. Изъ кивота священникъ долженъ взять „святый агнецъ“, положить его на святомъ дискосѣ „и святымъ копіемъ“ раздроблять этотъ агнецъ „со всякимъ вниманіемъ и благоговѣніемъ на drobныя части“. По раздробленіи всего агнца, священникъ долженъ положить на край антиминса, направо отъ себя, особый „плитяный камень, или плинѣу“ и на камнѣ поставить „скудель новы со углемъ горящимъ“. Когда все это будетъ готово, священникъ обязанъ взять „святый дискосъ съ Божественными Тайнами раздробленными“, возложить „его верху скуделника“ и сушить „Божественныя Тайны, превращая святымъ копіемъ, да не како пригорятъ“. Впрочемъ, по замѣчанію отцовъ собора, можетъ быть и другой способъ сушенія божественныхъ Тайнъ, при помощи вѣтра. Но этотъ способъ болѣе продолжительный и требуетъ со стороны священника большой осторожности.—Приготовлен

ныя такимъ образомъ святыя Тайны священникъ долженъ *сохранять* въ золотомъ или серебрянномъ кивотѣ; въ случаѣ же бѣдности храма, можно полагать святыя Тайны и въ кивотѣ изъ англійскаго олова, напередъ поставивши въ такомъ кивотѣ новую, чистую писчую бумагу. Кивотъ со святыми Тайнами долженъ быть поставленъ на престолѣ, и никто изъ простыхъ людей не долженъ прикасаться къ этой святынѣ. Каждый день, или, по крайней мѣрѣ, въ три дня разъ священникъ долженъ осматривать запасные дары, и если найдетъ, что они отсырѣли, то долженъ вынуть ихъ изъ кивота и просушить на дискосѣ.—Если же запасные дары окажутся испортившимися, то священникъ никому не долженъ ихъ преподавать, но, отслуживъ литургію, долженъ приготовить новые дары; „сплѣснѣныя же и растлѣнныя Тайны“ онъ долженъ самъ *потребить* вмѣстѣ съ божественными тайнами, оставшимися отъ той же литургіи ¹⁾).

Касательно *лицъ причащающихся* соборъ далъ слѣдующее опредѣленіе: всѣ православные христіане должны какъ можно чаще приступать къ трапезѣ Господней. Но образъ причащенія долженъ быть неодинаковъ: священнослужители—архіереи, іереи и діаконы, по древнему обычаю и уставу, должны причащаться „отъ святаго потира потрижды“; мірянѣ же, по обычаю греческой церкви, должно причащать „пречистаго тѣла и крови Христовы лжицею.... поединожды“; исключеніе въ этомъ случаѣ можетъ быть лишь для лицъ больныхъ, которымъ подается *кровь Христова лжицею* „дважды и трижды, дабы они возмogli потребити“ тѣло Христово ²⁾).

Нѣкоторые опредѣленія соборъ далъ и касательно таинства *брака*.

Здѣсь отцы обратили вниманіе на тотъ русскій обычай, по которому предъ самымъ совершеніемъ брака когда же-

¹⁾ Матер. для истор. раск. т. II, стр. 133—137.

²⁾ Матер. для истор. раск. т. II, стр. 132, 227, 363.

нихъ и невѣста отправлялись въ храмъ, священникъ, облаченный въ епитрахиль, съ крестомъ въ рукахъ, ѣхалъ впереди верхомъ на конѣ: между тѣмъ какъ нѣкоторые „безумніи и безчинніи, пренебрегающіи... святую тайну, козлогласовали нелѣпыми и безстыдными словесы“. Отцы порицаютъ этотъ обычай и повелѣваютъ священникамъ, чтобы они впредь такимъ образомъ не ѣздили передъ брачующимися, но ѣздили бы, „по обычаю“, „просто, безъ епитрахилии и безъ креста“, и въ то же время поучали бы всѣхъ указанныхъ безчинниковъ, „да престанутъ“ они „отъ безумія“ своего. Если же кто, замѣчаютъ отцы, и послѣ этого будетъ безчинствовать предъ совершеніемъ брака, тотъ „да будетъ отлученъ, и да накажется градскимъ закономъ, яко безчинникъ“ ¹⁾).

Другой безпорядокъ состоялъ въ томъ, что въ русской церкви иногда допускался и четвертый бракъ. Отцы собора запрещаютъ указанный бракъ и даже угрожаютъ лишеніемъ сана всѣмъ тѣмъ священникамъ, которые и послѣ соборнаго опредѣленія осмѣлились бы вѣнчать четвертымъ бракомъ ²⁾),

Относительно же таинства *елосвященія* отцы дали такое опредѣленіе, чтобы священники никогда не лѣнились преподавать это таинство всѣмъ опасно больнымъ православнымъ христіанамъ ³⁾).

Вмѣстѣ съ тѣмъ отцы Большого Московскаго собора сдѣлали свои замѣчанія и касательно совершенія *нѣкоторыхъ церковныхъ чиновъ*, а именно—касательно совершенія чиновъ: *принятія въ православную церковь латинянъ, освященія храмовъ, освященія воды на Богоявленіе и 1-го августа, —касательно совершенія чина погребенія и поминовенія усопшихъ и чтенія коленнопреклоненныхъ молитвъ на вечернѣ въ день Пятидесятницы.*

¹⁾ Матер. для истр. раск. т. II, стр. 236;

²⁾ Тамъ же, стр. 366.

³⁾ Тамъ же, стр. 133.

По постановленію Московскаго собора 1620 года и по „указу“ патріарха Филарета Никитича въ русской церкви *не-рекрещивали вѣхъ латинянь, переходившихъ въ православіе*¹⁾. По предложенію государя Алексѣя Михайловича, отцы Большого Московскаго собора обратили свое вниманіе на это постановленіе временъ патріарха Филарета: разсмотрѣли всѣ основанія этого постановленія и нашли ихъ крайне несостоятельными. Въ виду сего отцы опредѣлили отмѣнить означенное постановленіе и впредь не перекрещивать латинянь, „но точію, по проклинаніи своихъ имъ ересей, и по исповѣданіи согрѣшеній, и подаваніи рукописанія, помазовати ихъ святымъ и великимъ миромъ, и сподобляти святыхъ таинъ и тако приобщати святѣй соборнѣй и апостольстѣй восточнѣй церквѣ“. Основанія для своего опредѣленія отцы нашли въ *древнихъ церковныхъ правилахъ, въ окружномъ посланіи Марка Ефесскаго и въ постановленіи Константинопольскаго собора 1484 года*.

По древнимъ церковнымъ правиламъ (апост. 46, 49, 50), должно крестить лишь только тѣхъ еретиковъ, которые „Божія вѣры отнюдъ отчуждишася“ и крещены или въ одно погруженіе, „въ смерть Господню даемое“, или еще какимъ-либо образомъ. Между тѣмъ какъ латиняне, говорятъ отцы, „крестятъ не во едино погруженіе и ниже въ смерть Господню; но, трижды обливающе, крестятъ во имя Отца и Сына и Святаго Духа“.

По другимъ же церковнымъ правиламъ (7 пр. II, всел. соб., 95 пр. VI всел. соб. и др.), крещеніе считалось истиннымъ у такихъ даже еретиковъ, какъ, напр., у аріанъ, македоніанъ и аполлинаристовъ. Если у этихъ еретиковъ могло быть истинное крещеніе, то тѣмъ болѣе оно должно быть таковымъ у латинянь, главное заблужденіе которыхъ состоитъ въ ученіи объ исхожденіи Святаго Духа не только отъ Отца, но и отъ Сына.

¹⁾ „Истор. русск. Церква“ митропол. Магарія, т. XI, стр. 23—33.

Но если латиняне имѣютъ истинное крещеніе, то ихъ не должно перекрещивать, ибо древнія церковныя правила (апост. 47) строго запрещаютъ повторять истинное крещеніе.

Обращаясь къ *окружному посланію Марка Ефесскаго*, отцы собора нашли и здѣсь подтвержденіе своему опредѣленію. Великій поборникъ православія, дѣйствительно, вполне подтверждаетъ ихъ опредѣленіе, когда говоритъ, что „отъ латинниковъ приходящихъ къ православію, яко аріановъ, и македоніанъ, и савватіанъ и наватіанъ, приедемъ подающихъ писаніе и проклинающихъ всякую ересь, не мудрствующую, якоже мудрствуетъ святая восточная церковь, и по седмому правилу втораго собора печатаемъ, сирѣчь помазуемъ ихъ святымъ миромъ, чело, очеса и прочая, по уставу, глаголюще: печать дара Святаго духа аминь“.

Подобно Марку Ефесскому, и соборъ *четырехъ восточныхъ патріарховъ*, бывшій въ Константинополь въ 1484 году, повелѣлъ принимать латинянъ не чрезъ крещеніе, но чрезъ миропомазаніе, и составилъ даже особый чинъ, „како приимати ихъ и вопрошати, и како проklinати имъ латинскія ереси, и по семъ помазовати святымъ миромъ и молитвовати надъ ними, взимати же и рукописаніе отъ нихъ во святую великую церковь“ ¹⁾.

Относительно чина *освященія храмовъ* отцы собора заимѣли, что этотъ чинъ долженъ совершать одинъ только архіерей, ибо „сіе архіерейское дѣйство есть, а не священническое, якоже и хиротонія и освященіе святаго мира“. Но, если по какимъ-либо обстоятельствамъ архіерею невозможно будетъ самому освятить новоустроенный храмъ, то онъ долженъ на божественной литургіи освятить для этого храма антиминсъ и освященіе зданія предоставить кому-либо изъ своихъ первыхъ священниковъ.

Самое освященіе храма въ этомъ случаѣ должно совер-

¹⁾ Матер. для истор. раск. Т. II, стр. 343—360.

паться такимъ образомъ: священникъ, посланный архіереемъ, полагаетъ освященный антиминсъ на дискосѣ, сверху ставитъ звѣздицу, покрываетъ „святою пеленою“ и все это ставитъ на аналоѣ предъ мѣстной иконою Спасителя; затѣмъ служитъ „малую“ и „великую“ вечерни и „прочая послѣдованія, по чину и по уставу“. На слѣдующій день посланный архіереемъ, вмѣстѣ съ другими священнослужителями, совершаетъ все то, что „уставъ повелѣваетъ: украшаетъ святую трапезу по чину, прежде помазавъ ю освященнымъ и великимъ миромъ, и прочая вся соверша, яко во Уставѣ написано“; затѣмъ, архіерейскій посланный выходитъ изъ алтаря, беретъ „святый дискосъ со священнымъ антиминсомъ, яко есть покровень“, и, возложивши все это на свою голову, вмѣстѣ съ другими священнослужителями и народомъ, „единощи“ или „трижды“ „творитъ входъ окрестъ церкви“. По входѣ же во храмъ, посланный архіереемъ полагаетъ антиминсъ „на святую трапезу“, возлагаетъ на немъ „священное Евангеліе и, преклонивъ колѣна вмѣстѣ съ народомъ, читаетъ особую молитву. Послѣ этого обычнымъ порядкомъ совершается божественная литургія.—Тамъ же, гдѣ невозможно ходить кругомъ храма, можетъ быть совершенъ и другой чинъ освященія: вечеромъ архіерейскій посланный полагаетъ освященный антиминсъ на дискосѣ и на аналоѣ предъ иконою Спасителя и совершаетъ всенощное бдѣніе. Утромъ же онъ совершаетъ „освященіе воды при всемъ народѣ“, кропитъ святою водою весь храмъ и украшаетъ по уставу „святую трапезу“ и жертвенникъ. Послѣ этого слѣдуетъ литургія; на маломъ выходѣ священникъ, посланный архіереемъ, беретъ съ аналоя дискосъ съ освященнымъ антиминсомъ, вноситъ все это въ алтарь и полагаетъ на престолѣ; „пѣвцы... поютъ тропари и кондаки“ „обновленія и храма“; читается съ колѣнопреклоненіемъ особая молитва, поется „трисвятое“ и совершается обычнымъ порядкомъ божественная литургія ¹⁾.

¹⁾ Матер. для истор. раск. Т. II. стр. 336—341.

Что касается *освященія воды на Богоявленіе*, то съ 1656 года оно совершалось въ Россіи только разъ вечеромъ, наканунѣ Богоявленія ¹⁾. Отцы нашли подобный обычай противнымъ уставу „святыхъ восточныхъ церкви и... преданію святыхъ и богоносныхъ отцевъ“, а потому повелѣли впредь два раза освящать воду—вечеромъ предъ Богоявленіемъ, въ храмахъ, и въ самый праздникъ—на рѣкахъ ²⁾.

Другой безпорядокъ въ совершеніи освященія воды какъ на Богоявленіе, такъ и 1-го августа, отцы замѣтили въ томъ, что нѣкоторые еще до погруженія въ воду „честнаго креста“ погружали свѣчи. Отцы собора порицаютъ подобный обычай и говорятъ, что онъ противенъ „уставу и преданію святыхъ восточныхъ церкви“. Если кто хочетъ погружать въ святой водѣ свѣчи или какія-либо вещи, то пусть погружаетъ ихъ уже послѣ погруженія въ водѣ „честнаго креста“ и ничего бы при этомъ не произносилъ, такъ какъ свѣчи и вещи не освящаютъ воды, но сами, по замѣчанію отцовъ, освящаются „отъ святыхъ водъ“ ³⁾.

Новый безпорядокъ отцы собора замѣтили въ томъ, что освященною водою иногда кропили не одни священники, но и діаконы. И здѣсь отцы нашли нѣкоторое нарушеніе устава: „священникъ бо святить воду“, говорятъ они: „ему же до-стоитъ и кропити, а не діакону; діаконъ же токмо да держитъ сосудъ со святою водою, зане слуга есть“ ⁴⁾.

Относительно *погребенія умершихъ* отцы собора дали такое опредѣленіе, чтобы, при перенесеніи усопшихъ изъ дома въ храмъ, священникъ шелъ не за гробомъ, но, по обычаю восточной церкви, впереди гроба, „зане не умершій“—

---

¹⁾ Акты Археогр. Экпед. т. IV, № 333, стр. 495; ср. Чтен. въ Император. Общ. ист. и древн. Россійскихъ при Москов. Университетѣ, 1894 г., кн. 1-я, отд. V—смѣсь, стр. 21—22.

²⁾ Матер. для истор. раск. Т. II, стр. 237—238, 362.

³⁾ Матер. для истор. раск. т. II, стр. 229.

⁴⁾ Тамъ же, стр. 227—228.

говорять отцы—„водитъ священниковъ къ церкви, но священницы водятъ умершаго“. Если же въ перенесеніи умершаго будутъ участвовать нѣсколько священнослужителей, то они должны идти въ такомъ порядкѣ: впереди гроба по два человѣка въ рядъ идутъ сначала простые священники, затѣмъ—игумены, архимандриты и вблизи самаго гроба—архіерей; „окрестъ... умершаго діаконъ съ кадильницы“; за гробомъ же „благодично“ слѣдуютъ міряне. Не мѣшаетъ также, по замѣчанію отцовъ собора, носить предъ умершимъ и „великій крестъ“, ибо таковой обычай содержится „во всѣхъ христіанскихъ странахъ“¹⁾.

Поминовеніе усопшихъ должно совершаться такимъ образомъ: вечеромъ совершается панихида, на которой читается и поется все то же, что и при погребеніи, за исключеніемъ только стихиръ, блаженновъ, апостола, евангелія и „цѣлованія“. По окончаніи службы, священнослужители съ пѣніемъ „со духи праведныхъ“... идутъ вмѣстѣ съ присутствующимъ народомъ къ мѣсту погребенія умершаго; затѣмъ, діаконъ произноситъ ектенію—„помилуй насъ Боже, и прочая, священникъ молитву: Боже духовъ, возгласъ: яко ты еси воскресеніе“ и бываетъ „отпускъ по обычаю за упокой“. На другой день совершается божественная литургія, на которой читается заупокойные апостолъ и евангеліе. По прочтеніи заамвонной молитвы, священнослужители поютъ: „со духи праведныхъ, и прочая“; діаконъ произноситъ ектенію: „помилуй насъ Боже“...; священникъ—молитву: Боже духовъ, и по возгласѣ; яко ты еси воскресеніе“, заканчивается обычнымъ порядкомъ литургія. По окончаніи же литургіи, священнослужители съ народомъ снова идутъ на могилу умершаго и совершаютъ здѣсь то же самое, что совершали и по прочтеніи заамвонной молитвы. Если же умершій схороненъ въ церкви,

¹⁾ Матер. для истор. раск. т. II, стр. 243—244, 130.

то на гробъ идуть тотчасъ же, по прочтеніи заамвонной молитвы ¹⁾).

Отцы собора обратили также вниманіе и на чтеніе *коленнопреклоненныхъ молитвъ на вечернь въ день Пятидесятницы*. Вѣроятно, многіе русскіе священники не знали, куда обращаться лицомъ, при чтеніи этихъ молитвъ,—на востокъ, или на западъ. Вотъ почему отцы собора указываютъ, что *коленнопреклоненныя молитвы въ день Пятидесятницы* должно читать, „обратяся къ западу, къ народу“, хотя въ то же время не осуждаютъ и другого обычая—читать эти молитвы, обратившись лицомъ къ востоку ²⁾).

Давши нѣсколько правилъ касательно *совершенія нѣкоторыхъ церковныхъ службъ*, отцы собора сдѣлали въ то же время и нѣсколько опредѣленій относительно *самыхъ мѣстъ богослуженія—храмовъ и ихъ принадлежностей*.

По опредѣленію отцовъ собора, въ *храмахъ* всюду должны царить порядокъ и чистота; всякія же постороннія вещи, въ родѣ, напр., зеркалъ, должны быть изгоняемы изъ этихъ мѣстъ общественнаго богослуженія ³⁾).

Особенно же свое вниманіе отцы обратили на нѣкоторыя храмовыя принадлежности, а именно: на *престолы, амвоны, церковныя сосуды, иконы и церковныя дѣловыя книги*.

Престолы, по опредѣленію отцовъ собора, должны утверждаться на „твердыхъ“ и „непоколебимыхъ“ столбцахъ и покрываться чистыми и благообразными одеждами ⁴⁾).

Вмѣстѣ съ тѣмъ отцы заповѣдуютъ устроить въ *храмахъ амвоны*, которые еще издавна имѣли нѣкоторое таинственное значеніе и существовали въ православныхъ храмахъ ⁵⁾....

Относительно *церковныхъ сосудовъ* отцы замѣтили, что

¹⁾ Мат. для ист. раск. т. II, стр. 244—245.

²⁾ Тамъ же, стр. 361.

³⁾ Тамъ же, стр. 126, 235—236.

⁴⁾ Тамъ же, стр. 126.

⁵⁾ Матер: для истор. раск. т. II, стр. 232.

они всегда должны быть чистыми и съ соответственными крышками ¹⁾).

Но особенно подробныя опредѣленія соборъ сдѣлалъ касательно храмовыхъ *иконъ*. Послѣднія не всегда отличались хорошею живописью. Причина этого явленія заключалась въ томъ, что русскіе художники писали иконы безъ всякаго контроля со стороны духовной власти. Отцы собора прекрасно понимали эту причину плохого состоянія русскаго иконописанія и потому опредѣлили подчинить всѣхъ иконописцевъ строгому надзору особаго старосты изъ лицъ духовнаго званія, который бы самъ былъ искуснымъ художникомъ и добрымъ чоловѣкомъ.

Но этимъ отцы собора не ограничились: они даже опредѣленно указали, какія изображенія не должны быть допускаемы на иконахъ, и какъ собственно нужно писать иконы.

Такъ, отцы запрещаютъ изображать Св. Троицу въ такомъ видѣ: Господь Саваоѣ съ сѣдою бородою, во чревѣ Его Единородный Сынъ и между Ними Святый Духъ въ видѣ голубя. Свое запрещеніе отцы мотивируютъ тѣмъ, что невозможно изобразить на иконѣ ни Бога Отца, ни предвѣчнаго рожденія отъ Него Сына, ни Бога Духа Святаго. — Отца невозможно изобразить потому, что Его никто изъ людей не видѣлъ „по божеству“. Правда, еще пророкъ Даніилъ видѣлъ „Ветхаго деннѣ, сѣдѣщаго на судищи“, но здѣсь, по разумѣнію отцовъ собора, говорится не объ Отцѣ, но о Сынѣ, Который „будетъ во второе Его пришествіе судити всякаго языка страшнымъ судомъ“. Объ этой невозможности изобразить Отца вещественнымъ образомъ свидѣлствуютъ и Священное Писаніе и Отцы церкви. Пророкъ Исаія, напр., говоритъ: „кому уподобисте Господа и коему подобію уподобисте Его? Еда бо образъ сотвори древодѣля, или златарь слѣавъ злато

¹⁾ Тамъ же. стр. 126.

позлати и, или подобіемъ сотвори его?“. Также и Св. Іоаннъ Дамаскинъ свидѣтельствуєтъ:.... „невидимаго и безтѣлеснаго и неописаннаго и необразнаго Бога кто можетъ сотворити подражаніе? пребезумія убо крайняго и нечестія образовати Божество“. Если и можно изобразить Отца „въ сѣдинѣ“, то это возможно допустить только при изображеніи апокалипсическихъ видѣній.—Невозможно написать на иконѣ и предвѣчнаго рожденія Сына отъ Отца, ибо это рожденіе не плотское, но „неизреченное“,—такое рожденіе, которое можно постигать только „умомъ“, но никакъ „не писати во образѣхъ“.—Равно также и Св. Духа нельзя изображать въ видѣ голубя, ибо Онъ „существомъ“ не голубь, но „Богъ есть: а Бога никто же видѣ, якоже Іоаннъ Богословъ и Евангелистъ свидѣтельствуєтъ“. Если же и можно Святаго Духа изображать въ видѣ голубя, то только—на иконахъ Божоявленія, ибо при крещеніи Спасителя, Онъ (Святой Духъ), дѣйствительно, явился „въ видѣ голубинѣ“.

Запрещаютъ отцы имѣть въ храмахъ такія иконы Благовѣщенія, на которыхъ изображенъ Господь Саваоѣ, изъ устъ Котораго идетъ дыханіе „во чрево Пресвятыя Богородицы“. „Кто то видѣ“, замѣчаютъ отцы, „или какое святое писаніе о семъ свидѣтельствуєтъ, и откуда сіе взято? Явственно есть, яко таковъ обычай и ина подобна отъ нѣкоторыхъ суемудрыхъ, или паче реши,—суемудрыхъ и безумныхъ пріятся и обыче. Сего ради повелѣваемъ отнынь то суемудрое и безмѣстное писаніе да преставеть“.

Не позволяютъ также отцы изображать и святыхъ съ „ложнымъ“ перстосложеніемъ; но повелѣваютъ, чтобы святители, по древнему преданію, изображались съ благословляющею рукою; прочіе же святые и мученики, если нужно ихъ изобразить молящимися, пусть пишутся съ „простертыми руками: зане то истинное моленіе изобразуется, а сложеніе перстовъ не изобразуется моленіе, но токмо исповѣданіе вѣры являетъ“.

Въ частности, относительно московскимъ святителей—Петра, Алексія и Іоны отцы повелѣваютъ, чтобы ихъ впредь не изображали въ бѣлыхъ клобукахъ. Основаніе для своего запрещенія отцы видятъ въ томъ, что московскіе митрополиты стали носить бѣлый клобукъ уже послѣ новгородскаго архіепископа Геннадія; а этотъ послѣдній жилъ гораздо позднѣе святителей—Петра, Алексія и Іоны.

Наконецъ, отцы не совѣтуютъ изображать въ храмахъ „на деисусѣ“ Господа Саваоа, но считаютъ болѣе приличнымъ изображать „распятіе Господа и Спаса нашего Іисуса Христа“. Такое изображеніе на „деисусѣ“, по свидѣтельству отцовъ, встрѣчается во всѣхъ православныхъ странахъ и имѣетъ притомъ нѣкоторое таинственное значеніе. „Якоже Моисей въ пустынѣ воздвиге мѣднаго змія, изобразуя распятіе Спасителя Христа, и якоже тогда отъ угрызенія зміева исцѣляхуся Израильтяне, зряще на того змія; такожде“, говорятъ отцы, „и мы нынѣ, новый Израиль, зряще во святѣй церквѣ на распятіе и страсти Спасителя нашего Іисуса Христа, исцѣляемся отъ угрызенія невидимаго змія, сирѣчь отъ грѣхонаденій нашихъ“¹⁾.

Что касается *церковныхъ дѣловыхъ книгъ*, то ихъ въ каждомъ приходскомъ храмѣ должно быть *четыре*: въ одной книгѣ должны быть записаны *крещаемые*, въ другой—*бракосочетающіеся*, въ третьей—*всѣ прихожане* и въ четвертой—*умершіе*.

Въ книгѣ о *крещаемыхъ*, по опредѣленію собора, должно записывать имя крещаемого, мѣсто и время его крещенія, а также должно быть указано и время рожденія крещаемого. Если дитя будетъ подкинута, то должно обозначить приблизительно его возрастъ, мѣсто и время его нахождения и то лицо, къмъ оно было найдено.—Затѣмъ, въ той-же книгѣ должны быть записаны и родители крещаемого. Если младенецъ будетъ незаконнорожденнымъ, то должно записывать имя

¹⁾ Матер. для истор. раск. т. II, ст. 250—256.

только матери; при этомъ соборъ совѣтуетъ избѣгать, по возможности, безчестія и не записывать именъ родителей, если они официально не будутъ извѣстны священнику.—Вмѣстѣ съ тѣмъ должны быть обозначены имя, отчество, фамилія и мѣстожительство этихъ воспріемниковъ.—Наконецъ, въ книгѣ о крещаемыхъ долженъ быть записанъ и тотъ священникъ, который совершалъ таинство крещенія. Если же крещеніе „ради смертныхъ бѣдъ“ совершенно кѣмъ-нибудь изъ мірянъ, то долженъ быть записанъ и этотъ совершитель таинства; если же крещенное такимъ образомъ дитя останется живымъ, и приходскій священникъ закончитъ чинъ крещенія, то въ такомъ случаѣ должны быть записаны оба совершителя таинства—и мірянинъ и священникъ, кончившій чинъ крещенія.

Въ книгу о *бракосочетающихся* должны быть заносимы „вѣчные памяти“, въ которыхъ указывалось, что между брачующимися нѣтъ никакихъ законныхъ препятствій къ совершенію извѣстнаго брака.

Въ книгѣ же о *прихожанахъ* должны быть записаны ихъ имена. Цѣль этой записи та, чтобы всегда и безпрепятственно можно было священнику помянуть своихъ прихожанъ „во святѣй божественнѣй службѣ и въ прочихъ молитвахъ“.

Точно также, по опредѣленію собора, и имена *умершихъ* должны быть заносимы въ *особую книгу* для того, чтобы священникъ всегда могъ „помянуть“ своихъ умершихъ прихожанъ „по чину церковному“¹⁾.

III.

Опредѣленія Большого Московскаго собора 1666—1667 годовъ касательно религіозно-нравственной жизни духовенства и мірянъ.

Не мало недостатковъ отцы собора 1666—1667 годовъ замѣтили и въ религіозно-нравственной жизни *духовенства* и *мірянъ* своего времени.

¹⁾ Матер. для истор. раск. т. II, стр. 127—130.

Главнымъ недугомъ значительной части *русскаго духовенства* XVII вѣка былъ *духъ своеволія и самоуправства*. Этотъ духъ своеволія проявлялся во всей жизни духовенства: и въ отношеніяхъ его къ высшей церковной власти, и при совершеніи богослуженія, и въ обыкновенной повседневной жизни.

Въ отношеніи къ высшей церковной власти этотъ духъ своеволія проявлялся въ томъ, что по епархіямъ большая часть духовенства не покорялась своему мѣстному епископу, въ монастыряхъ іеромонахи не подчинялись „своимъ наставникомъ, архимандритомъ и игуменомъ“, въ отдѣльныхъ приходахъ діаконы презирали своихъ священниковъ и при удобныхъ случаяхъ садились иногда прежде и выше своихъ настоятелей.

Отцы порицаютъ подобное отношеніе духовенства къ своему ближайшему начальству и повелѣваютъ, чтобы впредь все духовенство подчинялось своему епархіальному архіерею, іеромонахи знали своихъ игуменовъ и архимандритовъ, а діаконы по приходамъ не садились выше священниковъ; исключеніемъ изъ послѣдняго правила, по опредѣленію отцовъ собора, могутъ служить только протодіаконъ великой соборной церкви и тѣ діаконы, которые въ своемъ лицѣ представляютъ какого-либо архіерея: протодіаконъ, „чести ради великія и соборныя церкви“, можетъ садиться выше сельскихъ „несановитыхъ“ священниковъ, діаконы же, являющіеся замѣстителями своихъ архіереевъ, должны всегда пользоваться почетомъ и садиться выше всѣхъ священниковъ¹⁾.

Духъ своеволія и небреженія русское духовенство XVII столѣтія проявляло и при совершеніи богослуженія. Многіе изъ священнослужителей отправляли церковныя службы въ два, три и нѣсколько голосовъ,—притомъ же, вели себя крайне непристойно и ничуть не заботились о наученіи своихъ пасомыхъ.

Отцы собора замѣтили всѣ эти безпорядки и повелѣли,

¹⁾ Матер. для истор. раск. т. II, стр. 365—366, 248—249.

чтобы впредь все „церковное славословіе“ духовенство совершало „чинно, не мѣтежно и единогласно“, вело себя при этомъ благоприлично и наставляло своихъ прихожанъ въ истинахъ вѣры и доброй нравственности¹⁾.

Что касается *обыкновенной повседневной жизни* духовенства XVII столѣтія, то и здѣсь духъ своеволія имѣлъ свое мѣсто и проявлялся во всевозможныхъ порокахъ. Основными пороками духовенства того времени были *пьянство* и *корыстолюбіе*.

Отцы замѣтили, что значительная часть русскаго духовенства предавалась постыдному пороку пьянства. Это обстоятельство дало имъ поводъ строго приказать, чтобы никто изъ лицъ духовнаго званія не только не упивался виномъ, но „и въ корчмы пити не ходилъ“. Особенно же настоятели монастырей, по опредѣленію отцовъ, должны „накрѣпо“ смотрѣть, чтобы никто изъ монашествующихъ не держалъ у себя въ кельѣ „русскаго вина“ и не упивался имъ; монаховъ же, проводящихъ нетрезвый образъ жизни, настоятели должны увѣщевать, чтобы они отстали отъ своей прочной жизни; если же и увѣщанія не подѣйствуютъ, то виновные должны быть подвергнуты наказанію „по правиломъ святымъ безъ всякія пощады“²⁾.

Невоздержная жизнь нѣкоторыхъ духовныхъ лицъ приводила ихъ къ порокамъ *бродяжничества*, *сквернословія* и *кошунства*.

Отцы собора замѣтили, что многія лица какъ изъ *благаго*, такъ и изъ *чернаго* духовенства самовольно *переходили* съ одного мѣста на другое.

Въ виду этого относительно *благаго* духовенства отцы опредѣлили, чтобы никто изъ этого духовенства „безъ благословенія архіерейскаго“ не переходилъ отъ одной церкви въ другой и не священнодѣйствовалъ въ чужихъ приходахъ;

¹⁾ Тамъ же, стр. 124, 132, 215, 242.

²⁾ Матер. для истор. раск. т. II, стр. 130, 260, 366.

равно также и міряне не должны принимать подобныхъ бѣглыхъ священно-и-церковнослужителей. Въ основаніе такого своего опредѣленія отцы приводятъ десятое правило седьмого вселенскаго собора, которое гласитъ: „причетникъ, оставивъ свою землю и на иную страну отшедь, безъ повелѣнія своего епископа и Константина града, да не будетъ пріять ни въ домъ, ни въ церковь; се же творя и пребывая, да извержется“¹⁾. Точно также и *лица монашествующія*, безъ разрѣшенія своихъ настоятелей, не должны оставлять свои монастыри и переходить въ другіе; „иноку“, говорятъ отцы, нужно „терпѣти до послѣдняго своего издыханія въ обители, идѣже, онъ „общася и пострижеса, со всякимъ терпѣніемъ, и да не отлучится отъ любезныя обители своей, яко и женихъ отъ искренней невѣсты своей“. Настоятели же монастырей должны зорко слѣдить, чтобы никто изъ ихъ подчиненныхъ не бѣжалъ изъ монастыря; бѣжавшихъ монаховъ они должны возвращать въ монастырь; если же виновные откажутъ возвратиться, то настоятели доносятъ объ этомъ мѣстному епископу, который долженъ наказать виновныхъ и, въ случаѣ новаго преслушанія, отлучить ихъ даже отъ церкви²⁾.

Вмѣстѣ съ тѣмъ отцы собора заповѣдуютъ лицамъ духовнаго званія избѣгать постыдныхъ пороковъ—*сквернословія* и *кощунства*, которые, подобно бродяжничеству, были также естественнымъ послѣдствіемъ нетрезвой жизни³⁾.

Что касается другого основнаго порока—*корыстолюбія*, то и онъ сильно былъ распространенъ среди бѣлаго и чернаго духовенства.

Въ средѣ бѣлаго духовенства этотъ порокъ проявлялся въ слѣдующихъ формахъ: одни изъ священно-и-церковнослужителей владѣли двумя приходами и занимали нѣсколько церковныхъ мѣстъ; другіе смотрѣли на храмы, какъ на свои

¹⁾ Матер. для ист. раск. т. II, стр. 138—140, 364, 371—372.

²⁾ Тамъ же, стр. 256—257, 258—261, 140—141.

³⁾ Тамъ же, стр. 130.

вотчины, и продавали ихъ доходы постороннимъ лицамъ, а иные „за мзду“ преподавали святѣйшее таинство евхаристіи.

Противъ всѣхъ этихъ безпорядковъ отцы собора дали свои опредѣленія. Такъ, они заповѣдали, „чтобы священники и діаконы, и прочіи причетники неподобнаго ради пріобрѣтенія двѣма церквами не владѣли, такоже и діаконскими и причетническими мѣстами не владѣли же, зане священная правила о семъ возбраняють“. Если же духовныя лица будутъ недостаточно обезпечены въ матеріальномъ отношеніи, то пусть они займутся какимъ-нибудь „художествомъ“ и отъ того бы „художества“ себѣ „потребу пріимали“.—Точно также духовныя лица не должны отдавать храмы на откупъ, ибо это не согласно съ характеромъ святой церкви, которую Христосъ Спаситель нашъ искупилъ... пречистою своею кровію и свободи“. При этомъ отцы совѣтуютъ прихожанамъ каждаго храма выкупать свои „святыя церкви продаваемыя“..., за исключеніемъ „домовнаго ихъ строенія и храминъ“, которыя могутъ быть священниками отдаваемы въ наемъ.—Порицають отцы собора и тѣхъ священниковъ, которые „за мзду“ преподавали недостойнымъ людямъ святѣйшее таинство евхаристіи, и строго запрещаютъ впредь это дѣлать¹⁾.

Подобно бѣлому духовенству, и *лица монашествующія* были не чужды порока корыстолюбія: многіе изъ чернаго духовенства лично имѣли „корчемницы, лавки, дворы“, отдавали ихъ въ наемъ и вообще занимались разными торговыми промыслами.... Отцы собора это замѣтили и повелѣли, чтобы никто изъ монашествующихъ не держалъ ни корчемницъ, ни лавокъ, ни дворовъ и вообщемъ не вдавался ни въ какія мірскія „попеченія“. Если же кто изъ монашествующихъ и послѣ этого будетъ „врѣваться“ „въ тѣже вышеписанныя вещи, въ мірская попеченія“, тотъ долженъ быть изверженъ изъ монашества, ибо „Богу работати и мамонѣ никтоже можетъ“.

¹⁾ Матер. для истор. раск. т. II, стр. 141—142, 241—242.

При этомъ отцы позволяютъ, на основаніи пятого правила „перваго и втораго собора“, отбирать у такихъ монаховъ и монахинь „стяжанія“ и раздавать ихъ нищимъ. Исключеніемъ изъ общаго правила можетъ служить одна только продажа ручныхъ монашескихъ издѣлій, которая, по опредѣленію отцовъ собора, можетъ быть совершаема, но только чрезъ посредство двухъ престарѣлыхъ монашествующихъ лицъ, нарочито для того избранныхъ настоятелемъ или настоятельницею монастыря¹⁾.

Сдѣлавши нѣсколько опредѣленій касательно тѣхъ или другихъ недостатковъ въ религіозно-нравственной жизни русскаго духовенства XVII столѣтія, отцы Большого Московскаго собора обратили свое вниманіе и на *причины* этихъ недостатковъ. Причины эти заключались какъ *въ тѣхъ лицахъ, которыя поступали въ духовное званіе*, такъ и *во вдовыхъ священнослужителяхъ, которые въ то время были лишаемы церковныхъ должностей*.

Въ составъ духовенства XVII столѣтія нерѣдко поступали *лица крѣпостного сословія*, которые иногда самовольно уходили отъ своихъ господъ и принимали священный санъ, или же постригались въ монашество. Понятно, что такія лица, поступавшія въ духовное званіе *безъ всякаго надлежащаго приобщенія*, позволяли себѣ тѣ-же самыя пороки, какіе они допускали и въ прежнемъ своемъ крѣпостномъ состояніи.

Отцы собора замѣтили подобную причину порочной жизни духовенства своего времени и потому постарались устранить эту причину.

Съ этою цѣлью они опредѣлили, чтобы впредь не принимать въ церковный клиръ и не постригать въ монашество тѣхъ лицъ изъ крѣпостного сословія, которыя не получили свободы отъ своихъ господъ. Если кто изъ архіереевъ, говорить отцы, и послѣ этого опредѣленія будетъ поставлять

¹⁾ Матер. для ист. раск., т. II, стр. 289—290, 261—262.

„таковыхъ въ попы и во діаконы, или повелить постригати безъ отпускныхъ и безъ свидѣтельства“, тотъ долженъ подвергнуться запрещенію отъ „большаго архіереа“; архимандритъ же, игуменъ и всякій іеромонахъ, дерзнувшіе постричь въ монашество кого-либо изъ тяглыхъ лицъ, не получившихъ свободы отъ своего господина, должны быть также подвергнуты запрещенію, или, въ крайнемъ случаѣ, даже изверженію ¹⁾).

Въ частности, въ бѣлое духовенство должны поступать лица болѣе или менѣе образованныя. Въ виду этого отцы повелѣваютъ, чтобы духовныя лица обучали „дѣтей своихъ.... грамотѣ, и страху Божию и всякому церковному благочинію со всякимъ прилежаніемъ, яко да будутъ достойни въ воспріятіе священства и наслѣдницы по нихъ церкви и церковному мѣсту; а не оставлять имъ дѣтей своихъ наслѣдниковъ мамонѣ, а церковь Христову корчемствовать и во священство поставлятися селскимъ невѣждамъ, иже инии ниже скоты пасти умѣютъ, колми паче людей“ ²⁾).

Нѣкоторыя условія, по опредѣленію собора, должны быть соблюдаемы и *при постриженіи въ монашество*. Такъ, отцы запрещаютъ постригать лицъ малолѣтнихъ и одного изъ супруговъ безъ согласія другого. Каждый, желающій поступить въ монашество, долженъ пройти предварительный искусъ въ продолженіе трехъ лѣтъ, или, по крайней мѣрѣ, въ продолженіе половины этого времени. Самое же постриженіе должно быть совершено при свидѣтелѣ самимъ настоятелемъ монастыря, или, съ благословенія послѣдняго, кѣмъ-либо изъ іеромонаховъ,—причемъ, мѣстомъ постриженія должны служить исключительно только монастырскіе храмы, но ни въ какомъ случаѣ такимъ мѣстомъ не должны служить частные дома и пустыни ³⁾).

¹⁾ Матер. для ист. раск. т. II, стр. 367—369.

²⁾ Тамъ-же, стр. 241; ср. Дополн. къ акт. истор. т. V, № 102, стр. 473.

³⁾ Матер. для истор. раск. т. II, стр. 141, 257—258, 365, 366.

Упадокъ нравственности среди духовенства XVII столѣтія, кромѣ указанныхъ причинъ, много зависѣлъ и отъ того обстоятельства, что *вдовы священнослужителей въ то время были запрещаемы и лишаемы своихъ церковныхъ должностей*. Положеніе этихъ священнослужителей было безотрадное: не обезпеченные въ матеріальномъ отношеніи и всѣми презираемые, они легко предавались всевозможнымъ порокамъ, въ родѣ, напр. пьянства, бродяжничества, корыстолюбія и т. под.

Отцы собора обратили на это обстоятельство серьезное вниманіе и, на основаніи древнихъ правилъ, постановили, чтобы „отнынѣ“ вдовы священники и діаконы безпрепятственно священнодѣйствовали, если не зазираетъ имъ совѣсть въ чемъ-нибудь, возбраняющемъ священнодѣйствіа; если же, прибавляютъ отцы, „по смерти женъ своихъ кто отъ священныхъ обличенъ будетъ въ каковыхъ дѣлѣхъ, яже возбраняють священнодѣйствіа, по сыску, сирѣчь по архіерейскому крѣпкому истязанію и по достовѣрныхъ людей свидѣтельству, аще обрящется повиненъ, тогда да отлучится священнодѣйствіа, или да извержется по дѣлѣхъ его: понеже бо не жены ради попъ, или діаконъ, и не жены ради умертвіа запрещаются священнодѣйствіа, но за порокъ невоздержанія, или иныхъ безмѣстныхъ дѣлъ, яже запрещаютъ священствовати“¹⁾.

Не оставили безъ вниманія отцы собора и тѣхъ вдовыхъ священнослужителей, которые бы „малодушія ради“ вступали во второй бракъ; относительно послѣднихъ отцы постановили, чтобы ими не гнушались, позволяли имъ отправлять низшія клирическія обязанности и, такимъ образомъ, давали имъ возможность питаться отъ святой церкви. При этомъ отцы собора не запрещали второбрачнымъ священнослужителямъ избирать себѣ и другой родъ службы, но только требовали, чтобы послѣдніе не поступали на службу военную²⁾.

¹⁾ Матер. для ист. раск. т. II, стр. 383—388.

²⁾ Тамъ же, стр. 372—373.

Сдѣлавъ нѣсколько постановленій касательно религіозно-нравственной жизни духовенства, отцы обратили вниманіе и на его *внѣшнее приличіе*.

Съ этою цѣлью они благословили, чтобы все русское духовенство—и бѣлое и черное—носило тѣ же самыя одежды, какія носятъ „все освященнаго чина и монахи святыя восточныя церкви“; при этомъ отцы замѣчаютъ, что они не принуждаютъ къ этому всѣхъ лицъ духовныхъ, но только требуютъ, чтобы не желающіе носить греческія одежды не укоряли носящихъ¹⁾.

Въ частности, *бѣлымъ священникамъ и діаконамъ* въ обыденной жизни прилично носить на главѣ скуфьи, подаваемые имъ отъ архіерея по хиротоніи, подобно тому, какъ и на востокѣ эти лица носятъ особыя своеобразныя шапки. Цѣль ношенія скуфьи, по опредѣленію собора, та, чтобы, съ одной стороны, было „нѣкоторое священническое знаменіе и различіе отъ прочихъ людей“, а съ другой,—чтобы и всѣ постороннія лица могли видѣть, что священнослужитель не находится подъ запрещеніемъ отъ своего архіерея²⁾.

Монахи же, по обычаю восточной церкви, должны носить на главѣ черныя клобуки; исключеніемъ изъ этого общаго правила могутъ служить одни лишь митрополиты, которыми отцы собора позволяютъ носить бѣлыя клобуки, „ради нѣ котораго древняго обычая великороссійскаго государства“, „а не ради лживаго писанія Димитрія толмача, еже писа отъ вѣтра главы своея“³⁾.

Что касается религіозно-нравственной жизни *мірянъ* XVII вѣка, то и она страдала значительными недостатками. Духъ своеволія и здѣсь разливался широкой волной: многіе изъ мірянъ того времени проявляли своеволіе и по отношенію къ

1) Тамъ же, стр. 235.

2) Матер. для ист. раск., т. II, стр. 341—342;

3) Тамъ же, стр. 232—233, 237.

церковной власти, и по отношенію къ богослуженію и церковнымъ постановленіямъ, и въ обыкновенной повседневнои жизни.

Отцы собора замѣтили, что нѣкоторые изъ мірянъ не подчинялись *высшей церковной власти*, держали у себя по домамъ запрещенныхъ священниковъ, которые и совершали имъ богослуженіе „безъ благословенія и безъ свидѣтельства архіерейскаго“. Отцы строго запрещаютъ это дѣлать и повелѣваютъ „всѣмъ православнымъ христіаномъ, великимъ и малымъ, мужемъ и женамъ“ во всемъ подчиняться своей церковной власти¹⁾.

Тотъ же духъ своеволія мірянъ проявлялся и по отношенію къ *богослуженію*: многіе изъ нихъ даже въ большіе праздники не посѣщали храмовъ Божіихъ; другіе, если и присутствовали при богослуженіи, то не всегда дѣлали приношеніе въ храмъ и не всегда стояли здѣсь благочинно, а иногда даже допускали самыя неприличныя вещи, въ родѣ, напр., того, что приносили въ храмы свои иконы, имъ только ставили свѣчи и къ нимъ только обращали свои взоры, ходили во время богослуженія по храму и занимались разными разговорами.

Въ виду такихъ безпорядковъ, отцы собора постановили, чтобы всѣ православные христіане, по крайней мѣрѣ, въ воскресные дни и въ великіе праздники посѣщали общественное богослуженіе и, „по Божіей заповѣди и по правиламъ святыхъ Апостоловъ и святыхъ отцевъ“, прекращали всѣ свои мірскія занятія, за исключеніемъ лишь торговли пищею и судопроизводства по царской нуждѣ²⁾. Всякій, посѣщающій богослуженіе, по опредѣленію отцовъ собора, долженъ приносить въ храмъ свои свѣчи, ладонъ и вино и въ тоже время— не приносить своей иконы, но долженъ молиться, обратившись къ алтарю, и свѣчи ставить „первѣе мѣстнымъ олтар-

¹⁾ Матер. для вст. раск. т. II, стр. 123—124, 139, 207, 214.

²⁾ Тамъ же, стр. 228.

нымъ иконамъ..., потомъ же“ и „прочимъ“. Во время же самаго богослуженія всѣ должны вести себя „тихо и немятежно, и пѣнію.. и чтенію внимать и Господу Богу о оставленіи грѣховъ своихъ молиться отъ всея души, со умиленіемъ, и воздыханіемъ, и со слезами, и въ молитвахъ своихъ поклоненія во время учиненное творить со знаменіемъ на себѣ честнаго креста“. Въ частности, нищіе не должны бродить по храму и просить себѣ милостыни во время богослуженія, но должны стоять чинно въ храмѣ Божиємъ и только на паперти могутъ просить себѣ милостыни отъ проходящихъ ¹⁾).

Не всѣ міряне XVII столѣтія исполняли и *церковныя постановленія*: такъ, одни изъ нихъ употребляли себѣ въ пищу удавленину, другіе не всегда соблюдали церковные посты.

Отцы собора все это замѣтили и постановили, чтобы впредь никто не ѣлъ удавленины и, такимъ образомъ, не дѣлался преступникомъ заповѣди Божіей—„да не сѣдете мяса въ крови души его“. вмѣстѣ съ тѣмъ отцы заповѣдуютъ всѣмъ православнымъ христіанамъ хранить посты „по преданію святыхъ Апостоловъ и святыхъ отцевъ, якоже восточная, святая, соборная и апостольская церковь содержитъ ко спасенію“ всѣхъ своихъ чадъ ²⁾).

Не менѣе своевольными міряне XVII столѣтія были и въ *обыкновенной повседневнои жизни*: одни изъ нихъ самовольно чествовали тѣла простыхъ умершихъ людей, подобно мощамъ святыхъ угодниковъ; другіе купались „безъ всякаго стыда“, въ присутствіи лицъ другого пола, и, такимъ образомъ, нарушали общественное приличіе и христіанскую скромность; нѣкоторые же самовольно отращивали себѣ волосы, надѣвали на себя монашескія одежды и желѣзныя цѣпи, ходили въ такомъ видѣ по городамъ и селамъ и нерѣдко юродствовали предъ народомъ.

¹⁾ Матер. для ист. раск. т. II, стр. 130—131, 137, 242—243, 246—247.

²⁾ Тамъ же, стр. 233—234, 217.

Въ виду такихъ безпорядковъ, отцы собора сдѣлали слѣдующія постановленія: никто не долженъ чествовать „нетлѣнныхъ тѣлесъ обрѣтающихся“ безъ „достовѣрнаго свидѣтельства и соборнаго повелѣнія“, „зане обрѣтаются многа тѣлеса цѣла и нетлѣнна не отъ святости, но яко отлученна и подъ клятвою архіерейскою и іерейскою суще умроша, или за преступленіе божественныхъ и священныхъ правилъ и закона цѣли и не разрѣшими бывають“¹⁾.—Не слѣдуетъ также православнымъ христіанамъ и купаться „безъ всякаго стыда“, въ присутствіи лицъ другого пола, ибо это „противно естественному закону“: въ самомъ дѣлѣ, говорятъ отцы, уже „въ древнихъ... временѣхъ первосозданный человѣкъ Адамъ и жена его Ева видѣша себе по преступленіи наги, само естество научи ихъ, стыдѣнія ради, покрытиса листвіемъ смоковнымъ. Ной обнажися въ піанствѣ, а зане сынъ его Хамъ смотри обнаженія отча, проклятіе наслѣди; а другіи два сына, Симъ и Аветъ, не хотяще зрѣти обнаженія отча, во на зади ходивше, покрыша обнаженіе отчее и за то благословеніе наслѣдиша“. Да и теперь, говорятъ отцы, даже „невѣрные“ народы не допускають „сего безстыдства“ и осуждаютъ всѣхъ, допускающихъ его. Но если такъ, если во всѣ времена и всѣ люди считаютъ неприличнымъ купаться, въ присутствіи лицъ другого пола, то тѣмъ болѣе должны избѣгать подобнаго безобразія православные христіане²⁾... Что касается праздношатающихся святошъ и лицемѣровъ, то относительно нихъ соборъ замѣтилъ, что они „не по Бозѣ суть, и ниже здравымъ умомъ жительствоуютъ: зане не подражаютъ“ прежнимъ святымъ, которые не искали славы отъ міра и не ходили „по дворамъ и полатамъ вельможныхъ и знакомыхъ; но идѣше отнюдѣ не знаша ихъ, ниже почиташа, ту и пребываху, якоже видится писано святаго Андрея и Симеона святыхъ житія и

¹⁾ Матер. для ист. раск. т. II, стр. 222—223.

²⁾ Тамъ же, стр. 234—235.

прочихъ, а егда въ коемъ мѣстѣ откры Богъ ихъ святое житіе какими чудесы и начаша народи почитати ихъ, они же отъ того мѣста отлучахуся и невѣдомы бываху во инѣхъ мѣстѣхъ“. Почему соборъ и постановилъ отсылать такихъ святошъ къ тому архіерею, въ епархіи котораго они будутъ пойманы ¹⁾).

Итакъ, Большой Московскій соборъ 1666—1667 годовъ *вполнѣ обновилъ русскую церковно-общественную жизнь: онъ уничтожилъ безпорядки и въ церковномъ управленіи и судѣ, и въ богослуженіи, и въ религіозно-нравственной жизни духовенства и мірянъ своего времени.*

П. Шаровъ.

(Продолженіе будетъ).

С Л О В О

О СТРАННОПРИИМСТВѢ.

(Произнесено въ Києво-Братскомъ храмѣ, въ пятюкъ третьей недѣли великаго поста, на пассіи).

Совѣтъ же сотворше, купилиа ими (тридцатью сребрениками) село скудельниче, въ погребаніе страннымъ. Тѣмъ же наречеса село то село крове, до сего дне. (Мѡ. 27, 7—8).

На тридцать кровавыхъ сребрениковъ, которые жгли руки Іудѣ предателю и которые онъ возвратилъ обратно іудейскимъ священникамъ и старѣйшинамъ, было куплено село *скудельниче*, то есть мѣсто, принадлежавшее горшечникамъ, для погребенія странниковъ. И теперь еще палестинское преданіе указываетъ это мѣсто. Оно лежитъ близъ Іерусалима, на южной сторонѣ города, за такъ называемымъ Гинномскимъ оврагомъ, и все покрыто большими древними усыпальницами, частію іудейскими, частію христіанскими. И теперь еще это мѣсто называется въ палестинскомъ преданіи тѣмъ же именемъ, какимъ оно названо въ Евангеліи, селомъ крови.

Но все то, что говорится въ евангельской исторіи страданій Спасителя, говорится для нашего назиданія. И объ этомъ

селѣ скудельничьемъ не для того только упомянуто, чтобы удовлетворить простое любопытство, не для того только, чтобы мы знали, куда пошли тридцать сребрениковъ, *цѣна Цѣнникаго, Еложе цѣниша отъ сыновъ Израилевъ.*

Наше вниманіе привлекаетъ на себя здѣсь то обстоятельство, что и этимъ порочнымъ людямъ, торговавшимъ кровью неповинною, не чужда была нѣкоторая заботливость о странникахъ-богомольцахъ, приходившихъ тогда въ Іерусалимъ, на поклоненіе ветхозавѣтному дому Божію. Надо знать, что положеніе тогдашнихъ іерусалимскихъ странниковъ было очень почтено въ народѣ, какъ положеніе *гостей Господнихъ.* Хотя древній Іерусалимъ былъ небольшой городъ, по сравненію его, напримѣръ, съ нашимъ обширнымъ городомъ, хотя, съ другой стороны, богомольцевъ, собиравшихся въ немъ, было очень много, несравненно больше, чѣмъ сколько ихъ бываетъ у насъ; тѣмъ не менѣе никакихъ особенныхъ нуждъ они тамъ никогда не терпѣли. Не говоря уже о большихъ страннопріимницахъ, имѣвшихся при самомъ храмѣ, двери каждаго частнаго дома были всегда открыты для вступившаго въ Іерусалимъ странника. А въ дни большихъ годовыхъ праздниковъ, особенно въ дни праздника Пасхи, когда цѣлая половина царства собиралась вокругъ дома Божія, весь Іерусалимъ, со всѣми его жилыми и нежилыми зданіями, со всѣми его улицами, площадями и предмѣстьями, превращался въ одинъ большой лагерь богомольцевъ. Это по истинѣ былъ „городъ странныхъ“, городъ всенароднаго поклоненія, призванный служить приходящимъ богомольцамъ. Въ евангельское время встрѣчались нѣкоторыя затрудненія только въ случаѣ смерти кого либо изъ пришедшихъ странниковъ, потому что въ то время уже не легко было найти, въ ближайшей окрестности Іерусалима, свободное мѣсто для ископанія гробницъ; да и самое ископаніе гробницъ въ мѣстномъ каменномъ грунтѣ, требовавшееся по обычаю того времени, было сопряжено съ большими трудностями. Потому-то іудейскіе священники и старцы,

совѣтъ сотворше, постановили приобрѣсть, на возвратившіеся къ нимъ тридцать сребрениковъ, продававшееся тогда село скудельничье, и на немъ устроить братскія гробницы, большія общія усыпальницы для погребенія странниковъ, на многіе годы. Іудейскіе книжники не предвидѣли тогда, что они хлопотали о тѣхъ странникахъ, которые скоро затѣмъ должны были начать свои хожденія въ Іерусалимъ, отъ востока и юга, съвера и моря, для поклоненія распятому ими Господу, Владыкѣ новаго завѣта, что *село крове*, по законному праву, должно было стать христіанскимъ владѣніемъ, въ Іерусалимѣ.

Подобно древнему Іерусалиму, и нашъ городъ, братіе, есть также городъ странниковъ, городъ по преимуществу посѣщаемый православными богомольцами, приходящими къ намъ со всѣхъ концовъ великой земли Русской. Слѣдовательно, та добродѣтель, къ которой и мы, жители Кіева, главнымъ образомъ призваны, есть добродѣтель страннопріимства, во всей широтѣ христіанскаго значенія этого слова. Помнимъ ли мы объ этомъ своемъ призваніи? Считаемъ ли мы за собой какую либо нравственную обязанность по отношенію къ тѣмъ многимъ тысячамъ богомольцевъ, которыхъ, изъ года въ годъ, неуклонно присылаетъ въ нашъ градъ православная Россія, какъ своихъ предстателей и молитвенниковъ у мѣста явленія благодати Божіей?

Едва ли кто либо изъ насъ станетъ отвергать, что обычныя нынѣ въ нашемъ городѣ отношенія къ приходящимъ странникамъ - богомольцамъ не согласуются съ христіанскою заповѣдью страннопріимства. Развѣ такъ мы смотримъ на своихъ странниковъ, какъ заповѣдалъ намъ смотрѣть Господь, когда училъ, что пріемлющій въ домъ странника Его самого пріемлетъ (Мѡ. 25, 35)? Развѣ такъ мы смотримъ на своихъ странниковъ, какъ заповѣдали намъ смотрѣть святые Апостолы, когда учили: *страннолюбія не забываюте* (Евр. 13, 2), *страннолюбія держащеся пребываюте* (Римл. 12, 13), *страннолюбіи другъ ко другу бывайте, безъ роптаній* (1 Петр. 4

9)? Развѣ такъ мы смотримъ на приходящихъ къ намъ странниковъ, какъ заповѣдали намъ смотрѣть наши благочестивые предки, любившіе принимать странниковъ, находившіе особенное утѣшеніе въ оказаніи имъ помощи и покровительства? Въ настоящее время, во всемъ нашемъ обширномъ городѣ, почти однѣ только монастырскія обители соблюдаютъ заповѣдь страннопріимства. Большинство же изъ насъ вовсе не считаетъ страннопріимства въ числѣ своихъ нравственныхъ обязанностей, и съ недоумѣніемъ читаетъ повѣствованія о страннолюбіи предковъ. Старыя добрыя отношенія кіевлянъ къ странникамъ въ наше время какъ-то вдругъ совершенно забылись и отошли въ область преданій.....

Но я позволю себѣ яснѣе показать степень нынѣшнихъ нашихъ негостепріимныхъ отношеній къ приходящимъ странникамъ - богомольцамъ. Въ то время года, когда особенно много странниковъ притекаетъ въ нашъ городъ, на любой нашей улицѣ можно наблюдать такую картину. Изъ большой партіи пѣшеходовъ - богомольцевъ, степенно проходящей по улицѣ, отдѣляется одинъ другой усталый странникъ и въ изнеможеніи прислоняется къ подъѣзду городского дома, для кратковременнаго отдыха; онъ съ довѣріемъ слагаетъ тамъ свою ношу и свой странническій посохъ. Судя по христіански, слѣдовало бы ожидать, что эти двери немедленно раскроются и странника пригласятъ войти въ самый домъ для болѣе удобнаго отдыха. Но изъ дома немедленно выходитъ домоправитель, и требуетъ удаленія странниковъ, обыкновенно такими словами: „проходите, проходите, вамъ здѣсь не мѣсто“. Богомолецъ переходитъ къ подъѣзду слѣдующаго дома и, въ своей простотѣ, все еще считаетъ для себя позволительнымъ искать отдыха подъ тѣнью христіанскаго дома, стоящаго, притомъ, въ городѣ странниковъ. Немедленно выходитъ домоправитель этого втораго дома и тѣми же словами удаляетъ расположившагося на отдыхъ странника. И долго усталому страннику приходится искать среди насъ мѣста от-

дыха, до тѣхъ поръ, пока на его пути не встрѣтится какой либо храмъ, со двора котораго его уже не прогонять. Эти картины слишкомъ знакомы всѣмъ намъ, и тѣмъ не менѣ надъ ними нельзя не задуматься. Помыслите только, что этотъ богомольецъ только что измѣрилъ своими стопами какую нибудь сотню, а можетъ быть и тысячу верстъ для того, чтобы придти въ нашъ городъ и поклониться его святынямъ. На нашу городскую улицу онъ вступилъ во умиленіи сердца, съ обнаженной головою, съ благодарной молитвою Богу о томъ, что его завѣтное желаніе побывать во святомъ городѣ наконецъ осуществилось. Онъ весь исполненъ благоговѣнія предъ тѣмъ городомъ, котораго мы—постоянные жители. Спрашивается, какого пріема достоинъ такой пришелецъ? Наши богобоязненные предки были того мнѣнія, что странникъ, издалека приходящій для поклоненія святынямъ города, заслуживаетъ самого предупредительнаго вниманія и участія мѣстныхъ жителей. Такимъ странникамъ выходили на встрѣчу; имъ омывали ноги; ихъ заботливо призрѣвали во все время пребыванія ихъ въ городѣ и, наконецъ, съ честью провожали въ обратный путь. А мы не только не встрѣчаемъ съ любовью нынѣшнихъ странниковъ, но и прямо тяготимся однимъ ихъ присутствіемъ на городскихъ улицахъ. Многіе изъ насъ не скрываютъ, что для нихъ весьма непріятно время большаго стеченія богомольцевъ.

Гдѣ же причина такихъ нашихъ холодныхъ и негостепріимныхъ отношеній къ приходящимъ странникамъ - богомольцамъ? На этотъ вопросъ каждый изъ насъ придумаетъ сказать что нибудь особенное, въ свое оправданіе. Одинъ скажетъ, что у него домъ слишкомъ малъ и бѣденъ, чтобы служить для пріема странниковъ. Другой скажетъ, что у него домъ слишкомъ уже хорошъ и богатъ, чтобы къ нему допустить простыхъ богомольцевъ. Третій скажетъ, что ему некогда заниматься дѣлами страннопріимства. Иные скажутъ, что самое время страннопріимства уже миновало, что, по ны-

ны́шнему времени, древній видъ страннопріимства уже не возможенъ, что и самые странники ны́нѣшніе уже не тѣ люди Божіи, которые ходили по святымъ мѣстамъ Руси когда-то и пользовались общимъ вниманіемъ православнаго народа.

Братіе! Пока есть въ христіанскомъ мірѣ странники, до тѣхъ поръ необходимо должны быть въ немъ и страннопріимники. Пока благодать Божія привлекаетъ странниковъ въ нашъ святой городъ, до тѣхъ поръ мы, жители города, обязаны соблюдать заповѣдь страннопріимства. Если время, въ самомъ дѣлѣ, измѣнило условія древняго страннопріимства (хотя мы и не думаемъ, что благочестивые христіанскіе обычаи должны дѣлать уступки дѣйствию времени), то оно же сдѣлало его ны́нѣ до крайности простымъ и уже вовсе для насъ необременительнымъ. Кто не знаетъ, какъ мало требовательны ны́нѣшніе русскіе богомольцы? А что бывали странники, недостойные имени богомольцевъ, то это уже насъ не касается. Мы должны видѣть въ приходящихъ къ намъ странникахъ только людей труждающихся и обремененныхъ, ищущихъ, въ поклоненіи святынямъ нашего города, утѣшающей и врачующей благодати Божіей, и потому уже имѣющихъ право на наше христіанское къ нимъ участіе. Нѣкогда апостолъ Павелъ, предупреждая возможные возраженія противъ нравственнаго достоинства странниковъ, указывалъ на то, что между ними бывали не только люди высокой нравственной доблести, люди достойные неба, но и самые небожители: *страннолюбія не забываютъ, тѣмъ бо не въдяще ны́нѣшнии страннопріяша ангелы.* (Евр. 13, 1). Но будемъ и мы чистосердечны и исповѣдаемъ, что, по крайней мѣрѣ въ сравненіи съ нами, городскими жителями, приходящіе сюда богомольцы, въ большинствѣ случаевъ простые пахари - селяне, стоятъ много выше предъ судомъ христіанской нравственности. Достаточно посмотрѣть, чѣмъ они отвѣчаютъ на нашу негостепріимную встрѣчу, вступая въ нашъ городъ, послѣ многихъ дней па-

ломническаго подвига? Приходятъ ли они въ негодованіе въ виду нашего негостепріимства, какъ, безъ сомнѣнія, мы пришли бы въ негодованіе, находясь въ ихъ положеніи? Нѣтъ, они не приходятъ въ негодованіе. Никакого, достойнаго для себя, осужденія вы не прочтете на лицѣ странника. Пренебреженный и отринутый, онъ ведетъ себя такъ, какъ будто всему этому и надлежало быть, какъ будто въ самомъ дѣлѣ онъ заслужилъ обидное слово тѣмъ, что пришелъ въ нашъ городъ и дерзнулъ искать отдыха у подъѣзда богатаго дома. Онъ даже благословляетъ насъ и молится за насъ, ненавидящихъ и обидящихъ его. „Спаси васъ Христосъ“, „простите Христа ради“, говоритъ этотъ странникъ въ отвѣтъ прогоняющимъ его стражамъ городскихъ домовъ. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что, еслибы мы были въ положеніи этого странника, если бы мы постучались у двери его сельскаго дома, онъ не оттолкнулъ бы насъ. Не говорите же, братіе, что истинные странники - богомольцы уже перевелись, что, въ настоящее время, одеждою странниковъ прикрывается одна только лѣнь, одно суетное стремленіе къ скитальчеству, не имѣющее ничего общаго съ христіанскимъ благочестіемъ.

Но среди насъ повторяются не рѣдко еще болѣе серіозныя упреки богомольцамъ, посѣщающимъ нашъ городъ. „Богомольцы, говорятъ, носятъ съ собою болѣзни и заразы; имъ опасно оказывать гостепріимство“. Такіе разговоры слышались у насъ особенно громко, среди каждаго лѣтняго паломническаго сезона. Подобныя упреки дѣлали древнимъ христіанамъ язычники въ тяжкія времена гоненій. Предъ судомъ язычниковъ, во всѣхъ народныхъ бѣдствіяхъ оказывались виновными одни христіане, потому что они въ большомъ количествѣ собирались для молитвъ къ гробницамъ святыхъ мучениковъ. Чтожъ, праведенъ ли былъ судъ этихъ язычниковъ о людяхъ, приносившихъ міру благословеніе Божіе своими молитвенными собраніями?... Неправеденъ и нашъ судъ о нашихъ странникахъ, стекающихся къ гробницамъ чудотворцевъ Печер-

ских! Тысячи всякаго другаго народа ежедневно, отовсюду, стекаются въ нашъ городъ, народа, ищущаго въ немъ не духовныхъ даровъ благодати, а даровъ мамоны; мы ихъ не боимся; мы не беспокоимся о томъ, что они могутъ внести въ наши дома заразы и болѣзни. Почему же богомольцевъ мы боимся, когда, по слову Спасителя, приѣмлющій въ домъ страннаго Его Самого приѣмлетъ, а, слѣдовательно, приѣмлетъ благословеніе и милость Божию?... Конечно, среди богомольцевъ есть много недужныхъ и разслабленныхъ; но этимъ только усугубляется наша христіанская обязанность принять и приютить странника. Грѣшно и непристойно христіанину оттолкнуть отъ двери своего дома здороваго странника; но отринуть больного странника, въ христіанской надеждѣ пришедшаго къ намъ, сугубо грѣшно и сугубо непристойно. Между тѣмъ, съ другой стороны, своимъ негостепріимствомъ и невниманіемъ къ приходящимъ богомольцамъ, мы сами причиняемъ имъ новыя болѣзни. Мы заставляемъ ихъ, среди нашего обширнаго города, точно среди дикой пустыни, проводить дни и ночи подъ открытымъ небомъ, часто въ непогоду и безъ теплой пищи. Что удивительнаго, если многіе изъ нихъ почувствуютъ себя среди насъ больными?...

Говорятъ: „для богомольцевъ есть пріюты при кіевскихъ монастыряхъ,—и довѣдетъ имъ“. Да, есть; но это—уже не наше страннопріимство. Неужели монастыри одни должны исполнять за всѣхъ насъ наши христіанскія обязанности? Между тѣмъ, въ иное время года, ко днямъ нарочитыхъ кіевскихъ праздниковъ, богомольцевъ стекается такъ много, что монастырскія страннопріимницы не могутъ вмѣщать ихъ. Иной богомольецъ изнемогаетъ на улицѣ просто отъ усталости, и силъ не имѣетъ дойти до монастырской гостиницы... Все это мы видимъ, иной разъ даже внимательно наблюдаемъ, какъ „небезъинтересные сюжеты народнаго быта“; но этимъ холоднымъ наблюденіемъ мы и ограничиваемся. Рѣдко, очень рѣдко является среди насъ милосердый самарянинъ, о которомъ можно было

бы сказать словами евангельской притчи: *и видѣвъ его, мило-сердова, и приступль, обвяза струны его; всадивъ же его на свой скотъ, приведе его въ юстинницу, и прилѣжа ему.* (Лук. 10, 34).

Истинная причина нашихъ негостепріимныхъ отношеній къ приходящимъ въ нашъ городъ богомольцамъ и всѣхъ не-праведно взводимыхъ на нихъ обвиненій кроется въ томъ, что мы, жители большого города, мнящіе себя быть людьми отмѣнно просвѣщенными, перестаемъ понимать приходящихъ богомольцевъ-странниковъ, перестаемъ понимать движущее ихъ чувство и ихъ вѣру. Иные среди насъ откровенно высказы-ваютъ такое свое недоумѣніе: „чего ради богомольцы воз-лагаютъ на себя тяжелый подвигъ странствія ко святымъ мѣстамъ, когда и у себя, дома, они имѣютъ тѣ же храмы Божіи, въ которыхъ гораздо удобнѣе имъ исполнить всѣ свои молитвы и обѣты“?.. Это напоминаетъ другое любопытное яв-леніе нашей мѣстной жизни. Нашъ святой городъ, какъ из-вѣстно, славится еще своими живописными видами. Взгля-нуть на дивныя горы кіевскія пріѣзжаютъ издалека худож-ники, любители и цѣнители красоты природы. А между тѣмъ, сколько есть между нами такихъ, которые, всегда живя въ на-шемъ городѣ, не замѣчаютъ того, какую красоту природы они имѣютъ всегда предъ глазами. Очи имутъ и не видятъ. Видятъ гору, видятъ рѣку, но не видятъ ихъ красоты и привлекатель-ности. Подобнымъ же образомъ иные изъ насъ живутъ на свя-томъ мѣстѣ явленія благодати Божіей, и не знаютъ того; не зна-ютъ никакихъ опытовъ его благодатнаго воздѣйствія, и вы-ражаютъ одни сомнѣнія и недоумѣнія, въ то время, какъ из-далека пришедшіе богомольцы громко славословятъ это свя-тое мѣсто, среди котораго они нашли, необрѣтаемое нами, духовное утѣшеніе и врачеваніе. И здѣсь можно имѣть очи, и ничего не видѣть. Да, братіе, есть мѣста среди нашей зем-ной юдоли, въ сугубой мѣрѣ озаренныя солнцемъ благодати Божіей. Вѣрующія души знаютъ такія мѣста и влекутся къ

нимъ, какъ созерцатели красоты земной природы влекутся къ мѣстамъ, ярко освѣщеннымъ лучами солнца. Не на скрижаляхъ только Русской исторіи записана чудесная повѣсть нашихъ святыхъ мѣстъ. Еще болѣе краснорѣчиво она записана на скрижаляхъ сердца православнаго Русскаго народа, знающаго ихъ и чтущаго ихъ. Есть ли на всей Русской землѣ такой православный христіанинъ, который не зналъ бы ничего о Кіево-Печерской лаврѣ и почивающихъ въ ней чудотворцахъ Печерскихъ?

Но послушаемъ, что говорилъ о значеніи такихъ святыхъ мѣстъ, какъ наши Кіевскія святія мѣста, святой Іоаннъ Златоустъ, вселенскій Учитель Церкви, какъ онъ самъ стремился къ такимъ святымъ мѣстамъ и какъ призывалъ вѣрующихъ познать ихъ значеніе и пользоваться ими для своего духовнаго блага.

„Гробницы святыхъ Божіихъ суть истинное украшеніе всей вселенной. Не величіемъ и красотою строеній онѣ велики, но тѣмъ внутреннимъ устремленіемъ, движимые которыми стекаются къ нимъ вѣрующіе. Не простой только селянины, но и носящій багряницу приходятъ лобызать гробы святыхъ и молиться у нихъ...“. „Мощи святыхъ Божіихъ это—дивныя произрастенія; корни ихъ связаны съ извѣстнымъ мѣстомъ земли, а ихъ вѣтви благоуханною листвою разстилаются во всей поднебесной. Хочешь ли видѣть и плоды произрастающіе на этихъ вѣтвяхъ? Открой очи вѣры,—и ты увидишь на нихъ не земнородные плоды и не что либо тлѣнное и скороувядающее, но исцѣленія немощныхъ тѣломъ, уврачеванія душевныхъ болѣзней, очищеніе грѣха и порока, дерзновеніе предъ Богомъ, всѣ плоды духовные и исполненные небесныхъ благъ. Плоды сіи у гробницъ святыхъ Божіихъ всегда собираются вѣрующими и всегда остаются въ изобиліи. Сіи дивныя произрастенія не подлежатъ вліянію временъ года, какъ подлежатъ таковому произрастенія и плоды земные... Поэтому я убѣждаю васъ всѣхъ, находитесь ли кто въ

болѣзни, уныніи и скорби или въ иномъ трудномъ житейскомъ обстояніи, или въ глубинѣ грѣховной изнываетъ, пусть онъ поспѣшитъ туда за помощью. И если только онъ съ вѣрою совершитъ свое путехождение къ такимъ мѣстамъ, гдѣ находятся гробницы святыхъ Божиихъ, онъ возвратится оттуда съ великою радостію и облегченіемъ“. „И меня самого влечетъ къ себѣ тотъ городъ, въ которомъ покоятся тѣла святыхъ апостоловъ Петра и Павла. Хотя въ этомъ городѣ многое можно было бы похвалить, его обширность, его древность, его красоту, его многолюдство, могущество, военные доблести; но я оставляю все это, и превозношу его за то, что въ немъ святые апостолы, Петръ и Павелъ, окончили свою жизнь и почилы своими святыми тѣлами. Помыслите только, какіе это два вѣнца, украшающіе городъ! какія это цѣпи златыя, его опоясывающія! Вотъ чему удивляюсь я, а не множеству богатствъ, скопившихся въ городѣ, не колоннамъ и зданіямъ городскимъ, а симъ столбамъ Церкви...“ (І. Златоуста на 2 Кор. бесѣда 26; на Римл. бесѣда 32; похвальное слово мученику Юліану; похвальное слово священномуч. Игнатію).

Вотъ что, братіе, и въ нашъ святой городъ привлекаетъ донинѣ многія тысячи богомольцевъ, ближнихъ и дальнихъ, и вотъ чего мы, живущіе здѣсь, не цѣнимъ надлежащимъ образомъ. Равнодушно и не внимательно большинство изъ насъ относится къ мѣстнымъ святынямъ Кіева, и это свое равнодушіе переносятъ и на богомольцевъ, приходящихъ поклониться имъ. По словамъ св. Іоанна Златоуста, они имѣютъ закрытыя очи вѣры и не видятъ даже и того, что очень близко къ нимъ, и потому относятся недоброжелательно къ такимъ людямъ, которые далеко видятъ, ибо имѣютъ открытыя и ясныя очи вѣры. Пресыщены мы, что ли, всегдашнею близостію своихъ святыхъ мѣстъ, и потому онѣ не производятъ на насъ своего полного дѣйствія, подобно тому какъ и живописная красота нашихъ Кіевскихъ горъ намъ прискучила и не производитъ на насъ

живыхъ и сильныхъ впечатлѣній?.. Но этимъ нельзя оправдывать своего равнодушія. И истинный цѣнитель красоты природы не соскучится среди живописныхъ видовъ; напротивъ, углубляясь въ нихъ постояннымъ созерцаніемъ, онъ только открываетъ въ нихъ новыя и новыя красоты. Тѣмъ болѣе искренно вѣрующее сердце не можетъ охладѣть къ святому мѣсту явленія благодати Божіей. Развѣ мы не встрѣчаемъ такихъ богомольцевъ, которые, только что совершивъ первый подвигъ паломничества, уже ищутъ случая пойти на поклоненіе второй разъ, затѣмъ третій разъ, и такъ далѣе. Но если бы они возвратились тщи изъ своего перваго паломничества, то что же вновь влекло бы ихъ туда? Не живой ли это укоръ намъ, живущимъ у самыхъ святыхъ мѣстъ, и не радящимъ о ихъ посѣщеніи?...

Все это не понятно сынамъ вѣка сего. Имъ хотѣлось бы, чтобы всѣ богомольцы, ходящіе на поклоненіе святымъ мѣстамъ, на всегда уже сложили свои странническіе посохи, потому что ихъ хожденія и поклоненія не согласны съ новыми воззрѣніями вѣка на святую вѣру и на всѣ подвиги вѣры. Имъ хотѣлось бы устроить такое *село скудельниче*, которое послужило бы гробомъ самого обычая паломничества, какъ и всѣхъ обычаевъ христіанскаго благочестія. О, вѣкъ печальный, гоняющійся за призраками, тьму называющій свѣтомъ, а свѣтъ тьмою! Снизойди ты самъ къ средѣ этихъ странниковъ-богомольцевъ и научись у нихъ видѣть очами вѣры, научись различать между призракомъ и единымъ на потребу. Посмотри ты, безъ обычныхъ своихъ предубѣжденій, на то торжество вѣры, какое мы такъ часто видимъ въ нашемъ городѣ, когда всѣ его стогва наполняются многими тысячами молитвенниковъ, пришедшихъ отъ востока, запада, сѣвера и моря. Не поучительное ли это зрѣлище? Въ то время, какъ въ области невѣрія, поработенной стихіями вещественнаго міра, проносятся, съ бурями и громами, разныя новыя вѣянія, пугая и колебля маловѣрныхъ и слабыхъ, отчего они, эти пра-

вославные богомольцы-странники не боятся никакихъ бурь и громовъ невѣрія, даже воице не замѣчаютъ ихъ, но, вопреки имъ, продолжаютъ, неуклонно и неизмѣнно, совершать свои поклоненія православнымъ святынямъ. какъ они совершали ихъ въ тотъ вѣкъ, котораго паломничество изобразилъ св. Іоаннъ Златоустъ, въ сейчасъ приведенныхъ нами его словахъ? Отчего, прийдя въ нашъ городъ, эти богомольцы-странники не обращаютъ никакого вниманія на все то, чѣмъ мы въ особенности гордимся, на все богатство города, на всѣ новыя удобства нашей городской жизни? Отчего они не интересуются въ нашемъ городѣ ничѣмъ, кромѣ храмовъ Божіихъ, кромѣ тѣхъ святынь, для поклоненія которымъ они приплыли? Оттого, что они—сыны вѣрующей православной Россіи, которая въ нашемъ святомъ городѣ, прежде всего и больше всего, желаетъ видѣть процвѣтаніе той вѣры, въ которой она возрасла и которой она славится во всемъ мірѣ. Вотъ какой урокъ намъ, жителямъ Кіева, приносятъ приходящіе поклонники!

Послушаемъ же сего урока, братіе, православные жители святаго града Кіева. Если Господь судилъ намъ быть постоянными жителями города святыхъ мѣстъ, то это значитъ, что Господь поставилъ насъ стражами дома Своего. Благодаряще Бога о семъ, постараемся быть вѣрными своему призванію, постараемся быть вѣрными стражами въ этомъ историческомъ домѣ Божіемъ. Святая мѣста Кіевскія да будутъ не чуждыми для насъ мѣстами, но мѣстами дорогими для насъ по ихъ не только историческому, но еще болѣе благодатному духовному значенію. Будемъ ревновать о славіи нашихъ святыхъ мѣстъ, а не умяять ее. Будемъ помнить, что мы живемъ во святомъ градѣ, на который обращены взоры всего православнаго міра и будемъ ходить достойно нашего званія. Затѣмъ далѣе, такъ какъ на поклоненіе святынямъ нашего города приходятъ многія тысячи богомольцевъ, ближнихъ и дальнихъ, въ большинствѣ случаевъ людей простыхъ и неимущихъ, то

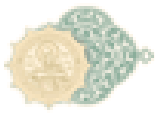
мы, жители города, поставленные отъ Бога на стражу святыхъ мѣстъ, будемъ и для нихъ, для этихъ странниковъ и пришельцевъ, такими же добрыми стражами и помощниками. Кто живетъ въ городѣ странниковъ, тотъ не можетъ забывать о страннопріимствѣ. Не къ древнимъ только родамъ, но и къ намъ, и въ особенности къ намъ, относится апостольская заповѣдь: *страннолюбія не забываютъ*. Не будемъ смущаться тѣмъ, что нынѣшніе наши городскіе дома построены не для помѣщенія въ нихъ простыхъ странниковъ, что наши *горницы широкія и просторныя, со своды кедровыми, расписанныя червленцемъ* (Іерем. 22, 14), могутъ, пожалуй, загрязнить пыльные пришельцы. Красота дома, братіе, не въ одной только его красивой отдѣлкѣ, но еще болѣе въ красотѣ дѣла добродѣтели, которыя въ немъ совершаются. Не упреками и возраженіями будемъ встрѣчать приходящихъ богомольцевъ, а дѣлами христіанской любви. Не нужно много мудрствовать о томъ, какъ должно быть поставлено страннопріимство въ нынѣшнее время, при нынѣшнихъ условіяхъ городской жизни. Кто любитъ своего ближняго, ходящаго среди насъ во образѣ странника, тотъ легко и на каждомъ мѣстѣ найдетъ случай войти въ положеніе странника и помочь ему, въ его затрудненіи, такъ или иначе. А кто встрѣчаетъ приходящихъ богомольцевъ упреками и возраженіями, тотъ этимъ показываетъ только, что онъ не умѣетъ любить своего ближняго. Наконецъ, участіе можетъ выражаться не въ одной только вещественной помощи, но и въ невещественной. И страннолюбіе можетъ имѣть невещественныя формы. Кто изъ насъ, братіе, показалъ бы пришедшему въ городъ страннику на себѣ самомъ примѣръ благоговѣйнаго поклоненія святынямъ нашего города, примѣръ вѣры и благочестія, кто изъ насъ не свѣдущему страннику рассказалъ бы то или другое повѣствованіе изъ поучительной исторіи нашихъ святыхъ мѣстъ и тѣмъ способствовалъ бы утвержденію въ немъ его христіанской надежды, тотъ совершилъ бы такое же святое дѣло

страннолюбія, каѣ и тотъ, кто накормилъ бы странника
вещественнымъ хлѣбомъ или кто пріютилъ бы его подъ кро-
вомъ своего дома.

*Страннолюбы другъ ко другу бывайте, братіе, безъ роп-
таній. (1 Петр. 4, 9). Аминь.*

Акимъ Олесницькій.

Къ вопросу о религіозно-нравственномъ значеніи классической системы образованія.

(Окончаніе)*).

Для предотвращенія мнимыхъ пагубныхъ послѣдствій, могущихъ быть вслѣдствіе изученія древне-классической литературы, Гарнье требуетъ начинать изученіе древнихъ языковъ въ учебныхъ заведеніяхъ чрезъ чтеніе Библии и свято-отеческихъ твореній въ греческомъ и латинскомъ текстѣ. Но ни это требованіе, ни приводимыя въ пользу его основанія нельзя признать состоятельными. Какъ мы уже видѣли, и въ древней христіанской церкви, и въ періодъ Среднихъ Вѣковъ изученіе свѣтскихъ наукъ и въ частности классической литературы начиналось обыкновенно съ дѣтства; на него смотрѣли большею частью, какъ на подготовительную ступень къ высшимъ богословскимъ знаніямъ, и поэтому оно обыкновенно предшествовало изученію наукъ богословскихъ. Религія, дѣйствительно, весьма сродна дѣтскому духу, и въ дѣтяхъ очень рано начинаетъ проявляться религіозная потребность. Тѣмъ не менѣе современная здравая педагогика признаетъ, что съ религіознымъ воспитаніемъ и образованіемъ не слѣдуетъ торопиться. Такъ какъ религіозные предметы принадлежатъ міру духовному, внутреннему, а внутренний міръ въ дѣтяхъ развивается позже и медленнѣе внѣшняго, то преждевременное ускореніе религіознаго обученія можетъ вмѣсто пользы приносить вредъ,—оно обыкновенно приводитъ къ формализму и даже лицемерію въ религіи¹⁾. Поэтому, хотя въ каждомъ благоустроенномъ христіанскомъ семействѣ обыкновенно за-

*) См. Труды Киевск. дух. Академіи за м. февраль и мартъ 1895 г.

¹⁾ М. А. Олесьничій. Курсъ педагогика. Вып. I. Кіевъ, 1885 г. стр. 274 и 282.

ботятся о сообщеніи дѣтямъ соотвѣтствующихъ ихъ возрасту религиозныхъ знаній, и иногда даютъ для чтенія и объясняютъ дѣтямъ нѣкоторые отдѣлы изъ Священнаго Писанія и свято-отеческихъ твореній; но болѣе или менѣе систематическое и основательное изученіе христіанской религіи, Библии и твореній отцевъ и учителей церкви всегда признавалось и признается недоступнымъ дѣтскому пониманію. Также въ нашихъ учебныхъ заведеніяхъ, соотвѣтственно процессу духовнаго развитія дитяти, первые два года религиознаго обученія обыкновенно посвящаются изученію важнѣйшихъ молитвъ и Священной Исторіи Ветхаго и Новаго Завѣта съ чтеніемъ соотвѣтствующихъ историческихъ отдѣловъ изъ Библии; предметы же, требующіе болѣе высокаго духовнаго развитія, относятся къ послѣдующимъ годамъ ученія. Въ древней христіанской церкви даже и люди совершеннолѣтніе не сразу посвящались во всѣ тайны христіанской религіи, но постепенно и послѣ болѣе или менѣе продолжительнаго подготовленія. Тѣмъ болѣе соблюденіе подобнаго рода постепенности признавалось необходимымъ по отношенію къ дѣтямъ. Такъ, св. *Василій Великій* обращается къ дѣтямъ съ такими словами: „въ эту (въ будущую, блаженную жизнь) вводятъ насъ, конечно, Священные Писанія, образующія насъ посредствомъ ученій таинственныхъ; но пока, по возрасту, не можемъ изучить глубины смысла ихъ, мы и въ другихъ писаніяхъ упражняемъ на время свое духовное око. Посвятить себя предварительному изученію внѣшнихъ писателей, мы потомъ уже начнемъ слушать священные и таинственные уроки, и какъ бы привыкнувъ смотрѣть на солнце въ водѣ, обратимъ, наконецъ, взоры къ самому свѣту. Поэтому и тотъ славный Моисей, котораго имя за мудрость у всѣхъ людей было весьма велико, сперва упражнялъ умъ египетскими науками, а потомъ приступилъ къ созерцанію *Сущаго*. Подобно ему о премудромъ Данилѣ повѣствуется, что онъ въ Вавилонѣ изучилъ халдейскую мудрость, и тогда уже коснулся божес-

ственныхъ уроковъ“¹⁾. *Блаж. Иеронимъ* во многихъ мѣстахъ своихъ твореній, какъ напр. въ письмѣ къ Паммахію, указываетъ на то, „какъ трудно понимать божественное Писаніе и въ особенности пророковъ“²⁾ не только дѣтямъ или юношамъ, но даже людямъ, достигшимъ полного умственного и физическаго развитія. Въ письмѣ къ Павлину онъ говоритъ: „если столь великій пророкъ (Давидъ) сознается въ тѣмъ невѣдѣніи, то какая ночь незнанія должна покрывать насъ ничтожныхъ, почти младенцевъ сосущихъ! А это покрывало лежитъ не только на лицѣ Моисея, но и на евангелистахъ и на апостолахъ“³⁾. Давая наставленіе Гавденцію о воспитаніи маленькой Пакутулы, онъ замѣчаетъ: „будетъ ли внимать глубокомыслію апостола та, которую больше забавляютъ бабушкины сказки? Пойметъ ли пророческія предвѣщанія, уразумѣетъ ли она величіе Евангелія, о сіяніе котораго притупляется всякій умъ смертныхъ“⁴⁾. Ту же мысль выражаетъ и *блаж. Августинъ* въ своей „Исповѣди“: „Священное Писаніе недоступно для юношей: оно въ одно и то же время и просто, и возвышенно, а по мѣстамъ покрыто завѣсою таинственности“⁵⁾. Поэтому онъ признавалъ необходимымъ для достиженія высшаго религіознаго знанія предварительное усовершенствованіе ума посредствомъ изученія свѣтскихъ наукъ (*artes liberales*)⁶⁾.

Мы считаемъ достаточнымъ ограничиться приведенными нами вполнѣ авторитетными и ясными свидѣтельствами, тѣмъ болѣе, что Гарнье дѣлаетъ большею частью лишь глухія, голословныя ссылки на отцовъ и учителей церкви. Но не мо-

¹⁾ *Василія Великаго* твор. ч. 4. (Бесѣда къ юношамъ о томъ, какъ пользоваться языческ. сочиненіями). Москва. 1846 г. стр. 346—347.

²⁾ *Блаж. Иеронима* твор. ч. 2, стр. 48.

³⁾ *Ibid.* стр. 138.

⁴⁾ *Ibid.* ч. 3, стр. 303

⁵⁾ *Блаж. Августина* твор. въ русск. перев. ч. 1, стр. 51—52.

⁶⁾ Эта мысль развита *блаж. Августиномъ* въ трактатѣ „О порядкѣ“.

жемъ обойти молчаніемъ весьма характерной ссылки его на вышеупомянутую энциклику папы Пія IX. Энциклика, говорить онъ, предписываетъ, чтобы въ руки юношей давались только *знаменитѣйшіе* (*clarissimi*) языческіе писатели, и ни слова не говоритъ о другихъ. Но такого рода писатели могутъ быть понимаемы и съ пользою изучаемы молодыми людьми не иначе, какъ только по достиженіи полного развитія. Слѣдовательно, Пій IX требовалъ, чтобы литературное образованіе христіанскихъ юношей начиналось съ изученія христіанскихъ авторовъ, и чтобы только въ болѣе позднее время происходило ознакомленіе съ сочиненіями знаменитѣйшихъ языческихъ писателей. Такимъ образомъ, чтобы придать энцикликѣ желаемый смыслъ, Гарнье беретъ за основаніе для ея объясненія положеніе, будто бы *знаменитѣйшіе* писатели не могутъ ничего писать, доступнаго дѣтскому пониманію. Но положеніе это, ложное само по себѣ, не оправдывается и практикою: въ теченіе многихъ вѣковъ не только школьное, но и домашнее обученіе дѣтей начиналось съ чтенія и изученія Гомера и Виргилія, и на этихъ „знаменитѣйшихъ“ писателей не только язычники, но и христіане смотрѣли, какъ на понятныхъ и полезныхъ для дѣтей. Также и многія произведенія новѣйшихъ знаменитыхъ писателей (напр. нѣкоторые стихотворенія Пушкина) гораздо болѣе доступны дѣтскому пониманію и съ большею любовью и пользою читаются и изучаются дѣтьми, нежели произведенія другихъ, незнаменитыхъ писателей. Нельзя согласиться и съ тѣмъ мнѣніемъ, что святоотеческія творенія болѣе понятны для дѣтей, нежели произведенія языческихъ писателей. Творенія отцевъ и учителей церкви по своему характеру весьма близки къ книгамъ Священнаго Писанія и, подобно послѣднимъ, могутъ быть надлежащимъ образомъ понимаемы и болѣе или менѣе основательно изучаемы лишь людьми, обладающими извѣстнымъ запасомъ богословскихъ знаній и достигшими извѣстной степени умственной зрѣлости. Не отрицая несомнѣнно важнаго значенія чтенія Библіи и святоотеческихъ твореній въ ори-

гинальномъ текстѣ въ цѣляхъ религіозно-нравственнаго воспитанія, мы тѣмъ не менѣе полагаемъ, что и эти цѣли едва ли могутъ быть достижимы въ низшихъ и среднихъ классахъ учебныхъ заведеній. Подобнаго рода чтеніе можетъ быть исполнѣ плодотворнымъ лишь въ томъ случаѣ, если ученики будутъ способны проникнуть въ духъ читаемыхъ произведеній и сродниться съ нимъ, а это требуетъ не только извѣстной, болѣе или менѣе высокой степени умственнаго развитія, но и обладанія болѣе или менѣе совершеннымъ знаніемъ тѣхъ языковъ, на которыхъ эти произведенія написаны; потому что въ противномъ случаѣ лексическія, грамматическія и т. под. трудности отвлекали бы вниманіе читающаго отъ самой идеи и духа читаемыхъ произведеній и разсѣивали бы его, заставляя сосредоточиваться не столько на содержаніи, сколько на внѣшней формѣ, на отдѣльныхъ словахъ и выраженіяхъ. Разсматриваемый родъ чтенія, при несвоевременномъ примѣненіи его къ дѣлу, можетъ вмѣсто предполагаемой пользы приносить даже вредъ. Однимъ изъ главныхъ золъ, съ которымъ болѣе всего приходится бороться воспитателямъ и учителямъ, служить, какъ извѣстно, скука учениковъ и нерасположеніе или враждебное отношеніе ихъ къ изучаемымъ предметамъ. Во избѣжаніе этого зла дѣтямъ въ низшихъ классахъ учебныхъ заведеній обыкновенно предлагаются для изученія такія сочиненія, которыя исполнѣ соответствовали бы ихъ возрасту и могли бы служить не только полезнымъ, но и пріятнымъ чтеніемъ, которыя бы не только поучали, но и развлекали, между тѣмъ какъ въ свято-отеческой литературѣ почти совсѣмъ не встрѣчается подобнаго рода сочиненій. Въ особенности же указанное зло происходитъ при невозможности или непосильной трудности пониманія изучаемаго предмета. Въ доказательство этого можно указать на *блаж. Августина*, который, по собственнымъ его словамъ, *ненавидѣлъ* въ дѣтствѣ греческій языкъ именно потому, что трудности въ изученіи его отравляли всю пріятность баснословныхъ расказа-

зовъ Гомера, которые заставляли его изучать¹⁾. Но гораздо болѣе вреда можетъ быть въ томъ случаѣ, если дѣти будутъ испытывать скуку и питать нерасположеніе или враждебное чувство въ отношеніи къ книгамъ Священнаго Писанія и свято-отеческимъ твореніямъ, нежели при обнаруженіи подобнаго рода чувствъ дѣтьми по отношенію къ произведеніямъ свѣтскихъ писателей, потому что въ первомъ случаѣ является опасность для религіозно-нравственнаго состоянія дѣтей, какой во второмъ случаѣ не можетъ быть.

Такимъ образомъ чтеніе и изученіе Библии и твореній отцевъ и учителей церкви въ оригинальномъ текстѣ можетъ быть доступнымъ и полезнымъ лишь для учениковъ старшаго возраста, т. е. въ высшихъ классахъ среднихъ учебныхъ заведеній и въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ. Но оно должно имѣть примѣненіе, по нашему мнѣнію, не во всѣхъ учебныхъ заведеніяхъ, а лишь въ духовно-учебныхъ (въ духовныхъ семинаріяхъ и въ духовныхъ академіяхъ) и въ тѣхъ изъ свѣтскихъ (высшихъ) учебныхъ заведеній, въ которыхъ изучается исторія греческой и римской литературы. Въ первыхъ Библия и свято-отеческія творенія должны служить предметомъ изученія не столько въ цѣляхъ назиданія, сколько какъ источники богословскихъ знаній, а во вторыхъ—произведенія древнихъ христіанскихъ писателей не могутъ быть оставляемы безъ вниманія уже вслѣдствіе той тѣсной связи, какую они имѣютъ съ исторією классической литературы, тѣмъ болѣе, что многіе изъ нихъ по своимъ литературнымъ достоинствамъ стоятъ гораздо выше современныхъ имъ произведеній свѣтской литературы. Что же касается прочихъ свѣтскихъ учебныхъ заведеній, то для достиженія цѣлей религіозно-нравственнаго воспитанія и образованія они могутъ пользоваться, вмѣсто чтенія Библии и свято-отеческихъ твореній на греческомъ и латинскомъ языкѣ, другими, болѣе удобопримѣни-

¹⁾ См. выше стр. 270.

мыми средствами, которыя указываются программами и планами этихъ заведеній, обнимающими собою все то, что необходимо для религіозно-нравственнаго воспитанія и образованія лицъ, не посвящающихъ себя специальному изученію богословскихъ наукъ или на служеніе церкви. Включеніе разсматриваемаго рода чтенія въ программы общеобразовательныхъ учебныхъ заведеній, какъ возможное лишь при сокращеніи программъ преподаванія по другимъ предметамъ и въ частности по классическимъ языкамъ, едва ли могло бы содѣйствовать, какъ показываетъ опытъ Среднихъ Вѣковъ, возвышенію религіозно-нравственнаго образованія и неизбѣжно послужило бы въ ущербъ достиженію тѣхъ общеобразовательныхъ цѣлей, которыя преслѣдуются классическимъ образованіемъ. Нужно также имѣть въ виду, что въ планы этихъ заведеній не входитъ та широта и глубина богословскихъ знаній, къ которой стремятся духовно-учебныя заведенія. Преподаваніе въ общеобразовательныхъ учебныхъ заведеніяхъ не задается и не можетъ задаваться цѣлью сообщать ученикамъ возможно полныя свѣдѣнія по всѣмъ изучаемымъ предметамъ, но должно ограничиваться сообщеніемъ лишь свѣдѣній, наиболѣе необходимыхъ. Оно обыкновенно „группируется около нѣкоторыхъ, доступныхъ пониманію учениковъ, главныхъ предметовъ выдающагося образовательнаго значенія, на которыхъ они могутъ научиться съ любовью углубляться въ предметъ, вырабатывая точныя и прочныя воззрѣнія, ясныя понятія, мѣткое выраженіе своихъ мыслей“¹⁾). Къ такого рода центральнымъ предметамъ въ большей части нашихъ среднихъ учебныхъ заведеній принадлежатъ древне-классическіе языки съ ихъ литературою. Это положеніе ихъ въ учебныхъ заведеніяхъ обуславливается именно высокимъ образовательнымъ значеніемъ ихъ, по которому они превосходятъ всѣ другіе пред-

¹⁾ Эд. Целлеръ Гимназія и университетъ. Пер. Г. Валькера Кіевъ, 1893 г. стр. 13.

меты образованія и въ частности церковный (греческій и латинскій) языкъ и древне-христіанскую литературу.

Современные педагоги признають, что языкъ есть самое всестороннее образовательное средство, и что изученіе его тѣмъ плодотворнѣе, чѣмъ онъ далѣе отстоитъ отъ роднаго языка, чѣмъ выше культурное значеніе языка и его литературы и чѣмъ совершеннѣе формы его¹⁾. Но во всѣхъ этихъ отношеніяхъ церковный языкъ (греческій и латинскій) гораздо ниже классическихъ. Классическіе языки гораздо менѣе близки къ современнымъ языкамъ и поэтому болѣе трудны для изученія, нежели языкъ церковный; но эти трудности вполнѣ вознаграждаются результатами изученія: оно болѣе работы даетъ мысли ученика, болѣе развиваетъ самостоятельность его и болѣе расширяетъ его умственный кругозоръ. Классическіе языки съ ихъ литературою составляютъ ничѣмъ незамѣнимое средство для ознакомленія съ главными основами современной культуры, и въ частности науки и искусства, между тѣмъ какъ церковный языкъ и церковная литература служатъ собственно къ восполненію свѣдѣній, получаемыхъ изъ другихъ наукъ, имѣющихъ богословскій характеръ, объ одной изъ этихъ основъ, заключающейся въ христіанствѣ. Но и для болѣе или менѣе основательнаго изученія богословскихъ наукъ необходимо знаніе классическихъ языковъ и классической литературы. Мы уже видѣли, какое важное значеніе въ этомъ отношеніи придавали классическому образованію отцы и учителя церкви. То же подтверждаетъ исторія духовныхъ школъ, въ которыхъ классическіе языки съ ихъ литературою всегда почти служили и доселѣ служатъ однимъ изъ главныхъ предметовъ изученія. То значеніе, какое имѣетъ классическое образованіе для изученія богословскихъ наукъ, весьма мѣтко охарактеризовано извѣст-

¹⁾ М. А. Оленицкій. Курсъ педагогики. Вып. II, Кіевъ, 1887 г. стр. 273—274.

нымъ профессоромъ *Целлеромъ* въ слѣдующихъ словахъ: „что касается богослововъ, то никто не станетъ утверждать, что они могутъ обходиться безъ знанія греческаго и латинскаго языковъ (именно классическихъ, а не церковнаго), или что они могутъ усвоить ихъ въ достаточной мѣрѣ уже по поступленіи въ академію: и не только знаніе этихъ языковъ для нихъ необходимо, чтобы имъ не пришлось, ограничиваясь, какъ это было въ Средніе Вѣка, однимъ только переводомъ священныхъ книгъ, не имѣть доступа къ источникамъ позднѣйшаго богословскаго и церковнаго развитія, но необходимо также для нихъ и фактическое знаніе науки древнихъ и ихъ образованія, ибо христіанство такъ много восприняло отъ нея; она до настоящаго времени составляетъ столь существенный элементъ христіанской религіи, что никто не способенъ къ историческому пониманію послѣдней или къ философскому сужденію объ ней, не ознакомившись основательно съ духовною жизнью тѣхъ народовъ, среди которыхъ находилась ея колыбель, духовнымъ достояніемъ которыхъ она питалась, по образцамъ которыхъ она создала свои формы культа и искусства, находясь во все время своего развитія посредственно и непосредственно подъ глубокимъ вліяніемъ той науки“¹⁾).

Но въ особенности превосходство классическихъ языковъ и ихъ литературы предъ церковнымъ языкомъ и церковною литературою обнаруживается въ совершенствѣ формы ихъ. Это преимущество всегда признавалось не только всѣми безпристрастными мыслителями, но и христіанскою церковью, которая, какъ на одну изъ причинъ для изученія классической литературы, указывала именно на правильность, чистоту и изящество языка и стиля классическихъ писателей. Такой же взглядъ неоднократно выражается и въ разсматриваемой брошюрѣ. Но въ ней, рядомъ съ этимъ взглядомъ, настойчиво проводится и совершенно противоположное воззрѣніе на клас-

¹⁾ Эд. *Целлеръ*. Гимназія и Университетъ. Пер. Г. *Валькера*. Кіевъ, 1893 г. стр. 25—26.

сическую литературу, какъ на гораздо низшую (или, по крайней мѣрѣ, не высшую) по своей формѣ и въ частности по языку сравнительно съ Библіею и всею церковною литературою. Поэтому мы считаемъ нужнымъ сдѣлать нѣсколько замѣчаній относительно тѣхъ основаній, на которыя опирается это воззрѣніе.

Христіанская церковь установлена Господомъ для спасенія людей. Божественный Основатель церкви даровалъ ей и всѣ тѣ средства, которыя необходимы для достиженія этой цѣли, а потому не лишилъ ее, конечно, и дара слова, насколько послѣднее служить средствомъ для возвышенія спасительныхъ истинъ и для обращенія людей на путь спасенія. Но это вовсе еще не значитъ, что члены церкви Христовой или, по крайней мѣрѣ, главные представители ея должны обладать всѣми вышними достоинствами человѣческаго слова: правильность и изящество языка и стиля, искусство логическаго построенія рѣчи, вышній блескъ краснорѣчія и т. под. качества служатъ результатомъ природныхъ дарованій и образованія; они въ значительной степени обусловливаются также средою, въ которой вращается авторъ, цѣлями, которыя онъ преслѣдуетъ, и т. под. вышними обстоятельствами, и не составляютъ необходимаго условія для достиженія церковью ея назначенія, а потому и не входятъ въ область тѣхъ благодатныхъ даровъ, которые она получила отъ своего Основателя. Въ зависимости отъ указанныхъ условій и вышнія достоинства слова библейскихъ и церковныхъ писателей различны: одни изъ нихъ облакали свою рѣчь въ болѣе совершенную, другіе въ менѣе совершенную форму. Такъ напр. книга пророка Исаіи, евангеліе Іоанна Богослова и творенія Лактанція и блаж. Іеронима по вышней своей формѣ гораздо выше книги пророка Амоса, евангелія св. Матѳея и твореній блаж. Августина и св. Григорія Двоеслова. Вполнѣ естественно также и то, что книги Свящ. Писанія и творенія отцовъ и учителей церкви могутъ быть по своей вышней формѣ ниже произведеній другихъ

писателей и даже такихъ, которые не принадлежатъ къ христіанской церкви. Главное, неоспоримое достоинство ихъ заключается не въ литературной формѣ, а въ ихъ высокомъ религіозно-нравственномъ содержаніи, по которому они превосходятъ и всегда будутъ превосходить всѣ другія произведенія. Древніе классики, обладая высокимъ литературнымъ талантомъ и широко пользуясь средствами современной имъ культуры, весьма важное значеніе придавали правильности и изяществу формы изложенія и обращали самое тщательное вниманіе на отдѣлку ея, вслѣдствіе чего они и возвели литературу въ отношеніи формы на высшую ступень совершенства; между тѣмъ какъ церковные писатели, подобно первымъ провозвѣстникамъ христіанства, сосредоточивали вниманіе на самомъ содержаніи, внѣшней же формѣ придавали значеніе болѣею частью лишь настолько, насколько эго требовалось въ видахъ общепонятности изложенія. Они никогда не упускали изъ вниманія назначеніе христіанства быть религіею всего міра, и такъ какъ рѣчь простая, безыскусственная, разговорная и народная одинаково понятна какъ для людей образованныхъ, такъ и необразованныхъ, то они говорили и писали болѣею частью такого рода рѣчью, тѣмъ болѣе что и слушатели или читатели ихъ состояли болѣею частью изъ людей простыхъ и необразованныхъ или малообразованныхъ, для которыхъ рѣчь, построенная по всѣмъ правиламъ словеснаго искусства, могла бы быть малопонятною. Поэтому они въ своихъ твореніяхъ нерѣдко даже намѣренно употребляли такіа слова и выраженія, которыя не допускались въ чисто-литературномъ языкѣ, — каковы напр. вульгаризмы, провинціализмы и архаизмы, и иногда не останавливались даже предъ употребленіемъ явно неправильныхъ въ грамматическомъ или стилистическомъ отношеніи выраженій, коль скоро послѣдніа могли быть болѣе понятными для народа, нежели чисто - литературныя. Въ церковной литературѣ встрѣчается также множество словъ, вновь образованныхъ (неологизмовъ), иностранныхъ и такъ назы-

ваемых *voces hybridae* (т. е. такихъ словъ, въ которыхъ одна часть взята изъ одного языка, а другая—изъ другого). Всѣ эти и тому подобныя измѣненія, а въ особенности синтаксическія своеобразности, существенно измѣнили характеръ древне-классической рѣчи и придали ей чуждый ей видъ. Конечно, умѣренное употребленіе иностранныхъ словъ и неологизмовъ, если оно вызывается необходимостью, служа для выраженія новыхъ понятій, и если образованіе новыхъ словъ дѣлается согласно съ эстетическими требованіями и съ общими законами языка (какъ это мы видимъ у классическихъ и иногда у церковныхъ писателей), относится не столько къ недостаткамъ, сколько къ достоинствамъ языка, какъ служащее къ обогащенію и усовершенствованію его. Но дѣло въ томъ, что большая часть особенностей, отличающихъ церковный языкъ отъ классическаго, не можетъ быть оправдана съ эстетической точки зрѣнія и не служитъ къ усовершенствованію языка. Не могутъ служить свидѣтельствомъ въ пользу совершенства церковнаго языка и романскіе языки. Хотя романскіе языки многимъ обязаны церковному латинскому языку, тѣмъ не менѣе они не могутъ быть признаны не только „прекраснѣйшими дочерьми“, но и вообще „дочерьми“ его. Они собственно произошли изъ смѣшенія латинскаго разговорнаго престопагоднаго языка (*sermo vulgaris, plebejus*) съ языками и нарѣчіями, употреблявшимися туземцами въ римскихъ провинціяхъ, и уже по этому одному не могутъ соперничать въ отношеніи совершенства формы съ высокоразвитымъ литературнымъ языкомъ древнихъ классиковъ. Впрочемъ, было бы несправедливо и винить церковныхъ писателей за искаженіе языка: они жили въ періодъ упадка классическаго языка и литературы и, за исключеніемъ нѣкоторыхъ особенностей, имѣющихъ спеціально-христіанскій характеръ или объясняющихся преслѣдовавшимися ими цѣлями общепонятности изложенія, писали большею частью современнымъ имъ, уже ранѣе искаженнымъ, языкомъ, отдавая такимъ образомъ по от-

ношенію къ недостаткамъ языка и литературной формы лишь данъ своему времени. Лишь у немногихъ изъ древне-христіанскихъ писателей обнаруживается стремленіе подражать относительно вышней формы классическимъ образцамъ; но хотя нѣкоторыя изъ подражаній не были неудачными, однако они не стоятъ выше образцовъ и даже на одномъ уровнѣ съ ними. Нѣкоторые изъ церковныхъ писателей по своему таланту, образованію и изяществу языка и стиля возвышаются даже надъ всѣми современными имъ свѣтскими писателями и не уступаютъ писателямъ классическаго періода по своимъ природнымъ дарованіямъ, многосторонности и основательности познаній, высокому воодушевленію, глубинѣ мысли и т. под. качествамъ; тѣмъ не менѣ произведенія ихъ въ отношеніи формы стоятъ, по общему мнѣнію всѣхъ безпристрастныхъ критиковъ, гораздо ниже произведеній корифеевъ классическаго періода греческой и римской литературы. Всѣ безпристрастные критики, вопреки разсматриваемому нами воззрѣнію, согласны также въ томъ, что среди библейскихъ и церковныхъ писателей нѣтъ ни историковъ, которыхъ можно было бы противопоставить Фукидиду, Титу Ливію, Ксенофонту, Саллюстію, Тациту, ни баснописцевъ въ родѣ Эзопа или Федра, ни эпиковъ, которыхъ можно было бы поставить на одинъ уровень съ Гомеромъ, Вергиліемъ или даже Луканомъ, ни такихъ трагиковъ, какъ Эсхиль, Софокль, Эврипидъ, ни комиковъ, подобныхъ Плавту и Теренцію, ни сатириковъ въ родѣ Горация и Ювенала, ни лириковъ, равныхъ Венузійскому поэту. Только два-три христіанскихъ эпистолографа, нѣкоторыя изъ произведеній христіанскаго краснорѣчія и нѣсколько гимновъ Пруденція, какъ, дѣйствительно, выдающіеся по своимъ высокимъ литературнымъ достоинствамъ, хотя и не чуждые недостатковъ своего времени, могутъ быть поставлены въ нѣкоторой степени въ параллель съ классическими образцами ¹⁾.

¹⁾ Etudes relig., philos., histor. et littér. Juillet 1893, p. 459—460.

Указанные нами внѣшніе недостатки библейской и церковной письменности признавались и древне-христіанскими писателями. Такъ, апостолъ Павелъ называетъ себя неискуснымъ въ словѣ (2 Кор. XI, 6) и придаетъ значеніе не тѣмъ внѣшнимъ средствамъ убѣжденія, къ которымъ обращается человѣческая мудрость, а „явленію духа и силы (1 Кор. II, 4)“. Св. *Василій Великій* въ одномъ изъ своихъ писемъ къ Ливанію говоритъ: „я теперь бесѣдную съ Моисеемъ, съ Іліею и съ подобными имъ блаженными мужами, которые пересказываютъ мнѣ свои мысли на грубомъ языкѣ, и что я у нихъ занялъ, то и говорю; все это вѣрно по мыслямъ, но не обработано по слогу, какъ видно и изъ этого самаго письма. Ибо если и выучился я чему у васъ, то забылось это со временемъ“¹⁾. *Лактанцій*, могущій быть компетентнымъ судьей въ вопросахъ о правильности и изяществѣ рѣчи, свидѣтельствуетъ, что книги Свящ. Писанія написаны „обыкновеннымъ простонароднымъ слогомъ“²⁾. „Богу угодно“, говоритъ онъ, „чтобы истина прельщала насъ болѣе естественною своею красотою, нежели посторонними прикрасами, иногда ее обезображивающими..... Когда говоритъ Богъ, Онъ говоритъ просто, немногослаголиво. Ему нѣтъ нужды поступать иначе, Онъ предложилъ истину безъ прикрасъ, дабы весь свѣтъ могъ ее познать“³⁾. О церковныхъ писателяхъ онъ замѣчаетъ, что между ними мало краснорѣчивыхъ, указываетъ на внѣшніе недостатки въ ихъ твореніяхъ и въ частности о Тертуліанѣ говоритъ, что слогъ его труденъ, нечистъ и весьма теменъ“⁴⁾. *Арнобій* соглашается съ противниками христіанъ, что христіанскіе писатели были люди простые, необразованные,—они писали простонароднымъ, нечистымъ языкомъ, творенія ихъ перепол-

¹⁾ Твор. св. *Василія Великаго* ч. VII. Москва, 1848 г. страи. 337.

²⁾ Говор. *Лактанція*. Перев. Е. Карповъ. Ч. I (Божеств. Наставл. кн. V), С.П.Б. 1818 г. стр. 337.

³⁾ Тамъ же (кн. III), страи. 174 и 176; ч. 2 (кн. VI), страи. 71.

⁴⁾ Тамъ же ч. 1 (кн. V), стр. 338.

нены барбаризмами, солецизмами и т. под. недостатками, не-
свойственными правильному языку, но утверждаетъ, что истина
и не нуждается ни въ чистотѣ и изяществѣ рѣчи, ни въ раз-
наго рода искусныхъ доказательствахъ, умозаключеніяхъ и
опредѣленіяхъ¹⁾. Когда *блаж. Иеронимъ* началъ послѣ свѣт-
скихъ писателей читать пророковъ, то его ужасала необра-
ботанность рѣчи²⁾. Въ частности пророка Амоса онъ прямо
называетъ (въ введеніи къ толкованіямъ на его книгу) „неис-
куснымъ въ словѣ (*imperitus sermone*)“³⁾. Въ письмѣ къ Пам-
махію онъ говоритъ: „не ищи у младенцевъ красворѣчія.
Церковный переводъ (Библіи) если и имѣетъ красоту слога,
долженъ не дорожить ею и избѣгать ея, чтобы быть понят-
нымъ не для праздныхъ школъ философовъ и не для немно-
гихъ учениковъ, но для всего рода человѣческаго⁴⁾. Въ пись-
мѣ къ монаху Павлину онъ указываетъ, какъ на образцы
для подражанія въ области философіи и въ разныхъ родахъ
литературы, исключительно на свѣтскихъ (языческихъ) писа-
телей. „Философы“, говоритъ онъ, „могутъ ставить себѣ въ
образецъ Пифагора, Сократа, Платона, Аристотеля; поэты мо-
гутъ подражать Гомеру, Вергилію, Менандру, Теренцію; ис-
торики—Фукидиду, Саллюстію, Геродоту, Ливію; ораторы—
Лисію, Гракхамъ, Демосфену, Цицерону“⁵⁾. Въ письмѣ къ Па-
влину онъ дѣлаетъ слѣдующій отзывъ о нѣкоторыхъ изъ цер-
ковныхъ писателей: „Тертуліанъ богатъ мыслями, но тяже-
ло выражается..... Викторинъ, увѣнчанный славнымъ мучени-
чествомъ, не можетъ выражать того, что разумѣетъ... Арно-
бій неровенъ, излишне распространяется и, не дѣлая раздѣ-

¹⁾ *Arnobii Afri Disput. advers. gentes. Lib. I, cap. 58—59* (Ed. *Orellii* pars 1. Lips. 1816, pag 39—40).

²⁾ *Блаж. Иеронима письмо къ Евстохію*. Твор. въ русск. перев. ч. 1, стр. 132.

³⁾ *Migne. Patrol. curs. compl. ser. lat. tom. XXV, col. 990.*

⁴⁾ Твор. *блаж. Иеронима* въ русск. перев. ч. 2, стран. 48.

⁵⁾ Тамъ же, стр. 134.

лений въ своихъ сочиненіяхъ, спутывается. Св. Иларій на-
рять галликанскимъ стилемъ и, украшаясь цвѣтами Греціи,
иногда затемняется длинными періодами и неудобенъ для чте-
нія болѣе простымъ братьямъ“¹⁾. Иногда и самъ блаж. Иеро-
нимъ пользуется простымъ, народнымъ языкомъ. Такъ, въ
письмѣ къ Фабіолѣ, намѣреваясь употребить необычныя въ хо-
рошемъ литературномъ языкѣ слова *lineas* (въ смыслѣ льня-
ныхъ одеждъ) и *camisias* (сн. франц. *chemise*), онъ замѣчаетъ:
„Чтобы быть понятнѣе читателю, я хочу воспользоваться про-
стонароднымъ оборотомъ рѣчи“²⁾. Также въ толкованіяхъ на
пророка Іезекиіля (гл. 40) онъ говоритъ: „мы знаемъ, что
локоть (*cubitum*) и локти (*cubita*)—имена средняго рода, но
ради простоты и облегченія пониманія и примѣнительно къ
народному обычаю мы ставимъ ихъ и въ мужескомъ родѣ. Ибо
намъ слѣдуетъ заботиться не о томъ, чтобы избѣгать недостатковъ
рѣчи, а о томъ, чтобы какими бы то ни было словами разъ-
яснять темноту Священнаго Писанія“³⁾. Подобнаго рода суж-
денія неоднократно высказывалъ и блаж. Августинъ. Такъ,
отмѣчая встрѣчающіяся въ латинскихъ переводахъ Библіи сло-
ва и обороты, не свойственные чистому и правильному языку
(солецизмы, барбаризмы и т. под.), онъ замѣчаетъ: „подобные
недостатки въ переводахъ можно оставлять безъ вниманія то-
му, кто ищетъ не изящества, а истины“⁴⁾. Давая наставленія
о томъ, какъ слѣдуетъ излагать истины христіанской вѣры и
нравственности, онъ замѣчаетъ: „мы не должны щадить ни-
какого труда для того, чтобы истины, даже самыя трудныя
для разумѣнія, но хорошо нами постигнутыя, какимъ бы то
ни было образомъ довести до понятія другихъ и во что бы ни
стало перелить оныя въ душу слушателя. Ибо въ простой бе-

¹⁾ Тамъ же, стр. 138.

²⁾ Тамъ же, стран. 180.

³⁾ Тамъ же, ч. XI стран. 180.

⁴⁾ Блаж. Августина Христ. Наука, кн. II, гл. XIX—XX. Кіевъ, 1835
г. стр. 93—95.

сѣдѣ наставнику вся забота не о томъ, какъ бы краснорѣчи-
вѣе, но о томъ, какъ бы яснѣе и очевиднѣе изложить пред-
метъ свой. Рачительное стремленіе къ этой ясности (*evidentia*)
вовсе не рачить иногда объ изяществѣ выраженій, заботясь не
о томъ, что хорошо звучить, но о томъ, что хорошо высказы-
вается и проявляетъ истину, которую силится выставить на
видъ. Если наши переводчики не постыдились сказать: *non
congregabo conventicula eorum de sanguinibus* (Псал. 15,
4),— ибо чувствовали, что предметъ требовалъ здѣсь употре-
бить слово *sanguinibus* (кровей) во множественномъ числѣ,
хотя оно въ ученomъ латинскомъ языкѣ употребляется только
въ единственномъ: то почему учителю вѣры, бесѣдующему съ
людьми необразованными, стыдиться и не употребить просто-
народнаго *ossut* (кость) вмѣсто книжнаго *os*, дабы избѣжать
двусмыслія въ словѣ, имѣющемъ два значенія: *кость и уста*,
и различающемся по одному только ударенію въ произноше-
ніи—долгому или короткому¹⁾, почему, говорю, не употре-
бить, когда грубое африканское ухо вовсе не умѣетъ судить ни
о сокращеніи, ни о продолженіи гласныхъ буквъ? Какая польза
отъ правильности языка, за которою не можетъ слѣдовать
понятіе слушателя, тогда какъ единственная причина и цѣль
разговоровъ нашихъ есть та, чтобы насъ понимали люди, съ кои-
ми ведемъ разговоръ. Итакъ, кто учитъ, тотъ пусть избѣгаетъ
выраженій, кои не учатъ; пусть избираетъ выраженія правиль-
ныя, если это можно сдѣлать, не вреда ясности; если же нельзя,
либо потому, что ихъ вовсе нѣтъ, либо потому, что они не ско-
ро на умъ приходятъ: то пусть употребляетъ слова не совсѣмъ
правильныя, лишь бы только самый предметъ преподавать правиль-
но“²⁾. И самъ блаж. Августинъ нерѣдко пользовался про-
стонароднымъ языкомъ. Такъ, при объясненіи 123-псалма, от-
давъ предпочтеніе народному слову *putas* предъ литератур-

¹⁾ *Os* въ значеніи *устъ* произносится, какъ долгій слогъ, а въ значеніи
кости—какъ короткий.

²⁾ *Блаж. Августина* Христіан Наука Кв. IV. гл. 23—24. Русс перев.
стр. 274—277.

нымъ *forsitan*, онъ говоритъ: „часто я употребляю слова, несвойственныя латинскому языку, чтобы быть понятнымъ для васъ“ ¹⁾. Въ другой разъ, употребивъ народное слово *ossut* вмѣсто *os*, онъ замѣчаетъ: „мы предпочитаемъ скорѣе подвергнуться порицанію со стороны грамматиковъ, нежели быть непонятыми народомъ“ ²⁾. Въ *De civitate Dei* (кн. XVII, гл. 4) онъ употребилъ слово *minorati sunt* (уменьшились), сдѣлавъ слѣдующую оговорку: „хотя это слово и не вполне латинское, но имъ хорошо выражено то, что они (израильтяне) изъ старшихъ въ родѣ сдѣлались меньшими“ ³⁾. *Сулъницкій Северъ* въ предисловіи къ жизнеописанію св. Мартина заявляетъ, что онъ рѣшился не краснѣть за ошибки языка, и проситъ читателей обращать вниманіе на содержаніе, а не на форму выраженія, потому что и царство Божіе основано не на краснорѣчьи, а на вѣрѣ, и спасеніе міру было проповѣдуемо не ораторами, а рыбаками ⁴⁾. *Св. Григорій Двоесловъ*, вопреки свидѣтельствамъ позднѣйшихъ панегиристовъ, самъ называетъ себя человѣкомъ простымъ и недалекимъ (*fatuus*) ⁵⁾. Онъ, по собственнымъ его словамъ (въ письмѣ, составляющимъ введеніе къ изъясненію книги Іова), не только съ пренебреженіемъ относился къ правиламъ риторики, преподававшимся въ свѣтскихъ школахъ, но даже не считалъ нужнымъ избѣгать барбаризмовъ, *giatusovъ* и частаго повторенія буквы *M* (*metacismi*) и соблюдать правила объ употребленіи пред-

¹⁾ *S. Augustini* Enarr. in Psalm. 123, 8. Collectio sel. ss. eccl. patr. accur. Caillau. Tom. 119, pag. 68 (*Putas usitate dicitur, latine non ita dicitur. Et potui illud dicere, cum tracto vobis: saepe enim et verba non latina dico, ut vos intelligatis*).

²⁾ *S. Augustini Hipp.* Enarr. in Psalm. 138, 20. Collectio sel. ss. eccl. patr. accur. Caillau. Tom. 119, pag. 323 (*Sic enim potius loquamur: melius est reprehendant nos grammatici, quam non intelligant populi*).

³⁾ Таор. блаж. *Августина* ч. 5. Кіевъ, 1892 г. стр. 229.

⁴⁾ *Corpus script. eccles. latin.* vol. I. Vindob. 1866, pag. 109—110.

⁵⁾ *В. О. Пьяницкій.* Св. Григорій Двоесловъ и его проповѣди. труды. Труды Кіев. Дух. Акад. 1864 г. т. III, стр. 596

логовъ, „потому что я“, говоритъ онъ, „считаю крайне неприличнымъ слова небеснаго вѣщанія (caelestis oraculi) связывать (грамматическими) правилами Доната ¹⁾. Поэтому вполне естественно то, что въ древности Библія и творенія отцевъ и учителей Церкви признавались непригодными для общеобразовательныхъ цѣлей. „Священные книги“, говоритъ одинъ изъ древнихъ церковныхъ историковъ, „не выучиваютъ хорошо говорить, но надо умѣть хорошо говорить, чтобы защищать истину“ ²⁾. Это между прочимъ и служило для христіанъ однимъ изъ главныхъ побужденій къ изученію классической литературы.

Мы считаемъ излишнимъ входить въ подробный разборъ всѣхъ тѣхъ произвольныхъ сопоставленій древне-классическихъ писателей съ христіанскими, которыя дѣлаетъ издатель разсматриваемой брошюры, отдавая предпочтеніе послѣднимъ въ отношеніи языка и литературной формы. Ограничимся лишь нѣсколькими замѣчаніями относительно нѣкоторыхъ изъ этихъ сопоставленій, по которымъ можно судить и о прочихъ. Такъ, не отрицая весьма важнаго значенія сочиненія *блаж. Августина* „De civitate Dei“, которое, дѣйствительно, служить первымъ опытомъ христіанской философіи исторіи, мы должны принять во вниманіе также и то, что по своей вѣншней формѣ оно стоитъ гораздо ниже не только „Исторіи“ Тита Ливія, но и многихъ изъ произведеній христіанскихъ писателей. Оно не только не свободно отъ тѣхъ недостатковъ, которые характеризуютъ языкъ и стиль прочихъ произведеній *блаж. Августина*, но и не отличается связностью, систематичностью изложенія ³⁾. *Св. Аверосій Медиоланскій* въ своей передѣлкѣ трактата Цицерона „De officiis“ обнаружилъ много искусства при перенесеніи языческихъ понятій и воззрѣній на

¹⁾ Migne. Patrol. curs. compl. ser. lat. tom. 75, col. 516.

²⁾ Сократъ. Церков. исторія, кн. III, гл. 16 (*Буасъ* Паденіе язык. стр. 139).

³⁾ Св. Ebert. Gesch. d. christl. — lat. Literat. Lpz. 1874, S. 216—217.

христіанскую почву и представилъ рядъ весьма поучительныхъ нравственныхъ наставленій, составляющихъ плодъ его житейской опытности; тѣмъ не менѣ онъ отнюдь не возвысился надъ литературными достоинствами своего образца. Во всей этой передѣлкѣ ясно замѣчается недостаточность обработки. Композиція ея, какъ говоритъ Эбертъ, крайне неудовлетворительна. Въ трудѣ св. Амвросія мы не встрѣчаемъ единства ни въ развитіи мыслей, ни въ стилѣ. Онъ представляетъ собою родъ лабиринта, въ которомъ только трактатъ Цицерона можетъ служить руководною нитью¹⁾. Творенія св. Григорія Двоеслова отличаются простотою и безыскусственностью. Въ этомъ ихъ несомнѣнное достоинство. Но здѣсь же кроется и источникъ тѣхъ недостатковъ, которые, какъ мы выше видѣли, сознавалъ и самъ св. Григорій и вслѣдствіе которыхъ языкъ его не можетъ быть признанъ образцовымъ и поставленъ на одинъ уровень съ языкомъ не только Цицерона, но и многихъ изъ второстепенныхъ писателей. Творенія *блаж. Иеронима*, дѣйствительно, могутъ быть читаемы съ большимъ интересомъ, но далеко не всѣ и не всѣми, и во всякомъ случаѣ противопоставлять имъ въ этомъ отношеніи „Тускуланскія Разсужденія“ Цицерона, какъ наводящія будто бы смертельную скуку на читателя, несправедливо. Этотъ трактатъ, по отзывамъ лицъ компетентныхъ, „имѣетъ форму въ высшей степени популярную и необыкновенно привлекательную для чтенія. Эта привлекательность формы при богатствѣ мыслей, отличающихся возвышенностью; служить причиною, почему Тускуланскія Разсужденія издавна были въ Европѣ любимымъ предметомъ чтенія какъ въ школѣ, такъ и внѣ ея, а это съ своей стороны объясняетъ существованіе множества отдѣльныхъ изданій этого сочиненія“²⁾. Также и письма Цицерона всѣми безпри-

¹⁾ Ibid. S. 154—155.

²⁾ В. И. Модестовъ. Лекціи по исторіи рим. литерат. СПб. 1888 г. стр. 244; см. Bähr. Gesch. d. röm. Literat. 3 Ausg. II. Bd. Carlsr. 1845, S. 433.

страстными критиками признаются въ высшей степени интересными по своему содержанію и чрезвычайно привлекательными по формѣ изложенія. Они даютъ намъ чрезвычайно живо и вѣрно написанную картину событій жизни Цицерона, его характера, дѣятельности и стремленій, всѣхъ его хорошихъ и дурныхъ качествъ, и такого же рода картину жизни и политическихъ стремленій его времени. Въ этихъ письмахъ, а въ особенности въ тѣхъ изъ нихъ, которыя адресованы Помпонію Аттіку и брату автора, Квинту, Цицеронъ съ полною откровенностію, въ самомъ неподдѣльномъ, не прикрытомъ никакою мантиею видѣ, высказываетъ свои мысли, стремленія, надежды, желанія и опасенія и говоритъ о разнообразныхъ обстоятельствахъ какъ собственной жизни, такъ современнаго ему общества. Поэтому они всегда пользовались высокимъ уваженіемъ, признавались за лучшіе образцы эпистолярнаго стиля, и чтеніе ихъ считалось пріятнымъ, полезнымъ и поучительнымъ для учащагося юношества¹⁾. Правда, встрѣчаются между ними и исключенія; но тоже можно сказать и о письмахъ христіанскихъ писателей, какъ напр. блж. Іеронима, допускающаго въ нѣкоторыхъ изъ своихъ писемъ столь подробное и реальное изображеніе нравственной распушенности современнаго ему христіанскаго общества, что чтеніе ихъ можетъ быть не безопаснымъ для дѣтей и юношей школьнаго возраста. Но въ особенности произвольность сужденій издателя разсматриваемой брошюры обнаруживается въ той смѣлости, съ которою онъ всѣмъ поэтамъ Августова вѣка противопоставляетъ Адама де Сенъ-Виктора, „величайшаго поэта Среднихъ Вѣковъ“, въ дѣйствительности же настолько не выдающагося своими литературными достоинствами, что даже историки литературы и издатели спеціальныхъ литературныхъ

---

¹⁾ *Bähr*, *Gesch. d. röm. Literat.* II Bd. S. 379; *В. И. Модестовъ*, Лекціи по вст. рим. литерат. стр. 260.

словарей¹⁾ большею частью обходятъ его имя совершеннымъ молчаніемъ.

Что касается въ частности формы христіанской поэзіи, то и она, какъ примѣнявшаяся къ грубому вкусу народа, утратившаго чувство различія между долгими и короткими слогами, должна быть признана гораздо менѣе совершенною, нежели классическая. Классическое стихосложеніе, будучи по своему существу метрическимъ, въ то же время строго сообразуется съ ритмическими требованіями и уже вслѣдствіе этого одного представляетъ болѣе музыкальности и разнообразія; христіанская же поэзія, удержавъ изъ классической лишь ритмическое построеніе, основывающееся на опредѣленномъ чередованіи сильныхъ и слабыхъ темповъ, повышеній и пониженій (*arsis, thesis*), совершенно оставила метрическій строй, обусловливаемый долгою и краткостью слоговъ. Разница эта въ особенности рѣзко бросается въ глаза при сличеніи первыхъ произведеній христіанской поэзіи съ произведеніями классическихъ поэтовъ. Такъ, о *Коммодіанъ Г. Буассе* говоритъ, что его стихосложеніе „причудливо, непріятно, грубо, открыто оскорбляетъ всѣ законы элементарной метрики. Его стихъ имѣетъ притязаніе быть древнимъ гекзаметромъ, но это гекзаметръ, не знающій отличія долготы и краткости слоговъ, т. е. того, что составляло его душу. Онъ сохранилъ только его внѣшность и видъ; у него осталось правильное число слоговъ, которые поэтъ группируетъ по желанію въ дактили и спондеи, хотя въ дѣйствительности нѣтъ болѣе ни спондеевъ, ни дактилей, такъ какъ отсутствуетъ количество“²⁾. Не пользовались, повидимому, подобнаго рода стихи уваженіемъ и въ древности, какъ можно заключать изъ словъ Геннадія Массилійскаго, который говоритъ, что *Коммодіанъ* написалъ книгу противъ язычниковъ

¹⁾ Напр. *G. Vapereau* въ *Dictionnaire universel des littératures*.

²⁾ *Г. Буассе*. Паденіе язычества стр. 258—259.

„грубымъ языкомъ, якобы стихами“¹⁾. Стихосложение *Ювенка* гораздо болѣе правильно. У него встрѣчаются стихи вполнѣ правильные и очень изящно написанные. Но „такая удача не часто выпадаетъ на долю *Ювенка*. Чаше всего онъ тяжело-вѣсенъ и безцвѣтенъ и точно одаренъ особымъ свойствомъ портить лучшія мѣста Евангелія. Его Евангельская Исторія— работа школьника, составляющаго стихи изъ отрывковъ, взятыхъ у свѣтскихъ писателей“²⁾. Впослѣдствіи христіанская поэзія съумѣла довольно искусно справиться съ тѣми трудностями, какія представляло примѣненіе античныхъ формъ къ новому содержанію, чуждому классической древности, и достигла значительнаго совершенства въ отношеніи формы. Она даже возвысилась надъ современною ей свѣтскою поэзіею. Но совершенство и изящество ея формы не было самостоятельнымъ, а зависѣло отъ болѣе или менѣе удачнаго подражанія классическимъ образцамъ. Не превзошла она классическую поэзію и въ тотъ періодъ своего развитія, когда, отрѣшившись отъ классическихъ образцовъ, вступила на самостоятельный путь, воспользовавшись особымъ видомъ свойственнаго народной поэзіи тоническаго стихосложенія, основывающемся на созвучномъ окончаніи стиховъ (риѐмахъ). Подобнаго рода созвучія, которыя утонченному вкусу грековъ и римлянъ классическаго періода казались не достоинствомъ, а недостаткомъ, допускавшимся изрѣдка въ стихахъ лишь по необходимости, не могли замѣнить того благозвучія и той музыкальности, какія обуславливались разнообразнымъ гармоническимъ сочетаніемъ долгихъ и короткихъ слоговъ. Новый видъ стихосложенія, какъ примѣнявшійся ко вкусамъ простаго народа, былъ несомнѣнно болѣе популярнымъ. Но это отнюдь не можетъ служить доказательствомъ совершенства формы христіанской по-

¹⁾ *Scriptis mediocri sermone, quasi versu, librum adversus paganos. Gennad. Script. eccles. cap. XV. Migne, Patrol. curs. compl. ser. lat. tom. 58, col. 1068.*

²⁾ *Г. Буассе. Паденіе язычества* стран. 264.

эвін. Простой народъ, какъ извѣстно, отличается, какъ и всегда отличался, грубымъ, неразвитымъ вкусомъ, и среди него никогда почти не находятъ болѣе или менѣе широкаго распространенія лучшія произведенія изящной литературы. Справедливо также и то, что метрическое стихосложеніе представляло для поэтовъ много затрудненій въ то время, когда въ живомъ языкѣ утратилось различіе между долгими и короткими слогами, т. е. въ послѣ - классическій періодъ. Могло оно представлять не мало затрудненій и при первоначальномъ примѣненіи его къ литературнымъ произведеніямъ, когда поэты еще не вполне свыклись съ нимъ и когда законы его и формы языка еще не вполне были установлены. Но заключать отсюда о необычайной трудности этого стихосложенія для поэтовъ классическаго періода, когда языкъ образованнаго общества достигъ высшей степени утонченности, несправедливо, тѣмъ болѣе что большая или меньшая степень легкости стихосложенія въ значительной степени обуславливается природнымъ талантомъ, образованіемъ, навыкомъ и упражненіемъ. Оно могло въ это время быть не по плечу лишь для той массы бездарныхъ и невѣжественныхъ виршеплетовъ, на обиліе которыхъ жаловался Гораций ¹⁾, а не для истинныхъ поэтовъ. Мы имѣемъ также прямые свидѣтельства о томъ, что нѣкоторые изъ поэтовъ этого періода писали стихи съ необычайною легкостью. Такъ, Овидій о себѣ говоритъ, что хотя онъ во время своей юности старался, слѣдуя внушеніямъ отца, отвыкнуть отъ поэзіи и писать прозою, тѣмъ не менѣе, что бы онъ ни писалъ, рѣчь невольно, безъ всякаго намѣренія съ его стороны, укладывалась въ метръ, и стихъ выходилъ самъ собою ²⁾. Поэтому нельзя признать основательнымъ и выводимое изъ мнимой необычайной трудности метрическаго стихосложенія заключеніе о пустотѣ и без-

¹⁾ *Horat. II Epist. 1, 117.*

²⁾ *Ovid. Trist. IV, 10, vers. 19—26.*

содержательности произведеній классической поэзіи, не оправдываемое также и содержаніемъ ихъ. Мы, впрочемъ, не отрицаемъ того, что новый видъ стихосложенія, усвоенный христіанскою поэзіей, былъ болѣе простымъ и болѣе легкимъ для поэтовъ, нежели прежнее, метрическое стихосложеніе. Но эти качества скорѣе могутъ служить свидѣтельствомъ о меньшемъ, нежели о большемъ совершенствѣ формы христіанской поэзіи сравнительно съ поэзією классической.

Такимъ образомъ всѣ тѣ основанія, на которыя опираются защитники совершенства формы христіанской литературы, оказываются несостоятельными. Не христіанская литература надъ классическою, а наоборотъ, классическая надъ христіанскою возвышается по совершенству и изяществу языка, стиля, стихосложенія и вообще литературной формы. Поэтому произведенія древнихъ классиковъ имѣютъ болѣе высокое образовательное значеніе и не могутъ быть замѣнены твореніями отцовъ и учителей церкви при обученіи, имѣющемъ въ виду общеобразовательныя цѣли.

Но высокое образовательное значеніе древне-классической литературы обуславливается не внѣшнимъ только, но и внутреннимъ характеромъ ея. Мы видѣли, что уже въ древности христіане признавали полезнымъ изученіе ея не только вслѣдствіе совершенства внѣшней формы, но также и по причинѣ содержанія ея. И дѣйствительно, классическая литература отличается богатствомъ содержанія и обиліемъ фактовъ и идей, имѣющихъ высокое значеніе какъ въ научномъ, такъ въ религіозно-нравственномъ и практическомъ отношеніи. Древніе классики одинаково серіозное вниманіе обращали какъ на внѣшнюю форму, такъ на содержаніе своихъ произведеній. Одно изъ главныхъ достоинствъ классической литературы и заключается именно въ полной гармоніи между формою и содержаніемъ. Сосредоточеніе вниманія на внѣшней формѣ въ ущербъ содержанію, погоня за необычайными словами и за замысловатыми и вычурными или трудными выраженіями, су-

хость, пустота, безсодержательность и т. под. явленія встрѣчаются въ произведеніяхъ не классическаго, а послѣ-классическаго періода. Древніе классики обыкновенно очень серьезно смотрѣли на задачи литературной дѣятельности. У нихъ не замѣтно того стремленія примѣняться къ извращеннымъ вкусамъ публики и потворствовать ея страстямъ, какое, къ сожалѣнію, нерѣдко обнаруживается въ современной намъ литературѣ. Гораздо рѣже встрѣчаются у нихъ также матеріалистическія и сенсуалистическія идеи. Вся почти классическая литература проникнута глубокимъ уваженіемъ къ религіи, нравственности, отечеству и государственному порядку. Классическіе писатели преслѣдовали въ своихъ произведеніяхъ главнымъ образомъ нравственныя и патріотическія цѣли. Такъ, Саллюстій и Титъ Ливій въ началѣ своихъ историческихъ трудовъ прямо указываютъ на свое желаніе чрезъ описаніе достославныхъ дѣяній предковъ воспламенить духъ соотечественниковъ къ добродѣтели и рядомъ поучительныхъ примѣровъ показать, чему должно подражать, какъ добродѣтельному и полезному, и чего избѣгать, какъ такого, что худо само по себѣ и пагубно по своимъ послѣдствіямъ¹⁾. Хотя нѣкоторые изъ нихъ, какъ на цѣль своей литературной дѣятельности, указываютъ на достиженіе славы, но самую славу понимаютъ, какъ результатъ полезной для общества дѣятельности и какъ награду за добродѣтель²⁾. Въ произведеніяхъ древнихъ клас-

¹⁾ *Sallust. Bell. Jugurth. c. IV: Saepe ego audiui Q. Maxumum, P. Scipionem, praeterea civitatis nostrae praeclaros viros solitos ita dicere, cum majorum imagines intuerentur, vehementissime sibi animum ad virtutem accendi. Scilicet non ceram illam neque figuram tantam vim in sese habere, sed memoria rerum gestarum eam flammam egregiis viris in pectore crescere neque prius sedari, quam virtus eorum famam atque gloriam adaequaverit. T. Liv. Ab urbe cond. lib. I, praef. Hoc illud est praecipue in cognitione rerum salubre ac frugiferum, omnis te exempli documenta in inlustri posita monumento intueri: inde tibi tuaeque reipublicae quod imitare capias, inde foedum inceptu, foedum exitu, quod vites.*

²⁾ *Sallust. Catil. c. I: Mihi rectius videtur ingeni, quam virium opibus*

сиковъ обнаруживается также высокая любовь къ истинѣ, отъ которой умышленно эти писатели никогда почти не отступаютъ, и стремленіе сохранять полное безпристрастіе. Такъ, Саллюстій въ введеніи къ своей монографіи „О Заговорѣ Катилины“ говоритъ, что онъ изложитъ исторію этого заговора безпристрастно и какъ можно ближе къ истинѣ ¹⁾. Тацитъ заявляетъ, что его перомъ руководитъ неподкупная любовь къ истинѣ и полное безпристрастіе ²⁾. Если римляне обвиняли грековъ въ лживости, хитрости и лъстивости, то это относится собственно не къ греческимъ классикамъ, а къ выродившимся потомкамъ великаго народа, давшимъ поводъ своимъ поведеніемъ въ Римѣ составить нелестное представленіе о всей греческой націи ³⁾. Относить такого рода представленіе къ греческимъ классикамъ такъ же несправедливо, какъ несправедливо было бы на основаніи подобнаго рода характеристики грековъ христіанскаго времени, встрѣчающейся у нашего лѣтописца, отрицать высокое значеніе греческой христіанской литературы. Неумышленные же отступленія отъ истины встрѣчаются не у древне-классическихъ только, но и у самыхъ добросовѣстныхъ христіанскихъ писателей. Если нѣкоторые изъ древнихъ авторовъ допускали лесть въ своихъ произведеніяхъ и стремились посредствомъ незаслуженныхъ похвалъ достигать матеріальныхъ выгодъ, то это были

---

gloriam quaerere et memoriam nostri quam maxime longam efficere. Nam... virtus clara aeternaque habetur. Ibid. cap. II: Is mihi vivere atque frui anima videtur, qui aliquo negotio intentus praeclari facinoris aut artis bonae famam quaerit. Sallust. Bell. Jugurth. cap. I: Quod si hominibus bonarum rerum cura esset,... eo magnitudinis procederent, ubi pro mortalibus gloria aeterni fierent.

¹⁾ *Sallust. Catil. cap. IV: Mihi a spe metu partibus rei publicae animus liber erat. Igitur de Catilinae conjuratione quam verissime potero paucis absolvam.*

²⁾ *Tacit. Annal. I, 1: Consilium mihi pauca de Augusto tradere et cetera sine ira et studio, quorum causas procul habeo. Hist. I, 1: Incorruptam fidem professis neque amore quisquam et sine odio dicendus est.*

³⁾ Сатиры Д. Юлія Ювенала. Перев. А. Адольфъ. Москва, 1888 г. стр. 354—355 и 89—90 (Примѣч. къ Sat. X, 174—175; III, 58 и дал.).

исключительныя явленія, почти совсѣмъ не имѣвшія мѣста въ періодъ процвѣтанія литературы и относящіяся собственно къ періоду упадка ея, совпадающему съ временемъ глубокаго умственнаго и нравственнаго паденія общества. Виргилій и Горацій хотя и восхваляли своихъ высокопоставленныхъ покровителей и друзей въ своихъ произведеніяхъ, но дѣлали это по чувству долга, а не съ цѣлью добиться протекціи, денегъ или вилъ. Горацій, какъ извѣстно, настолько независимо держалъ себя по отношенію къ Августу, что уклонялся отъ всѣхъ настойчивыхъ предложеній его, принятіе которыхъ не только могло обезпечить матеріальное положеніе, но и создать блестящую политическую карьеру поэту. Также Титъ Ливій и Виргилій не пользовались своею близостью къ Августу для достиженія какихъ либо выгодъ или карьеры. Въ классической литературѣ мы не находимъ также революціонныхъ, соціалистическихъ и т. под. идей; напротивъ того, въ ней встрѣчали энергическій протестъ всѣ тѣ стремленія, которыя были направлены къ потрясенію политическаго и соціальнаго строя. Въ доказательство этого можно указать на знаменитыя рѣчи Цицерона противъ Катилины и на сочиненіе Саллюстія о заговорѣ Катилины. Даже Горацій, принимавшій во время своей юности дѣятельное участіе въ защитѣ республики, въ своихъ стихотвореніяхъ не только не распространялъ республиканскихъ или революціонныхъ идей, но и указывалъ на благотворное значеніе государственнаго строя, установленнаго Августомъ. Нельзя не указать также на Тацита. Хотя онъ не скрываетъ своихъ симпатій къ прежнему, республиканскому строю государства и съ негодованіемъ отмѣчаетъ тѣ крайнія проявленія деспотизма и тиранніи, которыми ознаменовалось правленіе нѣкоторыхъ изъ римскихъ императоровъ, однако не только не возстаетъ противъ монархическаго правленія, но наоборотъ, указываетъ на историческую необходимость его для мирнаго развитія государства. „Дѣло мира, говоритъ онъ, требовало, чтобы вся власть была передана въ

руки одного лица“¹⁾). И во всѣхъ вообще произведеніяхъ древнихъ классиковъ обнаруживается замѣчательная серьезность мысли и здравость сужденія. Этого нельзя сказать лишь о весьма немногихъ поэтическихъ произведеніяхъ, и въ особенности о такихъ, которыя были написаны въ годы увлеченій, свойственныхъ молодости. Извѣстно также, что поэты всѣхъ странъ и всѣхъ временъ пользуются, сравнительно съ другими писателями, большею свободою въ своихъ сужденіяхъ и, увлекаясь цѣлями служенія искусству, позволяютъ себѣ иногда довольно легкомысленное отношеніе ко многимъ серьезнымъ вопросамъ, не исключая вопросовъ религіи и нравственности. Поэтому произведенія не только древне-классическихъ, но и другихъ поэтовъ иногда подвергались съ нравственной точки зрѣнія очень рѣзкому порицанію. Но подобнаго рода порицаніе нельзя признать справедливымъ уже потому, что оно основывается лишь на сравнительно незначительномъ числѣ произведеній, по которымъ, какъ имѣющимъ исключительный характеръ, нельзя судить объ общемъ характерѣ литературы и на которыя, конечно, никто не можетъ смотрѣть, какъ на предназначенныя *ad usum juventutis*. Гораций въ своемъ знаменитомъ посланіи къ Пизонамъ (*De arte poetica*) говоритъ, что поэты обыкновенно стремятся или приносить пользу (*prodesse*), или доставлять эстетическое наслажденіе (*delectare*), или же соединяютъ то и другое вмѣстѣ, пріятное и пригодное для жизни (*et jucunda et idonea vitae*), при чемъ въ особенности считаетъ достойнымъ подражанія этотъ послѣдній родъ поэзіи, какъ наиболѣе могущій удовлетворить потребностямъ и вкусамъ cadaго человека²⁾). И дѣйствительно, о всей почти классической поэзіи можно сказать, что она „соединяетъ полезное съ пріятнымъ, поучая читателя и вмѣстѣ съ тѣмъ доставляя ему наслажденіе (*miscuit*

¹⁾ Tacit. Hist. I, 1.

²⁾ Horat. II Epist. III, 333—334, 341—344.

utile dulci, lectorem delectando pariterque monendo)¹). Она, въ прекрасной, изящной формѣ даетъ читателю возвышенные поучительные уроки и увлекаетъ его въ ту область нравственно-прекраснаго, въ которой нѣтъ мѣста пороку. Она обыкновенно не только не выражаетъ сочувствія пороку, но наоборотъ, въ формѣ то пріятной бесѣды, шутки и ироніи (какъ Гораций), то безпощаднаго бичеванія, полнаго благороднаго негодованія (какъ Ювеналъ), ведетъ борьбу со всѣми уклоненіями отъ добра, истины и красоты. Даже подъ оболочкою миеологическихъ сказаній, противъ которыхъ, какъ могущихъ будто бы оказывать развращающее вліяніе на юношество, въ особенности возстаютъ противники классицизма, она выражаетъ большею частью глубокія религіозно-нравственныя истины, которыя умѣлый учитель легко можетъ распознать и примѣнить къ цѣлямъ религіозно-нравственнаго воздѣйствія на учениковъ¹). Поэтому она имѣетъ весьма важное образовательное и воспитательное значеніе, прекрасно охарактеризованное Горациемъ въ извѣстномъ посланіи къ Августу²).

Нельзя согласиться и съ тѣмъ положеніемъ, что съ литературной точки зрѣнія совершенно безразлично, будутъ ли дѣти въ первые годы обученія читать написанныя столь правильнымъ и изящнымъ языкомъ произведенія, каковы произведенія древнихъ классиковъ, или же сочиненія, имѣющія менѣе совершенную форму, каковы книги Священнаго Писанія и творенія отцовъ и учителей церкви. Ученики первыхъ классовъ, конечно, еще не могутъ понимать всѣхъ стилистическихъ и литературныхъ достоинствъ читаемыхъ произведеній. Такого рода пониманіе пріобрѣтается постепенно, по мѣрѣ развитія дѣтей и путемъ болѣе имъ менѣе долговременнаго и внимательнаго изученія лучшихъ образцовъ литературы. Но

¹) См. статью И. Виноградова „Воспитательное значеніе миеологіи“ въ журналѣ „Гимназія“ 1894 г. №№ 5—7.

²) *Horat. II Epist. 1, 126 sqq.*

извѣстно, какое громадное значеніе имѣютъ привычки, приоб-
рѣтенныя въ дѣтствѣ, и какъ трудно бываетъ отвыкнуть отъ
недостатковъ, усвоенныхъ въ дѣтскомъ возрастѣ. Поэтому уже
въ древности признавали необходимымъ предлагать дѣтямъ
для изученія лишь то, что можетъ служить для нихъ образ-
цомъ, и постепенно приучать ихъ къ тому, что вполне они
могутъ усвоить только въ позднѣйшіе годы. Такъ, блаж. Іе-
ронимъ, давая наставленіе Летѣ о воспитаніи ея дочери, Павлы,
совѣтуетъ ей пригласить учителя опытнаго и обладающаго
хорошими свѣдѣніями, потому что „самое произношеніе буквъ
и первые начатки ученія“, говоритъ онъ, „иначе преподаются
ученымъ и иначе невѣждою. Позаботься, чтобы дочь твоя не
усвоила нелѣпаго обычая женщинъ коверкать слова: это вред-
ить языку; пусть она не учится въ дѣтствѣ тому, отъ чего
послѣ нужно будетъ отвыкать. Пишутъ, что краснорѣчію
Граковъ принесла великую пользу рѣчь матери, которую слу-
шали они съ дѣтства. Рѣчь Гортензія привилась къ нему
еще въ отцовскихъ объятіяхъ. Съ трудомъ истребляется то,
что впечатлѣвается въ молодыя души. Новый кувшинъ долго
хранить запахъ того, чѣмъ впервые былъ палитъ¹⁾. Грече-
ская исторія рассказываетъ, что Александръ, будучи могу-
щественнѣйшимъ царемъ и побѣдителемъ вселенной, долго не
въ силахъ былъ освободиться отъ недостатковъ въ характерѣ
и въ походкѣ учителя своего Леонида, которыми заразился
еще въ дѣтствѣ“²⁾. И въ первой книгѣ апологіи противъ
Руфина онъ выражаетъ ту же мысль, говоря словами Вир-
гилія (Georg. lib. II, v. 272): „много значить привыкнуть съ
ранняго дѣтства“³⁾. Также и современная педагогика тре-
буетъ, чтобы съ дѣтьми говорили правильнымъ, чистымъ язы-

¹⁾ См. *Horat.* I Epist. II, 69—70: Quo semel est imbuta recens serva-
bit odorem testa diu.

²⁾ Твор. бл. *Іеронима* ч. 3, стр. 5—6.

³⁾ Тамъ же ч. 5, стр. 37.

комъ, чтобы исправляли каждую ошибку въ ихъ языкѣ и чтобы давали имъ въ руки лишь такія сочиненія, которыя не только были бы полезны по своему содержанію, но и могли бы служить для нихъ образцами по формѣ изложенія. Но при изученіи древнихъ языковъ такого рода образцами могутъ служить только произведенія классическихъ, а не церковныхъ писателей, потому что при изученіи послѣднихъ учениками усвоились бы многія неправильныя или несвойственныя чистому, литературному языку слова и формы выраженія, отъ которыхъ впослѣдствіи трудно было бы отвыкнуть. Вслѣдствіе подобнаго рода виѣшнихъ недостатковъ въ настоящее время большею частью исключаются изъ школьных программъ даже такія сочиненія, вполне соответствующія дѣтскому пониманію и отличающіяся глубокимъ религіозно-нравственнымъ направленіемъ, какъ *Epitome historiae sacrae* и *Selectae e profanis scriptoribus historiae*¹⁾. Во избѣжаніе указаннаго нами затрудненія нѣкоторые изъ противниковъ классической литературы, какъ напр. Монье (Monnier), признаютъ нужнымъ исправлять текстъ свято-отеческихъ твореній въ школьныхъ изданіяхъ сообразно правиламъ грамматики. Но это, по справедливому замѣчанію одного изъ критиковъ²⁾, „верхъ вандализма и неуваженія къ тексту отцовъ и учителей церкви и можетъ только подрывать, а не возвышать ихъ авторитетъ. Облечь ихъ въ тогу Цицерона—это значило бы сдѣлать ихъ смѣшными“. Это было бы не исправленіемъ, а искаженіемъ свято-отеческихъ твореній, потому что виѣшняя форма ихъ находится въ тѣсной связи съ самымъ содержаніемъ, и нѣкоторые изъ отцовъ и учителей церкви, какъ мы видѣли, нарочито уклонялись отъ классическаго языка и поль-

¹⁾ Впрочемъ, въ нѣкоторыхъ странахъ, какъ напр. во Франціи, эти два сочиненія доселѣ читаются въ школахъ. Первое изъ нихъ (*Epitome historiae sacrae*) доселѣ употребляется также въ нашихъ духовныхъ училищахъ.

²⁾ *Delaporte* въ *Etudes relig. philos. histor. et. littér.* Juillet 1893 р. 455.

зовались неправильною, простонародною рѣчью, какъ болѣе общедоступною, имѣя въ виду не литературныя и общеобразовательныя, а исключительно религіозно-нравственныя цѣли. Подобнаго рода исправленія не могутъ служить и къ возвышенію значенія свято-отеческихъ твореній: хотя многія изъ нихъ не лишены крупныхъ литературныхъ достоинствъ, тѣмъ не менѣе значеніе ихъ заключается не въ литературной формѣ, а въ религіозно-нравственномъ содержаніи, по которому они неизмѣримо возвышаются надъ прочими произведеніями, и къ нимъ не примѣнимъ тотъ масштабъ, по которому оцѣниваются обыкновенныя литературныя произведенія.

Настаивая на необходимости начинать изученіе древнихъ языковъ съ чтенія произведеній классическихъ, какъ написанныхъ чистымъ и правильнымъ языкомъ и не могущихъ, при надлежащемъ выборѣ и употребленіи ихъ, оказывать вреднаго вліянія на религіозно-нравственное состояніе учениковъ, мы тѣмъ не менѣе, вслѣдствіе чисто-педагогическихъ соображеній, признаемъ вполне справедливымъ неоднократно уже высказывавшееся ¹⁾ и въ послѣднее время снова заявляемое въ нашей печати и даже въ официальныхъ сферахъ ²⁾ требованіе приступать къ изученію классическихъ языковъ не въ столь раннемъ возрастѣ, въ какомъ оно происходитъ по программамъ нашихъ учебныхъ заведеній ³⁾. Въ основѣ изученія иностранныхъ языковъ долженъ лежать отечественный

¹⁾ См. напр. сочиненіе В. И. Модестова „Школьный вопросъ“, изд. 2, С.П.Б. 1880 г. и его же статью „О средней школѣ и университетахъ“ (Статьи для публики, т. I, С.П.Б. 1883 г. стр. 291—308).

²⁾ Мы разумѣемъ поступившій въ январѣ настоящаго года, судя по газетнымъ свѣдѣніямъ, на разсмотрѣніе особой Комиссіи при Министерствѣ Народнаго Просвѣщенія проектъ попечителя Кавказскаго учебнаго округа г. Яновскаго, предлагающаго между прочимъ начинать преподаваніе классическихъ языковъ въ гимназіяхъ съ пятаго класса.

³⁾ Въ нашихъ гимназіяхъ и прогимназіяхъ изученіе латинскаго языка начинается съ 1-го класса и греческаго съ 3-го; въ духовныхъ училищахъ изученіе обоихъ классическихъ языковъ начинается съ 2-го класса.

языкъ. Только тогда ученикъ можетъ съ надлежащимъ успѣхомъ приступать къ изученію древнихъ языковъ, когда онъ подготовился къ систематическому грамматическому образованію, ознакомившись съ грамматической терминологіей и логическимъ построеніемъ рѣчи на языкѣ отечественномъ ¹⁾. Но не слѣдуетъ упускать изъ вниманія также и того обстоятельства, что изученіе классическихъ языковъ и ихъ литературы можетъ быть плодотворнымъ лишь при болѣе или менѣе основательномъ изученіи ихъ. Поэтому нельзя согласиться съ требованіемъ аббата Гарнье посвящать изученію классической литературы лишь три высшіе класса въ учебныхъ заведеніяхъ: столь короткій срокъ былъ бы недостаточенъ для достиженія тѣхъ цѣлей, которыя преслѣдуются классическою системою образованія.

Нельзя признать основательными также и тѣ доводы, на которые опирается требованіе давать въ руки учениковъ не болѣе или менѣе цѣльныя произведенія классическихъ писателей, а только избранные отрывки или извлеченія изъ нихъ. Если подвергаемые обыкновенному очищенію школьные тексты классиковъ не могутъ быть свободными отъ яда, проникающаго будто бы всю классическую литературу, и могутъ возбуждать въ ученикахъ стремленіе отыскивать и прочитывать мѣста, не допускаемыя въ учебныхъ изданіяхъ, то подобнаго рода опасность можетъ быть и при чтеніи отрывковъ. Впрочемъ, дѣло не въ этой воображаемой опасности, а въ томъ, что современная педагогика не безъ основанія признаетъ невозможнымъ ограничиваться чтеніемъ подобнаго рода отрывковъ, какъ дающимъ лишь поверхностное знаніе, которое обыкновенно или ни къ чему не приводитъ, или же сопровождается вредными послѣдствіями. Она предпочитаетъ предлагать ученикамъ чтеніе связанное, въ видѣ цѣльныхъ, или, по крайней мѣрѣ, болѣе или менѣе законченныхъ произведе-

---

¹⁾ В. И. Модестовъ. Статьи для публики. Т. 1. С П.Б. 1883 г. стр. 297.

вій, потому что лишь такого рода чтеніе можетъ служить къ болѣе или менѣе основательному ознакомленію съ содержаніемъ и формою классическихъ произведеній. Само собою разумѣется, что для школьнаго чтенія должны быть избираемы лишь такого рода произведенія, которыя не только отличаются правильнымъ и изящнымъ изложеніемъ, но также могутъ давать здоровую пищу для ума, чувства и воли и не заключаютъ въ себѣ ничего, могущаго въ какомъ бы то ни было отношеніи быть вреднымъ или опаснымъ для учениковъ. Въ этомъ случаѣ, дѣйствительно, слѣдуетъ руководиться правиломъ: *maxima debetur puero reverentia*.

Въ заключеніе намъ остается сказать нѣсколько словъ о цѣли классическаго образованія.

Мы уже видѣли, что христіанская церковь никогда не отрицала пользы свѣтскаго и въ частности классическаго образованія и признавала весьма многое поучительнымъ и полезнымъ какъ въ литературѣ, такъ въ жизни классическихъ народовъ. Она не только не скрывала тѣхъ задатковъ истины и добра, которыми обладалъ до-христіанскій міръ, но напротивъ того, указывала на нихъ, даже усвоила нѣкоторые изъ нихъ и рекомендовала своимъ членамъ искать ихъ вездѣ, гдѣ бы они ни находились, слѣдуя мудрому совѣту апостола: *все испытывайте, хорошаго держитесь* (1 Тесс. V, 21). Скрывать достоинства классической литературы, чернить всю классическую древность, какъ не заключающую въ себѣ будто бы ничего (или почти ничего) хорошаго, не только противорѣчило бы практикѣ христіанской церкви, но и было бы ложью, противною духу христіанскаго ученія и крайне вредною по своимъ послѣдствіямъ. Если въ отношеніи къ каждому ближнему мы, по заповѣди апостола (Ефес. IV, 25), не должны допускать никакой лжи, а говорить исключительно истину, то въ особенности свято эта заповѣдь должна быть соблюдаема въ отношеніи къ дѣтямъ, на воспримчивыя души которыхъ ложь можетъ производить крайне растлѣвающее

вліяніе. Истину вполнѣ скрыть нельзя (сн. Марк. IV, 22), и ранѣе или позже многіе изъ тѣхъ, которымъ умышленно сообщались превратныя свѣдѣнія о классической древности, могутъ получить истинное понятіе о ней и въ такомъ случаѣ проникнуться неуваженіемъ и даже враждою не только къ своимъ прежнимъ учителямъ, скрывавшимъ истину, но и къ самому христіанству, если бы послѣднее нуждалось въ помощи жи. Но на самомъ дѣлѣ христіанство не только не боится свѣта истины, но и призываетъ къ нему каждаго человѣка, и отнюдь не нуждается во жи.

Христіанская цивилизація преслѣдуетъ собственно религіозно-нравственныя задачи, и въ этомъ отношеніи она неизмѣримо возвышается и всегда будетъ возвышаться надъ всякою другою цивилизаціею. Но христіанство признаетъ человека гражданиномъ не неба только, но и земли, членомъ не церкви лишь, но и гражданскаго общества, существомъ, состоящимъ изъ тѣла и души и получившимъ отъ Творца разнообразныя силы и способности, надлежащимъ развитіемъ и употребленіемъ которыхъ обусловливается болѣе или менѣе полное приближеніе къ тому идеальному совершенству, образцомъ котораго долженъ служить для насъ Отецъ небесный (Матѣ. V, 48). Поэтому оно не ограничиваетъ жизнь человека исключительно религіозно-нравственными интересами и не только не отвергаетъ, но даже требуетъ надлежащаго развитія всѣхъ силъ и способностей человека и признаетъ вполнѣ законнымъ стремленіе человека къ надлежащему удовлетворенію своихъ потребностей физическихъ, умственныхъ, эстетическихъ и т. под. и требованій практической жизни. Поэтому оно не отвергаетъ также свѣтскаго и въ частности классическаго образованія, какъ имѣющаго цѣлью удовлетвореніе тѣмъ вполнѣ законнымъ потребностямъ человеческой природы и требованіямъ практической жизни, удовлетвореніе которыхъ не входитъ непосредственно въ задачи христіанскаго религіозно-нравственнаго образованія. Оно

не считаетъ возможнымъ также замѣнить свѣтское образова-
ніе религіозно-нравственнымъ, потому что то и другое преслѣ-
дуетъ свою особую, вполне самостоятельную и вполне закон-
ную цѣль, и при надлежащемъ направленіи оба эти рода
образованія не только не находятся въ противорѣчій между
собою, но служатъ восполненіемъ одно для другого, содѣй-
ствуютъ одно другому и, идя различными путями, стремятся
къ одной общей цѣли—довести человѣка до возможно болѣе
полнаго совершенства.

Особое преимущество классическаго образованія состоитъ
именно въ томъ, что лежащая въ основѣ его греко-римская
культура не только представляетъ собою наивысшую изъ куль-
туръ, достигнутыхъ собственными усиліями человѣчества,
помимо христіанства, но и имѣетъ вполне выработанный и
законченный характеръ. Въ этой культурѣ, наиболѣе соот-
вѣтствующей важнѣйшимъ потребностямъ человѣческой при-
роды, нашли единственное по своей высотѣ и полнотѣ выра-
женіе всѣхъ лучшихъ стремленій естественнаго человѣка,—все то,
что есть лучшаго и возвышеннѣйшаго по мысли и чувству
въ природномъ умѣ человѣка. Поэтому она имѣетъ общечело-
вѣческій характеръ, и ея литература представляетъ совер-
шеннѣйшіе образцы здравости мысли и изящества языка и
литературной формы, служащіе достояніемъ не язычества
только и не одного какого либо народа, но всего человѣче-
ства. Въ этомъ смыслѣ классическое образованіе не безъ осно-
ванія называется гуманнымъ и, какъ служащее не только
лучшимъ средствомъ къ развитію духовныхъ способностей,
но и необходимою подготовительною ступенью къ надлежа-
щему пониманію и усвоенію современной цивилизаціи, при-
знается однимъ изъ главныхъ предметовъ общаго образованія.

Со времени просвѣщенія человѣчества свѣтомъ христіан-
скаго ученія, послужившаго одною изъ главныхъ основъ для
новѣйшей цивилизаціи, значительно возвысившейся надъ древ-
не-классическою, послѣдняя не можетъ доставлять удовлетво-

ренія высшимъ человѣческимъ потребностямъ въ той мѣрѣ, въ какой оно получалось до-христіанскимъ міромъ, искавшимъ въ ней рѣшенія всѣхъ важнѣйшихъ вопросовъ, не исключая вопросовъ религіи и нравственности. Мы не изъ нея должны почерпнуть рѣшеніе вопросовъ религіи и нравственности и высшіе руководящіе принципы жизни и дѣятельности, а изъ вышшаго и единственно непогрѣшимаго источника,—Свящ. Писанія и ученія православной церкви, которыя должны лежать и въ основѣ христіанскаго религіозно-нравственнаго образованія и воспитанія. Нигдѣ не обнаруживается въ такой степени слабость человѣка, предоставленнаго своимъ собственнымъ силамъ, какъ въ области религіи и нравственности. Религіозно-нравственныя воззрѣнія даже лучшихъ умовъ древности, воодушевленныхъ самымъ искреннимъ стремленіемъ къ истинѣ, не чужды многихъ глубокихъ заблужденій. Поэтому древніе классики не могутъ служить для насъ руководителями вѣры и нравственности, и классическая система образованія не можетъ задаваться и не задается тѣми цѣлями, которыя преслѣдуются христіанскимъ религіозно-нравственнымъ образованіемъ и воспитаніемъ. Тѣмъ не менѣе и въ той области, въ которой разсматриваемая система образованія непосредственно соприкасается съ этими цѣлями, она не только не препятствуетъ, но наоборотъ, содѣйствуетъ достиженію ихъ, служа къ уясненію, восполненію и практическому примѣненію истинъ христіанской вѣры и нравственности и производя на учениковъ глубоко-нравственное вліяніе. Эта роль классической системы образованія, какъ нѣкотораго рода помощницы и восполнительницы христіанства, не только признавалась древне-христіанскою церковью, но и признается современными мыслителями и педагогами. „Матеріалы такъ называемаго классическаго образованія“, говоритъ *Гладстонъ*, „были приготовлены обдуманно, какъ бы самимъ Провидѣніемъ, для того, чтобы классическая образованность могла служить не только помощницей, но, говоря математическимъ языкомъ, дополненіемъ хри-

стванству, въ его примѣненіи къ развитію человѣчества, какъ созданнаго для настоящаго міра и для будущаго“¹⁾. „Новѣйшее образованіе“, говоритъ *Дичъ* (*Dietsch*), „многостороннѣе пространнѣе и глубже древняго, но никто не осмѣлится утверждать, чтобы слѣдовало сразу посвятить юношество во всю глубину и высоту человѣческаго развитія, не проведя его сперва по простѣйшимъ кругамъ и ступенямъ. Древнее образованіе въ отношеніи къ человѣческому роду—образованіе юношеское. Оно приобрѣло и выработало всѣ основныя положенія, которыя человѣкъ долженъ былъ и могъ развить изъ самого себя, прежде чѣмъ свѣтъ божественнаго Откровенія возвелъ его на высшую ступень духовной жизни. Не слѣдуетъ злонамѣренно толковать этихъ словъ, будто сначала человѣкъ долженъ сдѣлаться образованнымъ язычникомъ, прежде чѣмъ онъ станетъ христіаниномъ; нѣтъ, онъ долженъ только усвоить древнія истины, законы и воззрѣнія, которыхъ христіанство не отвергаетъ, но изъ коихъ оно дѣлаетъ орудіе для достиженія своихъ высшихъ цѣлей; тогда лишь достигнетъ онъ христіанскаго и общечеловѣческаго совершенства, чтобы имѣть вліяніе на духовную жизнь своего времени или, по крайней мѣрѣ, дѣйствовать въ ней разумно и сознательно“²⁾. Это благотворное глубоко-нравственное вліяніе классическаго образованія подмѣчено и наблюдательнымъ умомъ графа *Л. Н. Толстого*. „Мнѣ кажется“, говоритъ онъ, „что нельзя не признать того, что самый процессъ изученія формъ языковъ особенно благотворно дѣйствуетъ на духовное развитіе. Кромѣ того, нельзя отрицать и того, что вліяніе классическихъ писателей въ высшей степени нравственное, тогда какъ, къ несчастью, съ преподаваніемъ естественныхъ наукъ соединяются тѣ вредныя и ложныя ученія, которыя составляютъ язву

¹⁾ *Г. Джонсъ*. Классическая система образованія. С.П.Б. 1868 г. стр. 81.

²⁾ Извлеченіе изъ замѣчаній иностр. ученыхъ и педагоговъ. Журн. Мин. Нар. Просв. за мѣс. іюль 1871 г. стр. 80—81.

нашего времени“¹⁾. И дѣйствительно, самое упражненіе умственныхъ силъ посредствомъ изученія и усвоенія высшихъ произведеній человѣческаго духа, унаслѣдованныхъ нами отъ классической древности, имѣетъ не теорическое лишь, но и нравственно-практическое значеніе. Происходящіе при этомъ упражненіи „умственные процессы побуждаютъ изучающаго работать надъ самимъ собою“, они представляютъ собою „не что иное, какъ трудъ, который мы сами надъ собою совершаемъ. А какое же иное приготовленіе въ жизни можетъ быть лучше и важнѣе этого? Прежде чѣмъ мы въ состояніи будемъ дѣйствовать на другихъ и производить перемѣны въ надлежащемъ направленіи внѣ себя, мы должны потрудиться, при содѣйствіи и руководствѣ другихъ, надъ обработкою своей обшественной личности, намъ необходимо сначала разработать свои силы, дабы во всеоружіи явиться потомъ на жизненную борьбу. Нужно научиться въ себѣ побѣждать все дурное, дабы мы оказались въ состояніи искоренять злое и содѣйствовать торжеству добра въ жизни. А что же другое, сверхъ религіознаго образованія, можетъ наиболѣе содѣйствовать этому, какъ не изученіе тѣхъ древнихъ языковъ и тѣхъ произведеній человѣческаго духа, въ которыхъ совершеннѣйшимъ образомъ отпечатлѣлись всѣ лучшія свойства человѣческой природы“²⁾). Нравственно-практическое значеніе изученія древне-классической литературы прекрасно очерчено также въ рѣчи извѣстнаго англійскаго философа и политико-эконома *Дж. Ст. Милля*, который, выясняя значеніе классическаго образованія и въ частности превосходство классическихъ языковъ и литературы предъ всѣми другими языками и литературами, между прочимъ говоритъ, что, „изучая великихъ пи-

¹⁾ Сочинен. гр. *Л. Н. Толстого* ч. X (Анна Каренина, ч. IV гл. 10). Изд. 6. Москва, 1886 г. стр. 232.

²⁾ *И. И. Лимикій*. Крит. обозрѣніе обычныхъ взглядовъ и сужденій и проч. (Оттисекъ изъ журн. „Вѣра и Разумъ“). Харьковъ, 1884 г. стр. 35—36.

сателей древности, мы не только научаемся понимать древній духъ, но собираемъ запасъ мудрой мысли и наблюденія, имѣющихъ цѣну и для насъ самихъ“. Классическая литература представляетъ собою богатую сокровищницу „того, что можно назвать жизненной мудростью: богатый запасъ опытности относительно человѣческой природы, который передали въ своихъ сочиненіяхъ проницательные и наблюдательные умы тѣхъ вѣковъ, облегчаемые въ своихъ наблюденіяхъ болшей простотой нравовъ жизни, и большая часть котораго сохранила до сихъ поръ всю свою цѣну. Рѣчи у Фукидида, Реторика, Этика и Политика Аристотеля, Діалоги Платона, рѣчи Демосеена, сатиры и особенно посланія Горация, всѣ сочиненія Тацита, великій трудъ Квинтилиана, собраніе лучшихъ мыслей древняго міра о всѣхъ предметахъ, касающихся до воспитанія, все, что осталось для насъ отъ древнихъ историковъ, ораторовъ, философовъ и даже драматическихъ писателей,—все это наполнено замѣчаніями и правилами удивительнаго здраваго смысла и проницательности, примѣнимыхъ и къ политической и къ частной жизни; и положительныя истины, которыя мы находимъ у нихъ, даже уступаютъ въ своей цѣнности передъ тѣмъ возбужденіемъ и содѣйствіемъ, какое даютъ они для изысканія истины. Человѣческое изобрѣтеніе никогда не производило столько замѣчательнаго и въ смыслѣ возбужденія, и въ смыслѣ дисциплины для изслѣдующаго ума, какъ діалектика древнихъ, теорію котораго объясняютъ многія изъ сочиненій Аристотеля, а практику представляютъ сочиненія Платона... Этихъ писателей проникаетъ благороднѣйшій энтузіазмъ и въ стремленіи къ истинѣ, и въ примѣненіи ея къ высочайшимъ вопросамъ... Поэтому, занимаясь древними языками, какъ нашимъ лучшимъ литературнымъ воспитаніемъ, мы тѣмъ самымъ закладываемъ удивительное основаніе для нравственной и философской культуры“¹⁾.

¹⁾ Дж. Ст. Милль. Рѣчь объ университет. воспитаніи (при сборникѣ Э. Юманса „Новѣйшее образованіе“). Пер. М. Антоновича. С.П.Б. 1867 г. стр. 23-26.

Такъ какъ классическое образованіе имѣетъ высокое образовательное значеніе и преслѣдуетъ свои особыя, самостоятельныя цѣли, не только не находящіяся въ противорѣчіи съ задачами христіанскаго религіозно-нравственнаго образованія и воспитанія, но содѣйствующія достиженію ихъ; то къ нему не примѣнимъ тотъ сравнительный методъ изученія, который предлагается въ рассматриваемой нами брошюрѣ. Не сравненіемъ христіанской цивилизаціи съ языческою должно заниматься при изученіи древнихъ классиковъ, не на томъ, чрезъ что ученики могли бы убѣдиться въ превосходствѣ христіанской цивилизаціи, не на худшихъ, а наоборотъ, на наилучшихъ сторонахъ древне-классической цивилизаціи слѣдуетъ сосредоточивать вниманіе, на томъ, что могло бы служить для учениковъ образцомъ и быть для нихъ полезнымъ по своему положительному, а не отрицательному вліянію на нихъ. Конечно, встрѣчаясь съ религіозно-нравственными заблужденіями при чтеніи какого-либо классика, учитель не только можетъ, но и долженъ разъяснять ихъ ученикамъ съ христіанской точки зрѣнія. Но слѣдуетъ, по возможности, устранять изъ области изученія все то, что не согласуется съ христіанскимъ міровоззрѣніемъ. Превращеніе классической системы образованія въ средство обличенія заблужденій и пороковъ классическаго міра не только лишило бы эту систему всего ея высокаго значенія, но и могло бы быть не безопаснымъ для юныхъ впечатлительныхъ душъ: о большей части заблужденій и пороковъ, а въ особенности о такихъ, какъ нѣкоторые изъ изображаемыхъ апостоломъ Павломъ въ посланіи къ Римлянамъ (гл. I, ст. 26—27),—можно сказать, что лучше совѣмъ не касаться ихъ, нежели знакомить съ ними учениковъ съ цѣлью выясненія превосходства истины и добродѣтели. Эта цѣль должна преслѣдоваться собственно не свѣтскимъ, а религіозно-нравственнымъ образованіемъ и воспитаніемъ, и достигаться не столько сравнительнымъ, сколько

положительнымъ путемъ: ученики настолько должны быть утверждаемы въ началахъ христіанской вѣры и нравственности, чтобы впослѣдствіи не могли увлongyangся отъ нихъ при встрѣчѣ съ каковыми бы то ни было заблужденіями и пороками.

Н. Дроздовъ.

С Л О В О,

произнесенное въ церкви Кіево-Братскаго монастыря, въ пятокъ четвертой недѣли великаго поста (10 марта 1895 года), на пассіи.

Блудите, да не презрите единаго (отъ) малыхъ сихъ (Мѡ. XVIII, 10).

Замолили послѣднія слова повѣствованія евангельскаго, смолкли и послѣдніе звуки пѣсни церковной, приглашающей насъ *ублажить Иосифа Приснопамятнаго*, и—душа наша полна глубокаго умиленія. Вдохновляемая и святымъ повѣствованіемъ симъ и сею величественною пѣснію, мысль наша невольно проникается благоговѣйнымъ трепетомъ. Единородный Сынъ Божій нисходитъ на землю, пріемлетъ плоть человѣческую, живетъ среди людей и—чистый, безгрѣшный, святой—умираетъ позорнѣйшею смертію отъ руки человѣческой. Какая великая жертва приносится здѣсь! За кого и съ какою цѣлью? За грѣшнаго человѣка, съ цѣлью искупить грѣхъ его, загладить его вину предъ Богомъ, уничтожить власть ада и смерти надъ нимъ и даровать ему жизнь вѣчную. Такъ велика любовь Бога къ человѣку, такъ дорогъ ему жизнь этого человѣка, что для нея Онъ не пощадѣ Сына Своего Единороднаго.

Братіе! Цѣнимъ ли мы эту неизмѣримую милость Божію къ намъ? Цѣнимъ ли мы этотъ великій даръ намъ не-

достоинъ, эту жизнь нашу, приобретенную столь дорогою цѣною? Тяжело сказать, но мы переживаемъ такіе печальные дни, что въ душу невольно закрадывается мысль: не сталъ ли человекъ забывать уже и о великой жертвѣ, принесенной Сыномъ Божиимъ для его искупленія, и о величайшемъ благѣ своемъ—о той жизни вѣчной, дверь въ которую открыта для него Христомъ распятымъ?

Рѣдкій день не приноситъ намъ печальной вѣсти о страшной смерти человека, смерти не естественной, а насильственной, преждевременной, самовольной: человекъ поднимаетъ на себя свою собственную руку. Такіе факты стали повторяться въ наши дни такъ часто, что мы готовы видѣть въ нихъ не случайный характеръ, а какую то роковую, страшную болѣзнь. Какъ будто въ самомъ воздухѣ носится какая то тайная невидимая зараза, отравляющая его и человека, дышащаго имъ. Возьмите первый попавшійся на глаза листъ ежедневной печати, и вы непременно прочтете тамъ еще об одномъ изъ этихъ одинаково ужасныхъ фактовъ. И удивительное дѣло! Въ этой скорбной хроникѣ записаны имена людей самыхъ разнообразныхъ общественныхъ положеній, состояній и возрастовъ. Оказывается, что не только люди, уже пожившіе и успѣвшіе ознакомиться съ жизнью, но и едва лишь расцвѣтающая юность, тотъ возрастъ, который характеризуется полнотою силъ и надеждъ, и даже дѣтство, отъ котораго, казалось бы, закрыты всѣ печали жизни, не застрахованы отъ этого тяжкаго преступленія. Но истинѣ, явленіе ужасное, невольно вызывающее на серьезные размышленія.

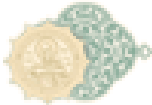
Откуда идетъ это зло? Гдѣ коренная причина его?

Для рѣшенія вопроса мысль естественно прежде всего обращается къ самой же хроникѣ этихъ несчастныхъ и старается прослѣдить, что привело ихъ къ роковому концу. Что же мы находимъ здѣсь?

Въ наше время, и въ обычной бесѣдѣ, и въ печатномъ словѣ, нерѣдко можно встрѣтить горькія жалобы лучшихъ

людей на замѣчающуюся въ массѣ общества утрату того, что называется идеалами жизни, на оскудѣніе высокихъ цѣлей, задачъ, стремленій. Словно птица, у которой подрѣзаны крылья и тѣмъ отнята возможность полета вверхъ, въ чистую высь небесъ, человѣкъ, не находя въ своей душѣ никакихъ высокихъ порывовъ, приковался всѣми силами своими къ землѣ, къ міру повседневныхъ, будничныхъ, низменныхъ желаній и заботъ, и живетъ только въ этомъ мірѣ. Что удивительнаго послѣ этого, если всю свою энергію, всѣ свои способности многіе направляютъ лишь къ тому, какъ бы извлечь изъ этой жизни возможно больше удовольствія, какъ бы возможно полнѣе „насладиться жизнью“? Но здѣсь то и открывается для человѣка скользкій путь.

Земныя удовольствія покупаются дорогою цѣною; поэтому доступъ къ нимъ открыть не только не всѣмъ, но и далеко не многимъ. У большинства въ погонѣ за ними не хватаетъ силъ и средствъ и такимъ лучше бы отступить, поборовъ свои влеченія. Но развѣ всѣ сознаютъ это? Одинъ дѣйствительно отступаетъ, другой же, напротивъ, только еще болѣе разгоряченный препятствіями, перестаетъ задумываться надъ средствами и разбирать, что честно и справедливо, и что безчестно и ложно въ нихъ и... если еще и не погибъ человѣкъ, то уже сталъ на путь гибели. Заглушивъ голосъ своей совѣсти, онъ не остановится передъ обманомъ, лестию, клеветою, не задумается попрасть все чистое и святое, что только встрѣтится на его пути, и наконецъ, все болѣе и болѣе увлекаемый страстью, не придетъ въ смущеніе и передъ какимъ угодно тяжкимъ преступленіемъ, лишь бы цѣною его достигъ своей цѣли... Остановись человѣкъ хотя на этой ступени своего паденія, и онъ еще не погибъ. Предъ нимъ еще открытъ путь спасенія—путь покаянія предъ людьми и передъ Богомъ. Въ грозноль судѣ общественнаго закона, въ неизбежныхъ здѣсь страданіяхъ, пошлетъ Господь искупленіе его грѣху и дастъ ему силы для того, чтобы сдѣлаться

совершенно другимъ, новымъ человѣкомъ. Но путь суда, открытый и гласный, путь грозный и тяжелый. И вотъ, тотъ самый человѣкъ, который съ такою настойчивостью стремился все впередъ по пути грѣха, теперь робѣетъ стать на путь покаянія. Онъ трепещетъ предъ судомъ человѣческимъ и, забывая, что его ждетъ еще судъ высшій, отъ котораго не уйти ему, не сокрыться и въ нѣдрахъ земли, бѣжитъ отъ этого суда человѣческаго, налагая на себя собственную руку.

Вотъ одинъ путь, приводящій къ гибели, и среди именъ, занесенныхъ въ скорбныя лѣтописи, можетъ быть, большая часть принадлежитъ именно такимъ людямъ, безразсудно увлекшимся благами земной жизни.

Но къ чему приведетъ этотъ путь и тѣхъ, кого сама жизнь, повидимому, записала въ число избранниковъ земнаго счастья? Лучшихъ изъ нихъ, богато одаренныхъ и духовно, не удовлетворяетъ всѣ, такъ заманчивыя сначала, прелести его. Земныя удовольствія исчерпать не трудно. Чѣмъ легче даются они, чѣмъ свободнѣе доступъ къ нимъ, тѣмъ скорѣе даже наступаетъ полное пресыщеніе и разочарованіе. А тогда горе человѣку сему! На душѣ его, можетъ быть, еще нѣтъ тяжкаго грѣха, и совѣсть его еще молчитъ; однако жизнь уже не въ радость ему. Онъ опустошилъ свою душу. Въ постоянной погонѣ за благами земными, чувственными, онъ заглушилъ и вытравилъ въ ней всѣ высокіе и свѣтлые порывы, заложенные здѣсь ея Творцомъ. И вотъ теперь не зная, чѣмъ бы еще заинтересоваться въ жизни, къ чему бы еще привязаться здѣсь, куда бы затратить свои силы такъ, чтобы доставить еще новое наслажденіе своему избалованному чувству, стоитъ онъ среди шумящихъ волнъ моря житейскаго совершенно одинокъ, въ тоскѣ и полнѣйшемъ равнодушіи ко всему окружающему. Въ его душу незамѣтно прокрадывается сознаніе бесплодности, ненужности своего существованія и скоро достигаетъ здѣсь такого мучительнаго напряженія, что жизнь дальнѣйшая представляется ему уже слишкомъ тяжелымъ бре-

менемъ. Тогда, заглушивъ въ себѣ послѣдній страхъ отвѣта предъ вѣчнымъ судомъ Божиимъ, такой человѣкъ дерзаетъ мнить себя полноправнымъ хозяиномъ своей жизни и... самъ прекращаетъ ее.

И такихъ людей, пресытившихся чувственными удовольствіями и разочаровавшихся въ нихъ, не мало записано въ скорбной хроникѣ.

Слѣдя далѣе, мы найдемъ здѣсь и другой видъ разочарованія—людей, *мудрствовавшихъ паче, еже подобаетъ мудрствовать* (Римл. XII, 3), искавшихъ рѣшенія всѣхъ вопросовъ въ одномъ своемъ гордомъ разумѣ и, не осиливъ ихъ, пришедшихъ къ заключенію о тщетности своего земнаго бытія. Есть здѣсь, далѣе, и имена людей, встрѣтившихъ на своемъ жизненномъ пути какое нибудь несчастье, горе и несумѣвшихъ перенести его какъ испытаніе. Попадаютъ между такими смалодушничавшіе уже послѣ перваго неудачнаго шага въ жизни и слишкомъ поспѣшно, легкомысленно записавшіе себя въ число великихъ несчастливцевъ. Не мало здѣсь и такихъ, которые дерзнули посягнуть на свою жизнь разгоряченными чѣмъ или кѣмъ либо и, въ опьяненіи страсти, ложно истолковавшіе себѣ свое положеніе, и т. д. Но довольно. Не будемъ болѣе тревожить ваше благочестивое чувство этими мрачными картинами паденія человѣка.

Итакъ, мы ясно видимъ, что шли эти несчастные путями неодинаковыми. Путей этихъ много и они различны. Но можно ли сказать поэтому, что и причины гибели этихъ людей также были различныя? Можно ли признать, что одного сгубила безразсудная жажда удовольствій, другого—неудача, третьяго—простой, повидимому, случай, увлеченіе страсть? Къ сожалѣнію, такъ обыкновенно и говорятъ, такъ и объясняютъ это великое горе нашихъ дней. Но такъ ли это на самомъ дѣлѣ? Что это не такъ, очевидно уже изъ того факта, что не всѣ же люди, попавшіе на одинъ изъ такихъ скользкихъ путей, и погибаютъ. Многие выходятъ и побѣдителями.

Не здѣсь, слѣдовательно, причина. Но мало того. Какъ ни разнообразны всѣ эти печальные „случаи“ по своей обстановкѣ, всѣ они несомнѣнно имѣютъ одинъ общій характеръ: это—какое то странное обезцѣненіе человѣкомъ собственной жизни, какое то уродливое притупленіе основнаго чувства человѣческой природы—чувства естественной любви къ самой себѣ, къ своему бытію. Но если характеръ всѣхъ видовъ явленія одинъ, то и коренная причина его одна. Гдѣ же искать ее?

Можно указывать на жизнь общественную, какъ сложилась она въ наши дни, на ея пустоту, искусственность, ложь, на всю ту крайне душную и нездоровую атмосферу, въ которую по необходимости вступаетъ каждый человѣкъ и которая сама уже, будто бы, заражаетъ и отравляетъ его. Можно говорить объ отсутствіи въ современномъ обществѣ идеаловъ, которые отрезвляли бы человѣка и поднимали взоръ его отъ этой житейской юдоли. Но значить ли это объяснять зло въ его корнѣ? Всѣ подобныя жалобы, безъ сомнѣнія, полныя жизненной правды, только лишь подтверждаютъ наличность болѣзни, говорятъ о неестественности современнаго состоянія человѣка и заставляютъ задуматься надъ нимъ.

Чтобы понять причину увяданія дерева, часто недостаточно бываетъ самаго внимательнаго изслѣдованія его ствола, вѣтвей и листьевъ. Въ такомъ случаѣ необходимо раскопать землю и посмотреть на самый корень дерева, гдѣ и скрывается червь, подтачивающій растеніе. Такъ и въ данномъ вопросѣ. Чтобы понять личность человѣка, еще недостаточно изучить ее, хотя бы и со всею тщательностью, въ томъ состояніи, въ какомъ представляется она нашему наблюденію теперь, въ своемъ уже вполне сложившемся видѣ, а необходимо обратиться къ началу ея развитія, къ самой ея колыбели. И вотъ, если мы, слѣдуя этому закону, заглянемъ въ колыбель современнаго человѣчества, присмотримся къ тѣмъ первымъ впечатлѣніямъ и урокамъ, какіе даетъ ему родная

семья, къ тѣмъ началамъ и соображеніямъ, какія заправляютъ всѣмъ дальнѣйшимъ постепеннымъ развитіемъ его, вплоть до полной зрѣлости, то легко поймемъ и причину печальныхъ явленій, такъ часто повторяющихся въ наши дни.

Не будемъ воспроизводить картину современнаго воспитанія. При всемъ разнообразіи своихъ оттѣнковъ, зависящихъ отъ различія общественнаго положенія, развитія и матеріальной обеспеченности семьи, стремленія послѣдней въ общемъ одинаковы. Ни одна семья не желаетъ зла своимъ дѣтямъ, напротивъ, всѣми силами старается принести имъ пользу, обезпечить имъ счастье. Но какимъ образомъ? Къ чему направляются, если не всѣ, то главныя желанія родителей, а потому и усилія воспитанія? Къ тому, чтобы приготовить дѣтей своихъ къ предстоящему имъ общественному служенію. Послѣднее при этомъ нерѣдко весьма рано рисуется уже въ самыхъ опредѣленныхъ чертахъ. Такимъ образомъ уже заранѣе подробно предвѣщается тотъ путь, какимъ пойдутъ питомцы семьи, достигнувъ зрѣлаго возраста и окончивъ извѣстную школу. На этомъ взоръ родителей и воспитателей—не скажемъ всѣхъ, но по крайней мѣрѣ многихъ—и останавливается. Они потратятъ всѣ средства, принесутъ много жертвъ для того, чтобы достичь этой цѣли, чтобы осуществилась эта, нерѣдко завѣтная, мечта ихъ. И что же? Цѣль ихъ часто достигается. Ихъ дѣти, уже взрослыми людьми, дѣйствительно, вступаютъ на то самое общественное служеніе, къ которому готовили ихъ. И общество охотно принимаетъ ихъ: вѣдь они имѣютъ для этого всѣ права. Но могутъ ли воспитатели быть спокойны за такихъ дѣтей своихъ? Обезпечили ли они истинное счастье ихъ? Кто поручится за то, что эти люди благополучно пройдутъ свой жизненный путь до конца, что они, подъ ударами непредвидѣнныхъ несчастій, не дойдутъ до отчаянія, избалованные постоянными удачами, не разочаруются, не увлекутся пагубною страстію, не совершатъ даже тяжкаго преступленія? Никто и ничто пусть не

ручается за такихъ людей. Получается такимъ образомъ довольно странное явленіе: зная напередъ всѣ опасности современнаго состоянія общественной жизни, горько жалуясь на ея пустоту и ложь, на нездоровыя вѣянія въ ней, родители и всѣ воспитатели вообще оказываются въ то же время такъ близоруки, что не видятъ необходимости напередъ же такъ приготовить къ этой жизни своихъ дѣтей, чтобы они послѣ нашли въ себѣ силы противъ всѣхъ заразительныхъ вліяній окружающаго ихъ зла. И выходятъ нерѣдко такъ, что еще не вполне сложившіеся люди, покидая теплый и безмятежный пріютъ своего дѣтства и юности, вступаютъ въ опасное плаваніе по бурному морю житейскому, не имѣя въ рукахъ ни компаса, ни руля, не зная даже, гдѣ искать имъ на обширномъ небосклонѣ ту звѣзду, которая служила бы вѣрнымъ указателемъ для ихъ пути. Но на комъ же, спрашивается, какъ не на семьѣ, этомъ первомъ и потому самомъ могущественномъ воспитателѣ, лежитъ, если не вся, то по крайней мѣрѣ главная отвѣтственность въ такомъ странномъ недомотрѣ?

Кому не извѣстно, съ какою силою врѣзываются въ нѣжную дѣтскую душу всѣ первыя впечатлѣнія, съ какою отзывчивостію относится дитя ко всему, окружающему первые шаги его жизни! Одинъ глубокомысленный наблюдатель дѣтской природы сказалъ объ этомъ такъ. Дѣтская душа подобна мягкому воску или совершенно чистому листу бумаги. Этотъ воскъ не имѣетъ еще никакой опредѣленной формы; на листѣ нѣтъ ни одной линіи, ни одного штриха. Но вотъ проходитъ время, и мы видимъ, что изъ безформенной массы воска уже образовалась особая цѣльная фигура; бывшій чистымъ листъ уже густо исписанъ различными знаками и письменами. Какъ вышло это? Кто виновникъ этого? Воспитатели. Это сравненіе прекрасно уясняетъ намъ особое, чрезвычайно важное свойство дѣтской души, уже отсутствующее въ душѣ человѣка взрослого, сложившагося. Это—необыкновенная

нѣжность, мягкость и чистота ея. Малѣйшее прикосновеніе, самое легкое, едва замѣтное, уже оставляетъ здѣсь свой слѣдъ. И именно чѣмъ меньше дитя, тѣмъ чувствительность эта сильнѣе; съ лѣтами же она постепенно притупляется.

Вотъ почему первые годы дѣтства являются самымъ важнымъ временемъ для воспитанія. Въ эти годы легче всего вліять на ребенка, результаты же этого вліянія, напротивъ, получаются самые прочные: что заложено въ душу дитяти, то нерѣдко остается на всю жизнь и въ душѣ взрослого человѣка. Вотъ почему, далѣе, должно считать главными виновниками такого или иного направленія въ человѣкѣ его первыхъ воспитателей, семью, окружавшую его колыбель, улыбающуюся его первому лепету, руководившую и его первую игрою, и первую молитвою, и первыми шагами его обученія. Здѣсь закладывается зерно, изъ котораго послѣ вырастаетъ дерево, дающее плоды по роду своему. Вотъ почему еще святой Іоаннъ Златоустъ говорилъ, что именно „грубой невнимательности“ родителей къ священной обязанности воспитывать чадъ своихъ „должно приписать всѣ безпорядки, отъ которыхъ стонетъ общество“... „Еслибы отцы старались дать своимъ дѣтямъ доброе воспитаніе, говоритъ онъ, то не нужны были бы ни законы, ни суды, ни судилища, ни наказанія. Палачи есть потому, что нѣтъ нравственности“ (Христ. Чт. 1838 г. IV, 243. 252). Но послушаемъ, что говоритъ самъ Господь нашъ Іисусъ Христосъ. *Аминь глаголю вамъ, аще не обратитесь, и будете яко дѣти, не внидите въ царство небесное. Иже убо смирится яко отроча сіе, той есть болій во царствіи небесныхъ... Блюдите, да не презрите единого (отъ) малыхъ сихъ: глаголю бо вамъ: яко Ангели ихъ на небесахъ выну видятъ лице Отца Моего небеснаго* (Мѡ. XVIII, 3. 4. 10). Такъ чиста и свята дѣтская природа такъ высока она въ очахъ Господнихъ. Какъ же виновны, слѣдовательно тѣ, кои не блюдутъ своихъ прямыхъ священныхъ обязанностей, не видятъ, какъ самое главное въ душѣ малыхъ

сихъ, порученныхъ имъ отъ Господа, все болѣе и болѣе уклоняется на ложную дорогу, и такимъ образомъ сами готовить имъ погибель! „О такихъ отцахъ скажу я (и никто не считай этихъ словъ порожденіемъ гнѣва),—говорить тотъ же великій святитель древней вселенской церкви,—что они хуже даже дѣтоубійцъ. Эти отдѣляютъ тѣло отъ души, а тѣ и то и другую вмѣстѣ ввергаютъ въ огонь геенскій. Той смерти подвергнуться необходимо и по остроственному порядку, а этой можно было бы и избѣжать, если бы не довела до нея безпечность отцовъ. Къ тому же, смерть тѣлесную можетъ прекратить воскресеніе тотчасъ, какъ наступитъ оно, а потери души ничто уже не вознаградить... Значить, мы не несправедливо назовемъ такихъ отцовъ худшими дѣтоубійцъ. Не такъ жестоко изострить мечъ и, взявъ его въ правую руку, погрузить въ самое сердце дитяти, какъ погубить и извратить душу, потому что у насъ нѣтъ ничего равнаго ей“ (Слова, т. III, стр. 156—157).

Итакъ, страшная вина лежитъ на тѣхъ современныхъ воспитателяхъ, которые поставляютъ въ жизнь людей безъ твердаго нравственнаго направленія, способныхъ отдаться первому дуновенію вѣтра и носиться потомъ на крыльяхъ его изъ стороны въ сторону, до перваго пагубнаго увлеченія, а тамъ и покончить съ собою. Горе тѣмъ семьямъ, которыя при этомъ еще влагаютъ въ душу своихъ питомцевъ излишнее стремленіе къ благамъ земной жизни, пробуждаютъ въ нихъ жажду чувственныхъ наслажденій! Они сами собираютъ угліе огненное на главу дѣтей своихъ, сами зажигаютъ въ ихъ сердцахъ искру опаснѣйшей изъ страстей, губящихъ современное общество.

Между тѣмъ, какъ легко было бы избѣжать зла, предотвратить угрожающую опасность! И пусть родители и воспитатели не считаютъ себя безотвѣтными, въ виду великой, будто бы, трудности воспитательнаго дѣла, въ виду своей неопытности, неумѣнія, незнанія правилъ и пріемовъ воспитанія.

Не въ этихъ тонкостяхъ воспитательнаго искусства главная сила воспитанія. Всѣмъ родителямъ и воспитателямъ необходимо твердо знать и постоянно помнить лишь одно: какой человѣкъ долженъ выйти изъ ихъ питомца, а зная это, они легко поймутъ и то, что необходимо имъ положить въ основу своего дѣла, на какихъ началахъ построить его. Но развѣ они не знаютъ этого? Неужели не вѣдомо имъ, гдѣ должны они искать истинный образецъ для своихъ дѣтей, гдѣ найдутъ они этого Человѣка, самаго совершеннаго, самаго высокаго, лучше и прекраснѣе котораго уже не можетъ и представить себѣ ни одна самая гениальная мысль?

Они, дѣйствительно, были бы безотвѣтны, если бы предоставлены были однимъ своимъ силамъ, потому-что въ такомъ случаѣ они никогда и не нашли бы истиннаго человѣка, какъ не нашелъ и не позналъ его міръ древній, не смотря на всю широту и глубину своего развитія. Но мы живемъ не въ древнемъ языческомъ мірѣ, а въ царствѣ новомъ, благодатномъ, и всѣ вопросы, недоступные никакимъ усиліямъ ума человѣческаго, здѣсь рѣшены уже и притомъ разъ навсегда. Для каждаго христіанина уже ясно, какимъ долженъ быть истинный человѣкъ, къ чему долженъ онъ стремиться въ теченіи всей своей жизни, гдѣ послѣдняя цѣль этой жизни. *Слышите, яко речено есть: возлюбии искреннюю твоею, и возненавидии врага твоего. Азъ же глаголю вамъ: любите враги ваша, благословите кленущия вы, добро творите ненавидящымъ васъ, и молитесь за творящихъ вамъ напасть и изгонящихъ вы: яко да будете сынове Отца вашего, иже есть на небесахъ... Будите убо вы совершенни, якоже Отецъ вашъ небесный совершенъ есть* (Мѳ. V, 43—45. 48). Въ этихъ словахъ Господа нашего Иисуса Христа открытъ глубочайшимъ помышленіямъ нашего разума, сокровеннѣйшимъ желаніямъ нашего сердца таковой безконечный, свѣтлый и плѣнительный путь вверхъ, къ царству истины, добра и правды, о которомъ безъ Него не могъ и мечтать слабый духъ чело-

вѣка. А чтобы путь этотъ не показался слишкомъ труднымъ, недоступнымъ никакимъ усиліямъ нашимъ, Онъ далъ намъ въ своемъ лицѣ, въ своей жизни и дѣятельности, живой образецъ того, какъ нужно идти этимъ путемъ, какъ нужно жить, что нужно дѣлать всѣмъ намъ людямъ, чтобы приближаться къ такому совершенству.

Вотъ истинный идеалъ человѣка, къ которому должны направляться всѣ желанія и усилія воспитателей. А если такъ, то что же положить они и въ основу развитія своихъ питомцевъ, кромѣ вѣры въ Господа нашего Иисуса Христа? Только здѣсь найдутъ они истинно доброе начало, которое объединить всѣ духовныя силы питомцевъ ихъ; только здѣсь врожденныя стремленія ихъ ума, чувства и воли найдутъ для себя послѣднее удовлетвореніе. Въ самомъ дѣлѣ: легко сказать, что юный умъ ихъ долженъ быть направленъ къ истинѣ. Но кто изъ людей указалъ эту истину, сказалъ, гдѣ она? Не видимъ-ли мы въ лицѣ римскаго прокуратора Понтія Пилата и въ его насмѣшливомъ восклицаніи: *что есть истина* (Іоан. XVIII, 38)! торжественнаго признанія всего до-христіанскаго человѣчества въ своемъ безсиліи отвѣтить на этотъ вопросъ? Только Господь Иисусъ Христосъ повѣдалъ міру эту послѣднюю истину и показалъ ее воочию всѣхъ: *Азъ есмь истина, путь и жизнь*. Вотъ единственный, послѣдній отвѣтъ на необходимый запросъ cadaго человѣческаго ума. Легко, далѣе, сказать, что чувство и воля человека уже въ юныя годы должны быть направлены къ добру и правдѣ. Но гдѣ истинный образецъ этого добра и этой правды? Гдѣ послѣднее основаніе для того и другой? Можетъ-ли нравственность основываться только на самой себѣ? Всегда-ли достаточны указанія одной только совѣсти человека для того, чтобы дѣятельность его была дѣйствительно доброю и справедливою? Опять только въ вѣрѣ нашей, только въ ученіи Господа нашего Иисуса Христа находить и истинный образецъ, и незыблемое основаніе для себя вся нрав-

ственность человека. Лишенная этого, освящающего ее, высшего образца, безъ этого послѣдняго основанія своего, нравственность, сама себѣ довлѣющая, неспособна удержать человека на пути добра и правды. Тому нагляднѣйшее доказательство—печальныя явленія нашего времени.

Итакъ, вотъ къ какой цѣли должны стремиться всѣ родители и воспитатели и вотъ какимъ легкимъ путемъ они достигнутъ ея. Вотъ только одно, что непремѣнно должны они знать, всегда помнить и положить во главу угла своего дѣла для того, чтобы быть спокойными за судьбу дѣтей своихъ. Поставьте предъ вашими питомцами великій и чудный образъ кроткаго, любвеобильнаго, милостиваго, спасающаго, помогающаго всѣмъ намъ Отца небеснаго, освѣтите еще слабый умъ ихъ мыслию о Немъ, согрѣйте еще юное сердце ихъ любовію къ Нему, направьте еще гибкую волю ихъ къ слѣдованію Его заповѣдямъ—и изъ вашихъ питомцевъ выйдутъ личности свѣтлыя, открытыя всему доброму и прекрасному и неспособныя ни на что постыдное. Возрастите вашихъ дѣтей въ искренней и глубокой вѣрѣ въ Бога, какъ ихъ Творца и Промыслителя, и она научитъ ихъ обходить опасныя мели и утесы, въ обиліи разбросанныя среди моря житейскаго. Зажгите въ ихъ сердцахъ горячую любовь къ Богу и постоянную надежду на Него, какъ самаго вѣрнаго руководителя всей жизни ихъ,—и онѣ проведутъ ихъ уютную житейскую ладью спасительною стезею. Укажите имъ ту яркую Звѣзду, отъ которой никогда не должны они отводить глазъ своихъ, и вы спасете ихъ отъ всѣхъ сѣтей сына погибели. Никакія прелести земныя, никакое горе, никакое сомнѣніе, разочарованіе, никакая страсть и увлеченіе не затемнятъ тогда ихъ разсудка, не заглушатъ голоса ихъ совѣсти, не увлекутъ ихъ во тьму кромѣшную. *Кто ны разлучитъ отъ любви Божіей, говоритъ апостоль: скорбь ли, или тѣснота, или юненіе, или гладъ, или нагота, или бѣда, или мечь?.. Но во всѣхъ сихъ*

препобѣждаемъ за возлюбльшаго ны. Извѣстихся бо, яко ни смерть, ни животъ, ни Ангелъ, ни начала, ниже силы, ни настоящая, ни грядущая, ни высота, ни глубина, ни иная тварь кая возможесть насъ разлучити отъ любви Божіа, яже о Христѣ Исусѣ Господѣ нашемъ (Римл. VIII, 35. 37—39). Таково благодатное настроеніе каждаго истиннаго христіанина, и здѣсь его истинное счастье. Какое утѣшеніе для человѣка знать и твердо вѣрить, что всю жизнь его, каждый шагъ въ ней, постоянно охраняетъ недремлющее око Отца небеснаго, безъ воли котораго и *власть главы нашей не поимѣнетъ* (Лук. XXI, 18)! Можетъ ли такой человѣкъ устрашиться житейскихъ неудачъ и несчастій? Онъ справедливо видитъ здѣсь лишь испытанія, посланныя ему премудрымъ его Руководителемъ, и не только покорно, но даже благодушно, радостно переноситъ ихъ, твердо уповая, что Господь *не оставитъ насъ искушиться паче, еже можемъ, но сотворитъ со искушеніемъ и избытіе* (1 Кор. X, 13), простретъ намъ и десницу милости своей.

Къ вамъ, родители и воспитатели, послѣднее слово наше. Внимайте грозному голосу печальныхъ явленій нашего времени и знайте, что въ вашихъ рукахъ вѣрное средство для борьбы съ ними. Отъ васъ ждетъ общество добрыхъ членовъ своихъ, государство—вѣрныхъ и полезныхъ слугъ своихъ. Но твердо помните одно: прежде чѣмъ помѣщать чадъ своихъ въ государствѣ, предназначать для нихъ будущее служеніе, необходимо помѣстить царство въ нихъ самихъ—царство глубокой вѣры въ Искупителя нашего Господа Исуса Христа,—потому что только въ этомъ царствѣ найдутъ питомцы ваши вѣрный путь къ истинѣ, добру и правдѣ, только съ нимъ пройдутъ они спокойно и счастливо весь трудный путь сей земной юдоли нашей, только обладая имъ, они сдѣлаются и добрыми членами общества, и вѣрными слугами своего отечества. Крѣпко держите это царство и въ собственной душѣ и, постоянно памятуя о жизни будущей, вѣчной,

объ этомъ величайшемъ благѣ, пріобрѣтенномъ для насъ цѣною крови нашего Господа, воспитывайте для нея и чадъ своихъ. Они ввѣрены вашему попеченію: отъ васъ поэтому взыщетъ Господь погибель ихъ. *Блюдайте же, да не презрите единого (отъ) малыхъ сихъ.* Аминь.

Н. Маккавейскій.

ВОСПОМИНАНІЯ О ПРЕОСВЯЩЕННОМЪ ИННОКЕНТІИ БОРИСОВЪ, какъ ректорѣ Киевской духовной Академіи.

Предисловіе.

Рукопись, содержащая въ себѣ печатаемая ниже воспоминанія о преосв. Иннокентіи Борисовѣ, архіепископѣ херсонскомъ и таврическомъ, найдена нами въ бумагахъ московскаго митрополита Макарія Булгакова, переданныхъ въ наше распоряженіе племянникомъ этого послѣдняго С. А. Булгаковымъ. Авторъ воспоминаній намъ неизвѣстенъ. Позволяемъ себѣ сдѣлать здѣсь нѣсколько болѣе или менѣе вѣроятныхъ предположеній на этотъ счетъ. Авторъ „воспоминаній“ былъ, прежде всего, питомцемъ Киевской дух. Академіи. Точнѣе онъ былъ питомцемъ VI, VII или VIII курса нашей Академіи. Утверждаемъ это съ увѣренностію на слѣдующемъ основаніи. Въ „воспоминаніяхъ“ неоднократно встрѣчается выраженіе: „въ нашу бытность“, „въ мою бытность“. Остается, поэтому, опредѣлить, къ какому времени относится выраженіе „въ мою бытность“, и тогда мы опредѣлимъ курсъ, къ какому принадлежалъ авторъ „воспоминаній“.

Къ сожалѣнію, этого нельзя сдѣлать съ полною точностію. „Въ воспоминаніяхъ“ говорится о студентѣ Аристовѣ, оскорбившемъ однажды преосв. Иннокентія; думаемъ, что въ настоящемъ случаѣ разумѣется Александръ Аристовъ—млад-

шій кандидатъ VI курса Кіевской духовной Академіи (1829—1833 г.). Затѣмъ въ „воспоминаніяхъ“ передается одинъ случай, имѣвшій мѣсто въ жизни покойнаго архіепископа херсонскаго Димитрія Муретова, который былъ первенцемъ слѣдующаго VII курса нашей Академіи (1831—1835 г.); по сохранившемуся преданію, онъ именно на публичномъ экзаменѣ хотѣлъ сказать рѣчь наизусть, но сконфузился, произнесъ начальныя слова, повторилъ ихъ и, не припомнивъ продолженія рѣчи, долженъ былъ со стыдомъ удалиться, какъ объ этомъ и разсказывается въ „воспоминаніяхъ“. Наконецъ, въ „воспоминаніяхъ“ называются фамиліи двухъ студентовъ (Архангельскаго и Печенева), которые были удалены изъ Академіи за несоблюденіе трезвости въ бытность автора „воспоминаній“; сейчасъ названные студенты, какъ видно изъ списковъ, приложенныхъ къ юбилейному сборнику 1869 г., были сокурсниками преосв. Димитрія. Итакъ, принимая во вниманіе, что авторъ могъ быть свидѣтелемъ—очевидцемъ случаевъ съ преосв. Димитріемъ и съ его товарищами—Архангельскимъ и Печеневымъ не только въ томъ случаѣ, если онъ былъ ихъ однокурсникомъ, но и тогда, если онъ былъ питомцемъ VIII курса нашей Академіи, мы и приходимъ къ тому заключенію, что авторъ „воспоминаній“ былъ питомцемъ VI, VII или VIII курса Кіевской духовной Академіи. Это заключеніе мы считаемъ не подлежащимъ никакому сомнѣнію.

Теперь, удовлетворяя естественному желанію ближе и точнѣе опредѣлить личность автора нижепечатаемыхъ „воспоминаній“, мы предлагаемъ уже только вѣроятныя, даже очень вѣроятныя догадки. Прежде всего, можно думать, что авторъ настоящихъ воспоминаній находился въ одномъ городѣ съ преосв. Макаріемъ, или, по крайней мѣрѣ, былъ близко отъ него въ то время, когда писалъ свои воспоминанія. Вѣроятность настоящаго предположенія станетъ для насъ болѣе или менѣе ясной, если мы познакоимся съ обстоятельствами про-

исхожденія „воспоминаній“. Къ сожалѣнію, и самыя эти обстоятельства въ высшей степени трудно воспроизвести съ надлежащею точностію. Причина этого заключается въ томъ, что на рукописи, содержащей въ себѣ „воспоминанія“, нѣтъ отмѣтки ни времени, когда она была написана, ни мѣста, гдѣ это происходило. Такимъ образомъ, мѣсто и время происхожденія „воспоминаній“ остались-бы для насъ совершенно темными, пожалуй, даже совсѣмъ неизвѣстными, если-бы не одно обстоятельство, именно слѣдующее. На основаніи настоящихъ „воспоминаній“ была несомнѣнно составлена преосв. Макаріемъ часть „біографической записки о преосв. Иннокентіи, архіепископѣ херсонскомъ и таврическомъ“, которая была помещена имъ въ „Ученыхъ Запискахъ“ II-го отдѣленія Императорской Академіи Наукъ¹⁾. Утверждаемъ это на томъ основаніи, что въ „біографической запискѣ“ встрѣчаются буквальные выдержки изъ настоящихъ „воспоминаній“ и, кромѣ того, весь вообще очеркъ жизни и дѣятельности преосв. Иннокентія за время его ректорства въ Киевской духовной Академіи, содержащійся въ „біографической запискѣ“, былъ несомнѣнно составленъ на основаніи „воспоминаній“, въ чемъ весьма легко убѣдиться путемъ сравненія „воспоминаній“, и „записки“. „Біографическая же записка объ архіеп. Иннокентіи“ преосв. Макарія была напечатана въ 1858 г., когда онъ былъ епископомъ тамбовскимъ и шацкимъ, но составлена она была имъ, по порученію Академіи Наукъ, еще въ 1857 году. 14 декабря этого года преосв. Макарій писалъ своему брату А. П. Булгакову: „я на этой недѣлѣ болѣлъ гриппомъ четыре дня. Эта болѣзнь и у насъ свирѣпствуетъ, какъ у Васъ въ столицѣ... Всю эту недѣлю я занимался болѣе обыкновеннаго: нужно было поспѣшать составить біографическую записку о преосв. Иннокентіи, по порученію Академіи На-

¹⁾ См. кн. V С.П.Б. 1859 г. Приложенія къ отчету за 1887 г. стр. XXXVIII—LIV.

укъ,—что я, слава Богу, успѣлъ кончить нынче утромъ и отсылаю по нынѣшней же почтѣ. Записка, несомнѣнно, будетъ напечатана, а можетъ-быть, и читана на публичномъ актѣ Академіи“¹⁾. Итакъ, 26 мая 1857 г. умеръ архіеп. Иннокентій, въ половинѣ іюня того-же года узналъ объ этомъ преосв. Макарій²⁾, а 14 декабря того-же года онъ уже окончилъ свою „біографическую записку“. Понятно теперь, что и „воспоминанія“, которыми несомнѣнно пользовался преосв. Макарій при составленіи своей „біографической записки“, были составлены въ промежутокъ времени между половиной іюня и половиной декабря 1857 года³⁾. Между тѣмъ, какъ и сами читатели скоро убѣдятся, „воспоминанія о преосв. Иннокентіи“ были составлены весьма обстоятельно, и авторъ употребилъ на это дѣло немало труда и времени. На этомъ основаніи мы и думаемъ, что авторъ „воспоминаній“ долженъ былъ находиться въ одномъ мѣстѣ съ преосв. Макаріемъ, т. е. въ Тамбовѣ. Въ противномъ случаѣ преосв. Макарій долженъ бы былъ употребить гораздо больше времени на составленіе „біографической записки“, такъ какъ потребовалось бы слишкомъ много времени на одну только переписку съ авторомъ „воспоминаній“.

¹⁾ Выдержка изъ невзданнаго письма м. Макарія, которое въ числѣ весьма многихъ другихъ передано намъ С. А. Булгаковымъ.

²⁾ 16 іюня 1857 г. Преосв. Макарій писалъ своему брату А. П. Булгакову: „да, великую потерю понесла Русская церковь! Я доселѣ не могу привыкнуть къ мысли, что Иннокентія не стало, не могу утишить своей скорби о потерѣ гениальнаго человека“.

³⁾ Вѣроятно, кромѣ того, еще и такое предположеніе. Преосв. Макарій, какъ и самъ онъ говоритъ, составлялъ „біографическую записку“ не по собственному побужденію, а по нарочитому порученію Академіи Наукъ. Порученіе это могло послѣдовать и позже половины іюня 1857 г. Это тѣмъ болѣе вѣроятно, что самъ же преосв. Макарій говоритъ о успѣшномъ составленіи „біографической записки“ Въ такомъ случаѣ на составленіе „воспоминаній“ у автора ихъ было еще меньше времени. А это, въ свою очередь, еще болѣе подтверждаетъ наше мнѣніе о томъ, что авторъ „воспоминаній“ жилъ вмѣстѣ съ преосв. Макаріемъ въ Тамбовѣ.

Итакъ, вотъ два наши опредѣленія личности автора печатаемыхъ ниже „воспоминаній“: во 1-хъ) онъ былъ питомецъ VI, VII или VIII курса Киевской духовной Академіи, и во 2-хъ) въ промежутокъ времени между половиною іюня и половиною декабря 1857 года онъ находился въ Тамбовѣ. Теперь остается только узнать, кто именно изъ питомцевъ VI, VII или VIII курса нашей Академіи находился въ Тамбовѣ въ данное время. Оказывается, что ректоромъ тамбовской духовной Семинаріи въ 1857 году былъ архимандритъ Теофилактъ Праведниковъ изъ младшихъ кандидатовъ VIII курса Киевской духовной Академіи ¹⁾. Думаемъ, хотя и не утверждаемъ, что онъ именно и былъ авторомъ предлагаемыхъ вниманію читателей „воспоминаній о преосв. Иннокентіи“. Рѣшаемся высказать это предположеніе тѣмъ съ большею увѣренностію, что имѣемъ свѣдѣнія о близкихъ и совершенно искреннихъ отношеніяхъ между преосв. Макаріемъ и архим. Теофилактомъ. Этому не мало содѣйствовало, между прочимъ, и то, что оба они были уроженцы одной епархіи и воспитанники одной семинаріи и Академіи. Преосв. Елпидифоръ, бывшій ректоръ преосв. Макарія и архим. Теофилакта по курской духовной семинаріи, 5 іюля 1857 года писалъ, между прочимъ, преосв. Макарію: „въ семинаріи тамбовской нашли вы землячка своего о. Теофилакта: какъ-то онъ подвизается на своемъ поприщѣ“? ²⁾

Обращаемъ вниманіе еще на слѣдующее обстоятельство, которое, по нашему мнѣнію, говоритъ въ пользу того, что авторомъ „воспоминаній“ былъ именно архим. Теофилактъ. Авторъ „воспоминаній“ въ особенную заслугу преосв. Иннокентію вмѣняетъ образованіе многихъ отличныхъ дѣятелей-настав-

¹⁾ Впослѣдствіи Теофилактъ былъ ректоромъ херсонской духовной семинаріи (1868—1869 г.) и помогъ епископомъ новгородъ-сѣверскимъ, викаріемъ черниговской епархіи (1868—1869 г.), въ каковомъ санѣ и скончался 12 января 1869 года.

²⁾ См. Прав. Обсѣр. 1888 г. т. I, стр. 129.

никовъ Академіи, которыхъ и перечисляетъ въ такомъ порядкѣ: „о. Димитрій, о. Лавренцій, г. Новицкій, г. Михневичъ“. Преосв. Макарій къ этимъ выдающимся воспитанникамъ преосв. Иннокентія прибавилъ еще Гогоцкаго, что и отмѣтилъ собственноручно на рукописи, содержащей въ себѣ „воспоминанія“; а въ „біографической запискѣ“ преосв. Макарія замѣчательные питомцы Иннокентія перечисляются уже въ слѣдующемъ порядкѣ: „о. Димитрій, О. М. Новицкій, І. Г. Михневичъ и С. С. Гогоцкій“, т. е. здѣсь пропускается о. Лавренцій (Макаровъ), который, дѣйствительно, судя по отзыву В. И. Аскоченскаго о немъ¹⁾, былъ совсѣмъ невывающійся наставникъ, и присоединяется С. С. Гогоцкій. И исполнѣ понятно, что архим. Теофилактъ, какъ товарищъ С. С. Гогоцкаго, не могъ знать его, какъ наставника Академіи и, слѣд., не могъ причислять его къ замѣчательнымъ питомцамъ преосв. Иннокентія, между тѣмъ какъ самъ преосв. Макарій былъ ученикомъ С. С. Гогоцкаго и потому могъ знать его уже, какъ выдающагося наставника-питомца преосв. Иннокентія.

На основаніи всего, сказаннаго нами доселѣ, мы считаемъ себя вправѣ сдѣлать слѣдующее заключеніе объ авторѣ и обстоятельствахъ происхожденія издаваемыхъ нами „воспоминаній о преосв. Иннокентіи“. Преосв. Макарій, получивъ отъ Академіи Наукъ порученіе почтить память скончавшагося 26 мая 1857 года ординарнаго Академика преосв. Иннокентія, обратился, вѣроятно, съ предложеніемъ къ ректору тамбовской семинаріи, архим. Теофилакту, написать воспоминанія о преосв. Иннокентіи за время его ректорства въ Кіевской духовной Академіи. Такое предложеніе, должно замѣтить, было вообще въ характерѣ преосв. Макарія. Этотъ послѣдній и въ другихъ случаяхъ имѣлъ обыкновеніе поступать такимъ же образомъ, т. е. обращаться къ другимъ близкимъ людямъ за содѣйствіемъ въ его трудахъ. Такъ, напр.,

¹⁾ См. Истор. Вѣстн. т. VII (1882 г.) стр. 337.

онъ поступалъ, когда былъ инспекторомъ С.-Петербургской духовной Академіи. Въ настоящемъ случаѣ обратиться за содѣйствіемъ къ архим. Теофилактѣ въ составленіи біографической записки объ архіеп. Иннокентіи преосв. Макаріа должно было побуждать еще и то обстоятельство, что самъ онъ имѣлъ возможность наблюдать ректорскую и профессорскую дѣятельность преосв. Иннокентія въ Киевской духовной Академіи только въ теченіи сравнительно короткаго времени (1837—1839 г.), а какъ профессоръ, преосв. Иннокентій и совсѣмъ былъ неизвѣстенъ преосв. Макарію по непосредственнымъ наблюденіямъ. Между тѣмъ архим. Теофилактъ прошелъ академическій курсъ (1833—1837 г.) въ пору, можно сказать, самаго апогея славной дѣятельности преосв. Иннокентія въ нашей Академіи. Понятно, что архим. Теофилактъ долженъ былъ весьма сочувственно отнестись къ предложенію преосв. Макаріа — написать воспоминанія о преосв. Иннокентіи. Помимо всякихъ другихъ соображеній, въ этомъ дѣлѣ должна была играть важнѣйшую роль та глубокая любовь и то глубокое уваженіе къ преосв. Иннокентію, какія хранили до самаго гроба его ученики. Движимый такими же чувствами, архим. Теофилактъ составилъ обстоятельныя воспоминанія о преосв. Иннокентіи, которыя и представилъ преосв. Макарію въ видѣ докладной записки. На это указываетъ, между прочимъ, и слѣдующее выраженіе автора воспоминаній: „о лекціяхъ по предмету нравственнаго и догматическаго богословія не упоминаю; онѣ болѣе или менѣе извѣстны Вашему Преосвященству“.

Въ пользу достовѣрности всего того, что говорится о преосв. Иннокентіи въ воспоминаніяхъ, лучшимъ свидѣтельствомъ можетъ служить то обстоятельство, что воспоминанія легли въ основу той части „біографической записки“ преосв. Макаріа, гдѣ онъ изображаетъ дѣятельность преосв. Иннокентія, какъ ректора и профессора Академіи.

О томъ интересѣ, какой могутъ представлять печатае-

мыя нынѣ „воспоминанія о преосв. Иннокентіи“, намъ нѣтъ нужды подробно говорить. Это лучше всего покажутъ самыя „воспоминанія“. Съ своей стороны, считаемъ необходимымъ замѣтить только слѣдующее. „Воспоминанія“ представляютъ глубокий интересъ главнымъ образомъ въ двухъ отношеніяхъ. Съ одной стороны, они могутъ служить самымъ лучшимъ матеріаломъ для біографіи преосв. Иннокентія, дѣятельность котораго въ качествѣ ректора и профессора Кіевской духовной Академіи, духовнаго писателя и витія изображается здѣсь подробно и всесторонне. Здѣсь есть такія свѣдѣнія, какихъ нѣтъ ни въ біографическомъ очеркѣ о. Буткевича, ни въ „біографической запискѣ“ преосв. Макарія. Съ другой стороны, „воспоминанія“ имѣютъ интересъ и для исторіи нашей Академіи, живо и мастерски изображая одну изъ самыхъ свѣтлыхъ эпохъ ея исторіи—иннокентіевскую.

Это, можно сказать, общій интересъ „воспоминаній“. Но „воспоминанія“ имѣютъ и нѣкоторый частный, специальный интересъ. Прежде всего, въ сопоставленіи съ „біографической запиской“ преосв. Макарія, они весьма важны для характеристики литературной дѣятельности этого послѣдняго. „Воспоминанія“, очевидно, были предоставлены въ полное распоряженіе преосв. Макарію. Поэтому, онъ могъ полностью ввести ихъ въ свою „біографическую записку“, тѣмъ болѣе, что они были составлены тщательно и написаны хорошо. Однакоже преосв. Макарій не сдѣлалъ этого. Онъ безспорно пользовался „воспоминаніями“ при составленіи своей „біографической записки“, но при этомъ переработалъ ихъ предварительно, претворивъ содержаніе ихъ въ собственную мысль и собственное слово. Отсюда сравненіе „воспоминаній“ съ „біографической запиской“ получаетъ особенный глубокий интересъ для характеристики авторской самодѣятельности преосв. Макарія, для показанія именно того, какъ онъ пользовался въ своихъ учено-литературныхъ произведеніяхъ трудами другихъ авторовъ. Не меньшій интересъ представляютъ издавае-

мая воспоминанія и вотъ въ какомъ отношеніи. Архим. Теофилактъ, если только онъ былъ авторомъ этихъ воспоминаній, былъ однимъ изъ самыхъ первыхъ свидѣтелей—очевидцевъ наставнической дѣятельности преосв. Димитрія Муретова. Послѣдній читалъ свои первыя лекціи по основному и догматическому богословію VIII курсу студентовъ нашей Академіи, среди которыхъ былъ и архим. Теофилактъ. Понятно теперь, что всякое свидѣтельство архим. Теофилакта о преосв. Димитріи должно быть для насъ особенно интересно и дорого, какъ свидѣтельство именно очевидца первыхъ шаговъ преподавательской дѣятельности нашего знаменитаго богослова. Читатели скоро сами услышатъ, что авторъ воспоминаній зналъ о. Димитрія только, какъ послушнаго послѣдователя и подражателя своего знаменитаго предшественника и учителя—преосв. Иннокентія, дѣйствовавшаго, „по мысли и плану“ этого послѣдняго.

Воспоминанія издаются нами съ удержаніемъ всѣхъ особенностей подлинника. Только въ двухъ—трехъ случаяхъ мы позволили себѣ сдѣлать новыя красныя строки, что, конечно, особеннаго значенія не имѣетъ.

Θ. Титовъ.

ВОСПОМИНАНІЯ О ПРЕОСВЯЩЕННОМЪ ИННОКЕНТІИ.

Преосвященный Иннокентій обладалъ возвышеннымъ, свѣтлымъ и проникательнымъ умомъ; одаренъ былъ живымъ воображеніемъ и творческою фантазією: отъ того проповѣди его изобилуютъ не только глубокими и возвышенными мыслями, но и обстановку имѣютъ прекрасную, заключаютъ въ себѣ много привлекательныхъ и изящныхъ картинъ. Онъ обладалъ рѣдкою способностію уяснять философскія проблемы и передавать ихъ воспитанникамъ съ такою очевидностію, что бывало дивились, отъ чего сами прежде такъ ясно не понимали ихъ; а это бывало стоило ему одного взгляда на дѣло при посѣщеніи воспитанниковъ въ классахъ. Положенія философвъ, при чтеніи системъ философскихъ, не только понималъ въ связи одни съ другими, но и безъ труда выводилъ ихъ изъ одного главнаго начала; отъ того, не смотря на краткость объясненія, извѣстная система становилась понятнѣе, нежели какъ можно было понять изъ пространныхъ лекцій г.г. бакалавровъ. Въ рѣшеніи возраженій никто бывало съ нимъ спорить не могъ, одинъ Иванъ Михайловичъ Скворцовъ, хотя не безъ труда, понималъ и удачно рѣшалъ богословскіе вопросы его; отъ того, что хорошо зналъ древніе языки и разумѣлъ филологію. Случалось, хотъ и рѣдко, что онъ представлялъ цѣлый рядъ возраженій въ непрерывной связи и доводилъ до невозможности отвѣчать что-либо положительное на послѣдній вопросъ. Такъ однажды было на экзаменѣ Г-на Амфитеатрова.

Какъ первый двигатель науки, онъ противъ прежняго раздвинулъ широко предѣлы ея, а въ нѣкоторыхъ отрасляхъ

значительно измѣнилъ самое направленіе науки. До Г-на Амфітеатрова церковной гомилетики почти не было, а онъ, безъ преувеличенія говоря, создалъ и обработалъ свою науку по мысли и побужденію преосвященнаго Иннокентія. Poleмическое Богословіе въ Академіи и семинаріяхъ исключительно обязано ему своимъ бытіемъ въ настоящемъ видѣ, разность въ томъ, что г.г. преподаватели измѣнили его объемъ примѣнительно къ своему взгляду на дѣло и потребностямъ мѣстнымъ. Очень жаль, что эта система его въ первоначальномъ видѣ не отпечатана. Екклесіастики до о. Мелитона почти не было. О. Мелитонъ первый началъ составлять Екклесіастикку; а о. Димитрій преобразовалъ и усовершеншилъ эту науку, опять, безъ преувеличенія говоря, по мысли и плану преосвященнаго Иннокентія. Онъ уже начерталъ было планъ Церковной Библейской Исторіи по внутреннему ходу вѣры и, кажется, хотѣлъ писать по этому плану Исторію. Копія съ этого плана была и у меня, но затеряна. Онъ чувствовалъ недостатки Герминеvтики и хотѣлъ помочь этому дѣлу; съ этою цѣлію, кажется онъ заставилъ перевести съ латинскаго на русскій языкъ правила Августиновой Герминеvтики, которая, помнится, и отпечатана по частямъ въ Воскресномъ Чтеніи. Преосвященный Иннокентій первый открылъ каеэдру по предмету Церковнаго Правовѣдѣнія и поручилъ эту важную науку профессору Ивану Михайловичу Скворцову. Въ нашу бытность прочтено было менѣе, чѣмъ на половину науки. По плану чтенія Св. Писанія сдѣлано было очень не много: довольствовались изъясненіемъ нѣкоторыхъ псалмовъ Преосвященнаго Филарета, записками преосвященнаго Моисея на книгу Екклесіаста, но преосвященный Иннокентій не доволенъ былъ натянутымъ изъясненіемъ этихъ толкователей. При изъясненіи Св. Писанія самъ руководился болѣе историческимъ методомъ и придерживался буквального смысла. О. Димитрій оказалъ важную услугу тѣмъ, что издалъ обзоръ многихъ книгъ Ветхаго Завѣта въ запискахъ. Самъ же прео-

священный Иннокентій взялся было толковать евангеліе отъ Іоанна, но, помнится, довелъ только до второй главы и прекратилъ чтеніе лекцій, а почему неизвѣстно. О лекціяхъ по предмету нравственнаго и догматическаго богословія не упоминаю: онѣ болѣе или менѣе извѣстны Вашему Преосвященству. Онѣ чувствовалъ нужду въ Патрологіи и заботился объ изданіи св. Отцовъ въ переводѣ, съ этою цѣлью былъ составленъ и Комитетъ, но способныхъ дѣятелей, видно, не было и переводъ Св. Златоуста не удался. Чтобы яснѣе видѣть, какъ онѣ понималъ требованія системы богословской, какія видѣлъ недостатки въ ней и что считалъ нужнымъ сдѣлать для ея усовершенствованія, стоитъ только прочитатъ обзорнѣе системы Богословія въ его запискахъ. У меня есть и Екклесіастика на латинскомъ языкѣ, которая, по отзыву покойнаго профессора Руднева, якобы принадлежитъ Иннокентію, тамъ можно видѣть полный курсъ наукъ Богословскихъ, а издана была эта наука въ листахъ еще въ С.-Петербургской Академіи. Метафизика оставалась въ прежнихъ предѣлахъ. Больше была развита исторія системъ философскихъ. Иванъ Михайловичъ Скворцовъ читалъ и выдавалъ въ листахъ критику чистаго разума Канта; г. Карпову поручено было составленіе опытной психологіи. Записки того и другого профессоровъ имѣютъ важный интересъ. Г. Скворцовъ выдавалъ листы на русскомъ языкѣ, а Карповъ на латинскомъ. Профессоръ Новицкій сначала читалъ исторію философіи Спинозы, Декарта, а потомъ Логику. Г. Михневичъ читалъ исторію арабской философіи; болѣе всѣхъ сдѣлалъ услуги наукъ философской своимъ регулярнымъ чтеніемъ и своими записками Иванъ Михайловичъ Скворцовъ. Г-ня Крышинскій довольствовался чтеніемъ эстетики по прежнимъ листикамъ; преосвященный Иннокентій хотѣлъ, чтобы онъ знакомилъ насъ съ лучшими произведеніями литературы, но эта попытка не имѣла успѣха, кажется, за болѣзнію г. профессора. По исторіи онъ хотѣлъ, чтобы чтеніе ея было въ связи съ геогра-

фією, для чего и выданы были атласы, но и эта попытка осталась безъ успѣха. Преосвященный Иннокентій хотѣлъ, чтобы воспитанники не довольствовались кругомъ наукъ, преподаваемыхъ въ Академіи, но, по возможности, занимались чтеніемъ естественной исторіи, астрономіи и другихъ наукъ. Главная услуга наукъ, сдѣланная преосвященнымъ Иннокентіемъ, въ томъ состояла, что онъ образовалъ многихъ отличныхъ дѣятелей, отъ чего нѣкоторые заслужили извѣстность въ литературѣ. Таковы: о. Димитрій, о. Лаврентій, г. Новицкій, г. Михневичъ. Другимъ, прежде его получившимъ образованіе, оказывалъ дѣятельное пособіе въ ихъ трудахъ и побуждалъ ихъ къ изданію сочиненій. Таковы: г. Амфитеатровъ, о. Теофанъ, г-нъ Карповъ. О. Теофанъ (въ мірскомъ быту Петръ Семеновичъ Авсенева) еще въ бытность нашу составлялъ уже записки по нравственной философіи и выдавалъ ихъ студентамъ низшаго отдѣленія, которыя отличались полнотою и ясностію, а г. Амфитеатровъ готовилъ уже къ изданію свою гомилетику.

Важѣйшую эпоху въ исторіи Киевской Академіи при преосвященномъ Иннокентіи безспорно составляетъ изданіе журнала „Воскресное Чтеніе“; а главнымъ дѣятелемъ и редакторомъ въ изданіи онаго былъ самъ преосвященный Иннокентій. Очень жаль, что форматъ журнала, первоначально предположенный, далеко не соотвѣтствовалъ обширности программы; отъ того нѣкоторыя интереснѣйшія статьи изъ программы были исключены. Наилучшія статьи, въ особенности проповѣди, помѣщенные въ этомъ журналѣ, принадлежатъ Иннокентію.

Какъ церковный витія, преосвященный Иннокентій занимаетъ если не первое, то одно изъ первыхъ мѣстъ въ ряду лучшихъ русскихъ проповѣдниковъ. Его стекались охотно слушать не только русскіе православные, но и поляки, жившіе въ Кіевѣ; а онъ въ церквахъ братскихъ проповѣдывалъ весьма часто и богослуженіе любилъ совершать съ особенною

торжественностію. Онъ обладалъ рѣдкимъ даромъ слова и съ особенною легкостію, ясностію и правильностію изъяснялся въ лекціяхъ предъ студентами въ классѣ, а въ проповѣдяхъ по ясности, плавности, чистотѣ, обилію и изяществу рѣчи онъ походилъ на Златоуста. Онъ отличался особенною находчивостію въ изобрѣтеніи предложеній на разные случаи, а въ изложеніи ихъ богатствомъ великолѣпныхъ картинъ. На церковной каедрѣ онъ являлся не только, какъ глубокій философъ и богословъ, но и какъ геніальный художникъ слова. Къ тому же онъ имѣлъ чистый и сильный голосъ и умѣлъ произносить проповѣди съ особеннымъ искусствомъ и деликатностію въ приѣмахъ и движеніяхъ; сладкая благозвучная рѣчь его далеко разносилась по храму, такъ что и вдали стоящіе также ясно понимали его, какъ и вблизи стоящіе. Иногда онъ какъ-бы запинаясь и прерывалъ рѣчь, но только для того, чтобы слушателямъ дать собраться съ мыслями: потому что вслѣдъ затѣмъ какбы неожиданно высказывалъ свѣтлыя и блестящія мысли въ выраженіяхъ сильныхъ и краснорѣчивыхъ; не рѣдко въ проповѣдяхъ для эффекта онъ прибѣгалъ и къ драматикѣ, какъ это можно замѣтить изъ нѣкоторыхъ проповѣдей, сказанныхъ предъ плащаницею, и тѣмъ производилъ довольно сильное впечатлѣніе не только на умы, но и на чувства слушателей. Проповѣди обыкновенно говорилъ онъ наизусть, не смотря на то, что нѣкоторыя проповѣди очень обширны. Иныя заключаютъ въ себѣ болѣе 20 печатныхъ страницъ, напр., проповѣдь на сошествіе Св. Духа. Впрочемъ въ проповѣдяхъ не всегда былъ самъ себѣ ровень, какъ это можно видѣть при поверхностномъ взглядѣ на объемъ и изложеніе проповѣди его. Въ бытность свою въ С.-Петербургѣ онъ писалъ вообще проповѣди обширныя на манеръ французскихъ проповѣдниковъ,—которыя отличались ученостію и витіеватостію, но походили больше на прекрасныя разсужденія, чѣмъ на проповѣди. Съ нѣкоторыми новѣйшими французскими проповѣд-

никами, какъ-то: Булонемъ, Миккарти, онъ старался познакомить и студентовъ, и знатокамъ французскаго языка давалъ переводить книги ихъ, рекомендовалъ также и Сореня. Такъ и великій ораторъ сначала не свободенъ былъ отъ подражанія, но болѣе или менѣе подчинялся требованіямъ и вкусу своего времени. Но въ бытность въ Кіевѣ, потому-ли, что составленіе проповѣдей, какъ бы на заказъ писанныхъ, находилъ для себя затруднительнымъ, или находилъ ихъ не совмѣстными съ требованіями слушателей, онъ сталъ писать короче проповѣди и въ изложеніи болѣе позволялъ себѣ свободы, чѣмъ прежде; а въ послѣдствіи времени слѣдовалъ исключительно требованіямъ своего генія и вкуса. Съ перемѣною въ направленіи проповѣдей измѣнялся постепенно и въ изложеніи ихъ, или обработкѣ. Въ проповѣдяхъ на страстную седмицу онъ принялъ было пастырскій—учительный тонъ, но отъ того-ли, что эти проповѣди, по его наблюденію, не производили желаемаго эффекта, или же онъ увлекался своимъ воображеніемъ и склонностію къ остроумію, онъ въ проповѣдяхъ своихъ, въ особенности на Великій Четвертокъ и Пяттокъ, началъ помѣщать много остроумныхъ фразъ, или выраженій, и дѣйствительно ими производилъ не мало эффекта, но съ тѣмъ вмѣстѣ въ проповѣдяхъ онъ становился теменъ и неровенъ; въ послѣдствіи времени, онъ проповѣди свои на страстную седмицу значительно измѣнилъ и усовершилъ. Въ 1-мъ изданіи несравненно меньше было проповѣдей на страстную седмицу, чѣмъ въ послѣднемъ; впрочемъ, и первое изданіе проповѣдей имѣло величайшій ходъ. Страстная седмица скоро сдѣлалась любимымъ чтеніемъ кіевлянъ и нашла много страстныхъ читателей въ кругу дамъ, которыя бывало нарочито обращались за этимъ въ Академію. За страстную седмицею слѣдовало изданіе свѣтлой. Здѣсь ораторъ является обильнѣй, ровнѣй и оригинальнѣй, чѣмъ въ страстной. Тутъ ужъ онъ менѣе разсыпалъ остроумныхъ фразъ и отъ того онъ яснѣй, а это безъ сомнѣнія зависѣло отъ того, что онъ

принялъ на себя роль не столько оратора, сколько толкователя. Такого же достоинства бесѣды его на Рождество Христово, исключая одной, или двухъ, помѣщенныхъ въ началѣ. Въ собраніи проповѣдей на разные дни въ году онъ не всегда равенъ себѣ, отъ того вѣроятно, что проповѣди эти были писаны въ разныя времена, а предъ изданіемъ были передѣланы и измѣнены. Въ проповѣдяхъ на первую седмицу великаго поста онъ вовсе уже пересталъ прибѣгать къ изысканнымъ украшеніямъ и началъ изъясняться просто, ясно, позволяя себѣ только такія украшенія по временамъ, которыя сами собою выливались изъ-подъ пера его. Подобное должно замѣтить о проповѣдяхъ къ вологодской паствѣ и харьковской. Проповѣди о грѣхѣ не отличаются витіеватостію, какъ прочія сочиненія; впрочемъ, имѣютъ важный интересъ: въ нихъ читатель найдетъ подробное и оригинальное развитіе богословскаго ученія о поврежденіи природы человѣческой. Въ бесѣдахъ на молитву Сирина, на паденіе Адамова онъ явилъ въ себѣ совершеннѣйшій образецъ витійства. Тутъ не знаешь, чему больше удивляться: богатству ли оригинальныхъ мыслей, свободѣ изложенія, ясности, легкости, и пріятности изразенія, изяществу картинъ и глубинѣ чувства. Ихъ, по справедливости, можно назвать живымъ, художественнымъ выраженіемъ свѣтлаго ума, изящнаго вкуса и добраго сердца витіи. Въ проповѣдяхъ къ одесской паствѣ, сказанныхъ въ послѣднее время и отпечатанныхъ въ Москвитянинѣ, ораторъ является воодушевленнымъ патріотомъ и рѣчь, его становится живою, сильною и какъ-бы вдохновенною. Этому, конечно, способствовали и обстоятельства, въ которыхъ онъ поставленъ былъ Провидѣніемъ,—находясь близъ театра военныхъ дѣйствій. О прочихъ сочиненіяхъ не упоминаю.

Вообще литературная дѣятельность преосв. Иннокентія была необыкновенная: за это ручаются и множество сочиненій его и собственныя слова, имъ переданныя. „Я удивляюсь“, однажды сказалъ онъ студентамъ, „какъ вы не доро-

жите временемъ и мало дѣлаете, въ прошедшую сырную седмицу и 1-ю недѣлю великаго поста я нависалъ около 80 листовъ“.

Достойно примѣчанія, что преосвященный Иннокентій образовалъ себя не столько чрезъ лекціи наставниковъ, сколько чрезъ чтеніе книгъ, размышленіе и упражненіе въ сочиненіяхъ. Читая книги, обыкновенно дѣлалъ экстрактъ всего читаннаго, который нерѣдко въ краткихъ чертахъ отмѣчалъ въ концѣ книги. Одну изъ книгъ съ такою замѣткою по миѳологіи греко-римской я видѣлъ самъ въ Академіи. Сочиненія не стоили ему большого труда и легко выливались изъ—подъ пера его, отъ того, безъ сомнѣнія, что не только мысли, но и самыя слова, или выраженія были напередъ подготовлены и прибраны. Обыкновенно онъ писалъ сочиненія прямо на бѣло, чрезъ нѣсколько дней снова прочитывалъ сочиненіе и, какъ скоро находилъ его не совсѣмъ соотвѣствующимъ своей цѣли, писалъ на бѣло другое, а иногда и третье. И такъ одно и тоже сочиненіе не рѣдко являлось въ двухъ, трехъ экземплярахъ, изъ коихъ каждый бы сдѣлалъ честь любому студенту. Работая въ кабинетѣ для себя, Иннокентій не забывалъ классическихъ предметовъ. Предъ наступленіемъ экзаменовъ прочитывалъ все пройденное и такъ твердо удерживалъ все въ памяти, что рѣдкій студентъ могъ отвѣчать такъ, какъ онъ отвѣчалъ, иногда случалось (если вѣрить словамъ товарища Иннокентіева г. Θεодорова), что Иннокентій избранному кругу товарищей своихъ, по ихъ просьбѣ, начиналъ объяснять систему какого либо философа и главныя положенія оной развивалъ съ такою легкостію, ясностію и простотою, какъ будто въ подлинникѣ читалъ всю систему и комментарии на оную. Даровитѣйшіе изъ товарищей Иннокентія, оставая въ сторонѣ расчетъ мелочнаго самолюбія, охотно отдавали ему преимущества и въ дарованіяхъ и въ познаніяхъ. Платонъ Ставровъ, воспитанникъ знаменитаго Зацѣпина и первоначально занимавшій первое мѣсто въ ряду товарищей,

якобы говорилъ, что прежде надобно написать Борисова, а потомъ спустя человѣкъ на 7: Платонъ Ставровъ.

Какъ администраторъ, онъ далеко подвинулъ Академію по внутреннему и внѣшнему устройству. Новый академическій корпусъ строго приказывалъ держать всегда въ чистотѣ и опрятности, туда обыкновенно водилъ всѣхъ важныхъ посѣтителей Академіи. Послѣ значительно усовершилъ и старый академическій корпусъ: въ богословскомъ классѣ, въ конгрегаціонной залѣ, въ галлереяхъ верхней и нижней и въ нѣкоторыхъ комнатахъ нижняго этажа частію новые построилъ полы, частію передѣлалъ; окрасилъ изнутри и обѣлилъ извнѣ корпусъ; капители колоннъ сдѣлалъ агатоваго цвѣта, устроилъ новую лѣстницу, ведущую въ верхній этажъ, а залу конгрегаціонную украсилъ многими портретами ученѣйшихъ пастырей въ золотыхъ рамахъ, какъ то: Петра Могилы, Дмитрія Ростовскаго, Теофана Прокоповича, Леванды. Какія подѣлки были въ новомъ корпусѣ, за давностію времени, не могу припомнить, но рѣдкій годъ проходилъ, чтобы онъ не приказывалъ красить его; перестроилъ и распространилъ баню въ академическомъ саду и какъ въ баню, такъ и въ кухню провелъ водопроводы. Для предохраненія здоровья студентовъ отъ разстройства, онъ перенесъ колодезь отъ стараго академическаго корпуса на площадь предъ своимъ домомъ. „Сердце мое обливается кровію“, говорилъ онъ, „какъ посмотрю, что студенты, распотѣвши послѣ сна, начинаютъ пить воду прямо изъ колодезя“. Онъ приказалъ возвысить и крѣпко набить щепнемъ и пескомъ тротуары, соединяющіе новый академическій корпусъ съ старымъ, обсадивъ по сторонамъ, гдѣ нужно, деревьями; отъ чего студенты, жившіе въ новомъ академическомъ корпусѣ, могли проходить въ столовую и въ дождливую погоду, какъ по суху. Въ больницѣ устроилъ прекрасные постельные приборы и приказывалъ содержать комнаты въ отличной чистотѣ; одного не доставало—немного тѣсна была больница; самъ часто посѣщалъ больницу и входилъ въ

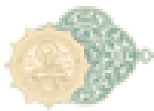
нужды больныхъ. Библіотеку обогатилъ многими важными книгами новѣйшихъ писателей не только отечественныхъ, но и иностранныхъ, а кабинетъ разными математическими инструментами. Не худо было бы сдѣлать реестръ всѣхъ приобрѣтенныхъ Иннокентіемъ книгъ и инструментовъ. Иннокентій былъ въ сношеніяхъ со многими учеными мужами въ С.-Петербургѣ, Варшавѣ и Дерптѣ. Г. Павскій, бывшій законоучитель Государя-Наслѣдника, первую лекцію, сказанную ему, не замедлилъ прислать Иннокентію, а онъ передалъ ее студентамъ. Рѣчь, сказанная покойнымъ Императоромъ въ Варшавѣ польскому дворянству, немедленно прислана была оттуда Иннокентію на французскомъ языкѣ и, по переводѣ уже на русскій, читалась уже студентами. Критика на сочиненіе митрополита Филарета подъ заглавіемъ: „Разговоръ между испытующимъ и увѣреннымъ христіаниномъ“ получена была также изъ Варшавы. Въ Академіи книга эта переведена съ польскаго на русскій, по порученію Иннокентія, студентами и приготовлена къ отсылкѣ въ Синодъ. Новѣйшія иностранныя сочиненія, только что полученные, давалъ для чтенія студентамъ не иначе, какъ съ строгимъ разборомъ. Заботясь объ успѣхахъ просвѣщенія въ Академіи, онъ любилъ поощрять дѣятелей онаго разными наградами: такъ, при первомъ вступленіи въ управленіе Киевской епархіею, впредь до назначенія митрополита, на первомъ же служеніи произвелъ въ протоиереи двухъ профессоровъ Академіи: Пушнова и Орлова. Другимъ бакалаврамъ, какъ-то Новицкому, Авсенеvu, и другимъ открылъ путь въ Университетъ. О другихъ наградахъ, полученныхъ въ разное время г.г. профессорами, не упоминаю. Когда, по требованію обстоятельствъ, нужно было нѣкоторыхъ дѣятелей удалить изъ Академіи и замѣнить новыми, Преосвященный старался, по возможности, сдѣлать это безъ огласки, такъ чтобы это не замѣтно было для подчиненныхъ. Преосвященный отличался рѣдкою проницательностію въ познаніи даровитыхъ студентовъ и слабыхъ: „этотъ студентъ“, иногда говорилъ онъ, „общаетъ много,

онъ не уронить себя на службѣ“, и слова его дѣйствительно сбывались. Въ обращеніи съ студентами былъ вообще ласковъ, вѣжливъ и благороденъ, а къ недостаткамъ ихъ снисходителенъ, въ особенности, когда эти недостатки происходили не отъ злоупотребленія свободы, а отъ неосторожности и другихъ непредвидѣнныхъ обстоятельствъ. Одинъ отличѣйшій студентъ, кончившій курсъ во главѣ студентовъ (нынѣ архіерей), имѣлъ порученіе, по окончаніи публичнаго испытанія, сказать благодарственную рѣчь посѣтителямъ, но, по самонадѣянности своей, не запасаъ тетрадкой, обратившись къ посѣтителямъ, сказалъ нѣсколько словъ, замаяся, снова повторилъ тѣ же слова, но рѣчи своей припомнить не могъ и долженъ былъ сойти со сцены. Какой стыдъ, позоръ долженъ былъ вынести студентъ Академіи! Онъ много плакалъ и ожидалъ строгаго наказанія, или, по крайней мѣрѣ, выговора, но каково было удивленіе его, когда начальникъ Академіи, призвавъ его, сталъ всѣми мѣрами утѣшать его и ободрять. „Вы просто сдѣлались ребенкомъ“, сказалъ онъ „перестаньте скорбѣть, подобный конфузъ бываетъ и не съ вами одними“, и тутъ же приказалъ подать чаю. Къ строгимъ наказаніямъ прибѣгаль только тогда, когда разныя отеческія вразумленія виновнымъ оставались недѣйствительными. Въ бытность мою, только двое студентовъ удалены были изъ Академіи за несоблюденіе трезвости (Архангельскій и Печеневъ) и то сдѣлалъ преосв. Иннокентій болѣе по настоянію бывшаго инспектора архимандрита Іереміи, чѣмъ по своимъ побужденіямъ. Въ Академіи не было недостатка въ людяхъ дерзкихъ на языкѣ, которые осмѣливались невыгодно говорить на счетъ Иннокентія; по всей вѣроятности, рѣчи ихъ доходили иногда до Иннокентія, но онъ великодушно терпѣлъ и никогда за эти рѣчи не преслѣдовалъ. Дерзавшихъ порицать его обыкновенно наказывалъ презрѣніемъ: такъ, одинъ студентъ (Аристовъ), якобы въ нетрезвомъ видѣ, дерзнулъ предъ самыми окнами дома, занимаемаго Иннокентіемъ, повосить его обидными словами; на другой день, пришедши въ себя, по-

шелъ просить прощенія. „Что вамъ надобно“? спросилъ Иннокентій съ видомъ неудовольствія.—Виновать, вчера я оскорбилъ васъ.—„Вы меня будто можете оскорбить, отвѣчалъ Иннокентій, я васъ пресираю“. Преосв. Иннокентій любилъ чистоту и опрятность въ одѣянніи студентовъ и во дни праздничные охотно позволялъ имъ ходить въ дома знакомыхъ кіевскихъ гражданъ. По выходѣ изъ Академіи въ городъ, онъ строго внушалъ имъ воздавать честь генераль-губернатору и другимъ знаменитымъ лицамъ, при встрѣчѣ съ ними, и тѣмъ доставилъ Академіи лестное вниманіе публики высшей. Для поощренія студентовъ въ наукахъ и благонравіи, онъ снова учредилъ, или же только возобновилъ общія мѣсячныя собранія въ конгрегаціонной залѣ: тамъ обыкновенно прочитывались лучшія сочиненія студентовъ и списокъ поведенія за истекшій мѣсяць: отличившимся въ наукахъ и благонравіи изъ-являлъ благодарность, а замѣченнымъ въ проступкахъ дѣлалъ выговоръ. Не мало заботился онъ о столѣ, хотѣлъ, чтобы кушанья, по возможности, были разнообразныя, внушалъ, впрочемъ, чтобы студенты сохраняли строгое воздержаніе,ставляя на видъ, что это полезно не только для занятій, но и для здоровья при сидячей жизни. Въ дни рекреаціонныя онъ старался доставить студентамъ пріятное развлеченіе. Въ одинъ изъ таковыхъ дней онъ пригласилъ студентовъ и бакалавровъ въ загородный митрополичій домъ и тамъ угостилъ всѣхъ довольно роскошнымъ столомъ. Снисходительно, хотя на краткое время принималъ участіе и въ играхъ студентовъ. Воспитанниковъ своихъ не забывалъ онъ и по поступленіи ихъ на службу. Одинъ студентъ по окончаніи курса (Хижняковъ) не захотѣлъ занять должности при семинарии и поступилъ на службу въ консисторію кіевскую. Долго трудился и обратилъ вниманіе митрополита; по непривычкѣ къ дѣламъ просилъ совѣта у одного столоначальника,—„да чему вы тамъ учились“, съ гнѣвомъ возразилъ канцеляристъ. Преосвященный какъ-то узналъ стороною объ оскорбленіи, нанесенномъ акаде-

мику, и горячо вступился за него. „Ты не знаешь, чему учился онъ въ Академіи, что онъ слышалъ тамъ? да онъ слышалъ то, что ты не услышишь во всю жизнь твою, во всю даже вѣчность“. Онъ принималъ участіе и въ казеннокоштныхъ воспитанникахъ кіевскихъ училищъ; я слышалъ, что деньги, вырученныя за продажу страстной седмицы, будто пожертвовалъ въ пользу училищъ. Итакъ начатокъ трудовъ своихъ принесъ въ жертву Богу: впрочемъ, это извѣстіе требуетъ подтвержденія. Кромѣ нѣкоторыхъ іерарховъ, извѣстныхъ ученостію, Иннокентій имѣлъ удовольствіе принимать въ Академіи оберъ-прокурора Св. Синода, министра просвѣщенія графа Уварова. Къ митрополиту Евгенію всегда сохранялъ должную покорность и нѣкоторую привязанность. Онъ очень огорченъ былъ, что не былъ свидѣтелемъ послѣднихъ минутъ покойнаго митрополита, особенно, когда узналъ, что митрополитъ хотѣлъ что-то передать ему.

Толкованіе на пророческія книги Вѣтхаго Завѣта, составленное на основаніи святоотеческихъ толкованій примѣнительно къ славянскому (и греческому 70-ти) тексту. Выпускъ первый, стр. VI+473, и второй, стр. 172. Инспектора Новгородской Семинаріи П. Спасскаго. Новгородъ. 1893—1894 г.

Наша экзегетическая литература по Св. Писанію еще на столько не богата, что всякое сочиненіе изъ этой области, удовлетворяющее даже только скромнымъ требованіямъ, слѣдуетъ встрѣчать съ удовольствіемъ. Книга, заглавіе которой мы выписали, приспособлена къ программѣ 4-го класса духовныхъ семинарій и одобрена Учебнымъ Комитетомъ при Св. Синодѣ къ употребленію въ качествѣ пособия при изученіи пророческой письменности. Особенность этой книги, сравнительно съ существующими у насъ учебными пособиями по отдѣлу пророческой письменности, заключается въ томъ, что предложенное въ ней толкованіе слѣдуетъ предпочтительно тексту церковно-славянскому, тогда какъ другія учебныя пособия (Хергозерскаго, Орды) составлены примѣнительно къ русскому переводу.

Текстовъ Св. Писанія есть нѣсколько. Новѣйшая наука, признавая, что всѣ тексты согласны между собою по существу, представляютъ подлинное ветхозавѣтное божественное откровеніе, допускаетъ при этомъ, что въ нѣкоторыхъ частностяхъ, не измѣняющихъ, существа дѣла, эти тексты, и въ особенности два главныхъ—еврейскій и греческій LXX, расходятся между собою. Серіознымъ изученіемъ Свящ. Писа-

нія Ветхаго Заѣта поэтому можетъ быть названо только такое, которое основывается на сравнительномъ критическомъ изслѣдованіи текстовъ. Само собою понятно, что преслѣдовать такую цѣль въ семинаріи совершенно невозможно. Отсюда возникаетъ вопросъ, какому же тексту библейскому должно слѣдовать: еврейско-русскому или же греческо-славянскому. Г. Спасскій, отступая отъ плана существующихъ учебныхъ пособій по отдѣлу пророческихъ книгъ, склоняется въ пользу текста греческо-славянскаго. По его мнѣнію, этотъ текстъ нужно полагать въ *основу* изученія, а русскимъ пользоваться *лишь какъ пособіемъ*. Такую постановку дѣла можно вполне одобрить. Славянскій текстъ Библии употребляется у насъ при богослуженіи и пользуется особенною любовью народа. Воспитанникамъ семинаріи, въ большинствѣ будущимъ пастырямъ—проповѣдникамъ, придется по преимуществу имѣть дѣло съ этимъ текстомъ, а потому и желательно тщательное изученіе ими прежде всего этого именно текста. Къ сказанному слѣдуетъ добавить, что славянскій текстъ ветхозавѣтныхъ книгъ въ истолкованіи нуждается гораздо болѣе, чѣмъ русскій: весьма многія мѣста его,—притомъ особенно часто употребляющіяся при богослуженіи,—для большинства совершенно непонятны—и вслѣдствіе свойствъ греческаго текста, съ котораго сдѣланъ славянскій переводъ, и по причинѣ труднаго построенія славянской рѣчи, и вслѣдствіе устарѣлости многихъ славянскихъ словъ и выраженій. Впрочемъ, эти соображенія въ пользу преимущественнаго изученія славянскаго текста г. Спасскій считаетъ второстепенными; „первое же и главное“ основаніе для этого онъ видитъ въ высокомъ преимуществѣ греческаго текста LXX, съ котораго сдѣланъ славянскій переводъ, предъ еврейскимъ, легшимъ въ основу русскаго текста. Это преимущество авторъ пытается даже и доказать, почерпая, впрочемъ, свои доказательства главнымъ образомъ изъ статей по разсматриваемому вопросу покойнаго преосвящ. Ѳеофана. Но по нашему разумѣнію, едвали справедливо и по-

лезно внушать изучающимъ Свящ. Писаніе мысль, что греческо-славянскій текстъ по существу превосходитъ еврейско-русскій и что послѣдній при первомъ можетъ имѣть значеніе только второстепенное, значеніе пособія... Не слѣдуетъ забывать, что если нѣкоторые церковные учителя отзывались съ большою похвалою о переводѣ LXX, то вѣдь были и такіе, которые указывали въ немъ погрѣшности. Такія погрѣшности въ греческомъ текстѣ можно указать и въ настоящее время. Сама Церковь Восточная, когда не приняла перевода LXX на кн. Даніила и предпочла ему переводъ еретика Θεοδοтіона, признала этимъ, что переводъ LXX не есть переводъ непогрѣшимый... И вообще, скажемъ словами бл. Іеронима, „гдѣ Духъ Святой, тамъ только непогрѣшимость и предвѣдѣніе будущаго, а здѣсь, въ переводѣ, одна ученость и знаніе словъ“. Отсюда мы видимъ, что Православная Церковь не объявила, подобно церкви Римской, греческаго или какого другого текста имѣющимъ преимущества предъ прочими, исключительно подлиннымъ, а предоставляла и предоставляетъ своимъ членамъ пользоваться всѣми текстами. Несправедливо поэтому и не полезно, а скорѣе и вредно, умалять значеніе русскаго перевода. Взглядъ преосв. Теофана, который принимаетъ г. Спасскій, долженъ быть сильно ограниченъ, а доказательства, приводимыя имъ, значительно исправлены,— что, думаемъ, ясно и убѣдительно показано въ статьяхъ проф. Горскаго¹⁾.

Первые два выпуска „толкованія“ г. Спасскаго содержатъ изъясненіе книгъ великихъ пророковъ. Этому изъясненію авторъ предпосылаетъ краткое введеніе, въ которомъ даетъ понятіе о пророкахъ и пророчествѣ, о цѣли пророческаго служенія, о состояніи пророческаго вдохновенія и способахъ полученія и сообщенія пророками откровенія, о числѣ пророковъ—писателей и хронологическомъ порядкѣ ихъ. Матеріалъ, сооб-

¹⁾ Въ „Православномъ Обзорѣніи“ за 1875—76 г.г.

щаемый здѣсь, слѣдовало-бы расширить, чтобы онъ болѣе подготовлялъ къ детальному ознакомленію съ пророческими книгами. Слѣдовало бы, напр., отчетливѣе указать значеніе пророчества въ исторіи израильскаго народа, его отношеніе къ закону, священническому и царскому служенію, къ политической жизни народа, чтобы понятнѣе былъ составъ пророческихъ рѣчей, нѣкоторыя ссылки ихъ на законъ, значительный отдѣлъ рѣчей на иноземные народы. Порядокъ изложенія сообщаемыхъ авторомъ во введеніи свѣдѣній лучше бы избрать нѣсколько иной, болѣе логичный: напр., § 7 лучше бы поставить на мѣсто § 3-го, § 5-й слѣдовало-бы замѣнить § 4-мъ, а на мѣсто § 5—поставить § 3.

Обозрѣніе пророческихъ книгъ ведется въ разсматриваемомъ нами пособіи въ томъ порядкѣ, въ какомъ расположены эти книги въ нашей Библии. Такой порядокъ обозрѣнія принять и въ другихъ существующихъ у насъ учебныхъ пособіяхъ. Но намъ кажется, что при изученіи пророческихъ книгъ лучше слѣдовать порядку ихъ *хронологическому*, въ какомъ обыкновенно обозрѣваются всякіе письменные памятники. При такомъ порядкѣ для изучающаго яснѣе представится постепенное развитіе пророческой письменности, пророческаго ученія,—въ особенности мессіанской идеи. При такомъ порядкѣ будутъ устранены неизбѣжныя иначе повторенія и легче можетъ быть усвоено самое содержаніе пророческихъ книгъ, такъ-какъ оно будетъ поставлено въ связь съ послѣдовательнымъ ходомъ самой ветхозавѣтной исторіи.

Объясненію каждой пророческой книги г. Спасскій предпо-сылаетъ обычныя исагогическія свѣдѣнія о жизни пророка, о современномъ состояніи іудейства и язычества и общую характеристику книги. Нѣкоторые пункты въ этомъ отдѣлѣ хотѣлось-бы видѣть выставленными болѣе отчетливо и рельефно. Напр., трактуя о современномъ пр. Исаіи состояніи іудейства и язычества, авторъ почти исключительно говоритъ о *религиозно-нравственномъ* состояніи іудейства и язычества. Между тѣмъ, для пониманія книги Исаіи существенно необходимо

знать важнѣйшія *историческія обстоятельства* времени Исаи: только послѣ ознакомленія съ этими обстоятельствами изучающему кн. Исаи можетъ быть понятенъ составъ этой книги, значеніе и смыслъ пророчествъ объ иноземныхъ народахъ и о судьбѣ Іудеевъ.—Самая характеристика современнаго пророкамъ религіозно-нравственнаго состоянія не вездѣ сдѣлана точно и правильно. Характеризуя, напр., религіозно-нравственное состояніе языческаго міра во время Исаи, авторъ говоритъ: „языческій культъ утратилъ всякій смыслъ, сдѣлался пустою формальностью, исполняемою только ради привычки, и поэтому пересталъ имѣть и то слабое вліяніе, какое оказывалъ прежде на нравственность народа“ (I, стр. 22). Тѣми же почти чертами характеризуетъ авторъ и язычество времени Даніила: „тогдашнее язычество утратило ту силу вліянія, какую имѣло прежде, утратило свою жизненность и не могло удовлетворять даже скромнымъ духовнымъ потребностямъ язычника“ (II, стр. 87). Эти одинакія характеристики, помимо того, что онѣ относятся къ двумъ эпохамъ, раздѣленнымъ не малымъ временемъ,—не совсѣмъ, конечно, точны: вліяніе язычества въ вѣкъ Даніила, а тѣмъ болѣе Исаи, вовсе не было столь слабо, какъ представляетъ авторъ.—Характеризуя, далѣе, время Вавилонскаго плѣна, г. Спасскій представляетъ его временемъ *самыхъ тяжелыхъ и ужасныхъ бѣдствій* для Іудеевъ. „Живя въ чужой странѣ, въ качествѣ плѣнниковъ, іудеи“, говоритъ авторъ, „терпѣли самую крайнюю нужду (Ис. 55; 2) и при этомъ подвергались всевозможнымъ притѣсненіямъ со стороны своихъ поработителей (Іер. 30, 6—7)“ (II, стр. 87—88). Такая характеристика опять неправильна: изъ мѣстъ, указываемыхъ авторомъ, она не слѣдуетъ; XIII гл. кн. Даніила, признаваемая авторомъ исторически достоверной и даже подлинной, говоритъ рѣшительно противъ нея, какъ и тотъ извѣстный фактъ, что весьма многіе Іудеи не пожелали воспользоваться эдиктомъ Кира и остались въ Вавилонѣ. Это, конечно, частности,—но

такія, которыя во всякомъ случаѣ не могутъ содѣйствовать отчетливости ученическихъ знаній о библейскомъ времени.

Во введеніи къ тремъ первымъ пророческимъ книгамъ авторъ, между прочимъ, дѣлаетъ и общую характеристику каждой книги. Желательно было-бы, чтобы подобныя характеристики были сдѣланы для всѣхъ пророческихъ книгъ. Слѣдуетъ замѣтить, что въ данномъ отношеніи наша наука страдаетъ крайностью, противоположною крайности науки западной. Послѣдняя старается въ исторію библейской письменности и вообще въ библейскую исторію внести принципъ постепеннаго разитія; но въ примѣненіи этого принципа заходить слишкомъ далеко, представляя движеніе израильской исторіи строго прямолинейнымъ и доводя различіе между священными писателями до противорѣчія. У насъ наоборотъ: принципъ развитія въ отношеніи къ библейской письменности и исторіи совершенно упускается обыкновенно изъ виду. По прочтеніи нашихъ пособій къ изученію свящ. книгъ получается такое впечатлѣніе, что пророки, напр., повторяли одно и тоже; образы ихъ сливаются въ одинъ, и субъективныя черты каждой книги исчезаютъ. Между тѣмъ это далеко не такъ: откровеніе божественное не подавляло естественныхъ силъ человѣческихъ, и исторія израильская была плодомъ не сверхъестественныхъ только причинъ, а и естественныхъ; обстоятельства времени, личныя психическія свойства—все это сообщало пророческимъ рѣчамъ особенный характеръ, и однѣ и тѣ же идеи раскрываются въ нихъ съ разныхъ сторонъ. Правда, особенности въ воззрѣніяхъ не во всѣхъ пророческихъ книгахъ выступаютъ съ такою отчетливостью, съ какою мы видимъ это у писателей новозавѣтныхъ, ап. Петра, Іакова, Іоанна, Павла. Но тѣмъ не менѣе во многихъ книгахъ пророческихъ эти особенности замѣтны ясно, и ихъ не слѣдуетъ оставлять безъ вниманія.

Изъясняя пророческія книги, авторъ касается только тѣхъ главъ, которыя назначены для изученія семинарской

программой; объ остальных главахъ онъ и не упоминаетъ. Однакоже, думаемъ, совершенно не излишне было бы, если-бы авторъ хоть кратко намѣтилъ и главы, не назначенныя программой для подробнаго изученія: во первыхъ, прочтеніе этихъ главъ программой всетаки предполагается; во вторыхъ, краткое обзорѣніе ихъ сообщило бы большее единство и законченность руководству и дало бы возможность ученику составить болѣе полное и отчетливое представленіе о каждой книгѣ.

Что касается главъ, избранныхъ для подробнаго изученія, то онѣ, говоря вообще, объяснены весьма пространно: толкованіе ихъ занимаетъ 645 страницъ. Эта обширность толкованія составляетъ, по нашему мнѣнію, одинъ изъ самыхъ существенныхъ недостатковъ разсматриваемой книги,—въ особенности какъ учебнаго пособія. Эта обширность явилась не слѣдствіемъ широкой постановки вопросовъ или обилія сообщаемыхъ свѣдѣній, а зависѣла, по нашему мнѣнію, отъ не совсѣмъ удачной постановки дѣла и отъ склонности автора къ многорѣчию и пространнымъ разсужденіямъ о вещахъ наиболѣе ясныхъ. Преподаваніе Свящ. Писанія въ духовныхъ семинаріяхъ слѣдуетъ представлять такъ. Свящ. Писаніе должно быть изучаемо прежде всего по Библіи. Къ помощи учебника изучающій долженъ прибѣгать только тамъ, гдѣ непонятна связь мыслей, гдѣ встрѣчаются неясныя выраженія и слова. Въ учебномъ пособіи, поэтому, кромѣ отчетливо изложенныхъ предварительныхъ исagogическихъ свѣдѣній, должно быть намѣчено содержаніе главы, установлена связь мыслей, гдѣ она темна, сдѣланы въ потребныхъ мѣстахъ филологическія и археологическія примѣчанія и, пожалуй, подчеркнуты наиболѣе важныя и характерныя мѣста въ главѣ. Всѣ эти замѣчанія и поясненія должны быть возможно кратчайшія. Одинъ изъ существенныхъ и весьма нерѣдко встрѣчающихся недостатковъ въ семинарскомъ преподаваніи Св. Писанія (недостатокъ, поставившійся на видъ и Циркулярами Учебнаго Комитета) тотъ, что оно изучается не по Библіи, а по учеб-

нымъ пособіямъ. Мы думаемъ, что этотъ недостатокъ зависить не отъ учителя только, а и отъ характера нашихъ учебниковъ по Свящ. Писанію, и что одно изъ средствъ предотвратить указанный недостатокъ,—это дать такой учебникъ, который-бы, *помимо преподавателя*, заставлялъ ученика обращаться къ Библии и былъ бы *пригоденъ только вмѣстѣ съ нею*. Учебное пособіе г. Спасскаго, наоборотъ, пытается замѣнить совершенно Библию и особенно подробно тамъ, гдѣ слѣдуетъ быть краткимъ. Напр., 1-я глава книги пр. Исаи одна изъ самыхъ простыхъ во всѣхъ пророческихъ книгахъ и по содержанію, и по связи мыслей, и даже по выраженіямъ. Между тѣмъ, въ книгѣ г. Спасскаго отведенъ объясненію этой главы *цѣлый печатный листъ*! Ученикъ, конечно, не станетъ пользоваться пособіемъ такъ, чтобы обращаться къ нему только за необходимыми справками, а будетъ читать все подъ рядъ. Выходить отсюда, что на изученіе самой простой главы ученикъ долженъ будетъ потратить не одинъ часъ; при этомъ растянутая и, вслѣдствіе этого, скучная рѣчь учебника заслонитъ отъ ученика живую, полную энергіи, образную рѣчь пророка, глава не произведетъ никакого впечатлѣнія и будетъ плохо усвоена... Весьма проста и 2-я гл. кн. Давіила,—и однакоже авторъ считаетъ нужнымъ удѣлить ей 12 страницъ. Вообще въ очень многихъ мѣстахъ разсматриваемой нами книги можно видѣть примѣры объясненія весьма ясныхъ выраженій, установленія и безъ того очевидной связи мыслей, совершенно лишніхъ раздѣленій и подраздѣленій. Результатомъ этого и явился слишкомъ большой объемъ учебнаго пособія, а чрезъ то и малая его пригодность для учащихся. Если предположить, что третій выпускъ—толкованіе книгъ малыхъ пророковъ будетъ заключать около 100 страницъ, то окажется, что во всемъ „пособіи“ будетъ до 800 страницъ. При ста урокахъ въ недѣлю, имѣющихся въ распоряженіи преподавателя 4-го класса семинаріи, это составило бы не менѣе печатнаго листа на урокъ; при необходимости же прочтенія самаго текста про-

роческихъ книгъ, котораго около 400 стр. убористаго шрифта, на изученіе Св. Писанія потребовалось-бы столько времени, что пользоваться учебникомъ было-бы совершенно невозможно.

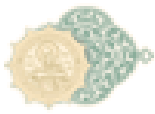
Если *вообще* книгу г. Спасскаго можно назвать слишкомъ пространной, то въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, наоборотъ, можно-бы пожелать отъ нея болѣе обстоятельности. Говоря это, мы главнымъ образомъ имѣемъ въ виду объясненіе кн. пр. Іезекиіля. Во введеніи къ толкованію этой книги, указывая раздѣленіе ея, авторъ между прочимъ замѣчаетъ, что четвертая часть книги (гл. 40—48) есть *важнѣйшая* по своему содержанию и что она заключаетъ въ себѣ „таинственныя видѣнія, въ которыхъ пр. Іезекииль созердалъ славную судьбу народа Божія, ожидающую его послѣ плѣна“ (Вып. II-й, стр. 8). Однакоже, дойдя до этой важнѣйшей части книги, г. Спасскій не даетъ ей почти никакого объясненія: онъ лишь разсматриваетъ кратко 1—4 ст. 44 главы и затѣмъ ограничивается общимъ замѣчаніемъ: „особенно подробно описываетъ пророкъ самое устройство Церкви Христовой подъ образомъ устройства города и храма“. Такая краткость при объясненіи главъ, названныхъ важнѣйшими, совершенно справедливо можетъ поставить читающаго пособіе въ недоумѣніе. Прочитавъ разсматриваемыя главы по Библии, ученикъ придетъ въ естественное недоумѣніе относительно того, какимъ образомъ въ этихъ главахъ, говорящихъ о храмѣ ветхозавѣтномъ и излагающихъ предписанія ветхозавѣтнаго обрядоваго закона, можно видѣть пророческое описаніе устройства церкви Божіей. Слѣдовало бы, поэтому, автору сказать объ этихъ темныхъ главахъ нѣсколько болѣе и нѣсколько подробнѣе изложить отеческіе взгляды на нихъ.

Этими краткими замѣчаніями, относящимися преимущественно къ формальной сторонѣ книги г. Спасскаго, мы и ограничимся. Дѣлая эти замѣчанія, мы вовсе не забываемъ достоинствъ книги и не хотимъ ихъ отрицать. По нашему мнѣнію, заслуживаетъ сочувствія уже самая мысль автора

положить въ основу своего толкованія текстъ славянскій, хотя мы и не можемъ согласиться вполне съ той мотивировкой ея, которую предлагаетъ авторъ. Слѣдуетъ одобрить, да и въ, попытку г. Спасскаго воспользоваться толкованіями отеческими на пророческія книги. Наконецъ, нельзя не признать, что въ разсматриваемомъ нами пособіи видно вообще хорошее знаніе библейскаго текста и имѣются объясненія очень часто обстоятельныя, основательныя и содержательныя. Сдѣланныя выше замѣчанія о недостаткахъ книги предложены нами на усмотрѣніе автора только изъ желанія дальнѣйшаго усовершенствованія его труда.

В. Рыбинскій

ИЗЪ ЗАГРАНИЧНОЙ РЕЛИГІОЗНОЙ ЖИЗНИ.

Прошедшій разъ мы передали содержаніе папской энциклики, изданной въ декабрѣ прошедшаго года по вопросу объ отношеніи римско-католическаго духовенства къ уніатамъ восточныхъ странъ. Почти непосредственно,—вслѣдъ за этимъ окружнымъ посланіемъ папы,—появилась вторая энциклика, подписанная 24 декабря (новаго стиля). Это второе декабрьское посланіе адресовано: „Нашимъ достопочтеннымъ братіямъ: патріархамъ примасамъ, архіепископамъ, епископамъ и другимъ ординарнымъ лицамъ, находящимся въ мирѣ и общеніи съ Св. Престоломъ апостольскимъ“. Указавъ на то, что непрестанное распространеніе имени и верховной власти Христа, призваніе и воссоединеніе съ церковью отвратившихся отъ нея людей составляетъ главную обязанность занимаемаго имъ высокаго положенія, папа заявляетъ, что апостольская любовь побуждаетъ его къ особннымъ заботамъ и усиліямъ для достиженія цѣлей этого рода. Такимъ образомъ, цѣль этого новаго окружнаго посланія (энциклики) есть рѣшеніе вопроса о распространеніи вѣры. Эта энциклика является въ сущности повтореніемъ и пополненіемъ энциклики, изданной въ іюнѣ мѣсяцѣ, въ которой папа призывалъ всѣ христіанскіе народы къ единенію въ вѣрѣ, и нѣкоторымъ образомъ

дополненіемъ къ энцикликѣ—объ обрядахъ Восточныхъ церквей. Папа говоритъ, что онъ указалъ достаточно средствъ къ достиженію единства съ восточными церквами. Но.... „мы не обманываемъ себя, говоритъ папа, ложными мечтами при мысли о великихъ затрудненіяхъ, связанныхъ съ достиженіемъ этой цѣли. Наше собственное могущество слишкомъ слабо для того, чтобы восторжествовать надъ этими обстоятельствами; поэтому отъ всего сердца своего съ твердымъ убѣжденіемъ и непрестанно мы возлагаемъ надежду на Бога. Дѣйствительно, Тотъ, Кто въ Своемъ Провидѣніи далъ намъ мысль взяться за это дѣло, дать намъ силы и средства къ тому, чтобы осуществить эту мысль“. Но къ божественной помощи необходимо присоединить и свои (человѣческія) средства; поэтому папа признаетъ нужнымъ духовенству католической церкви рекомендовать слѣдующее. *Прежде всего для возвращенія къ единственной церкви Христовой отделившихся отъ нея восточныхъ христіанъ необходимо, по мнѣнію папы, изъ среды ихъ привлечь достаточное число священнослужителей, исполненныхъ благочестія и просвѣщенныхъ, чрезъ которыхъ и по примѣру которыхъ и другіе усвоили бы возжеланное единство (unitas, а не unіon).* Кромѣ того необходимо создать общія насколько возможно мудрыя практическія правила католической жизни и такимъ образомъ ввести ихъ [восточнымъ?] народамъ, чтобы эти правила легко могли быть приспособлены къ ихъ народному духу. Поэтому необходимо устроить такъ, чтобы дома, прилично обставленные, были открыты для наставленія молодыхъ церковныхъ причетниковъ; необходимо, чтобы всюду были организованы болѣе многочисленныя коллегіи для той же цѣли и распредѣлены въ странахъ соотвѣтственно густотѣ мѣстнаго населенія; онѣ должны быть снабжены средствами, достаточными для того, чтобы каждый обрядъ совершался соотвѣтственно его достоинству. Наконецъ, необхо-

димо, чтобы были изданы лучшіе труды для распространенія по возможности между всѣми полезныхъ въ религіозномъ отношеніи знаній“..... Указавъ на то, что всѣ эти и другія учрежденія подобнаго рода требуютъ множества расходовъ, папа говоритъ, что христіане восточныхъ обрядовъ не въ силахъ сами собою устроить все это, а потому необходимо придти къ нимъ на помощь. Общество католической пропаганды также не обладаетъ достаточными для указанной цѣли средствами, да при томъ его средства должны быть обращаемы на другія не менѣе важныя дѣла. Поэтому папа взываетъ къ щедрости католическаго міра на это великое дѣло. Энциклика и оканчивается приглашеніемъ высшаго католическаго клира къ устроенію сборовъ среди подвѣдомственныхъ имъ паствъ.—Изъ представленныхъ мѣстъ энциклики видно весьма ясно, что папа по отношенію къ восточнымъ христіанамъ разныхъ вѣроисповѣданій имѣетъ въ виду устроить и не унію въ общеупотребительномъ смыслѣ этого слова, а постепенный переходъ восточныхъ христіанъ къ полному единенію съ римскимъ католицизмомъ. Такимъ образомъ, наше толкованіе энциклики папы, въ которой изложены правила объ отношеніи латинскаго духовенства къ христіанамъ восточныхъ церквей, подтверждается представленнымъ мѣстомъ энциклики отъ 24 декабря 1894 года: здѣсь уже нѣтъ настойчивой мысли о сохраненіи восточнаго обряда въ неприкосновенности; наоборотъ, весьма ясно говорится о необходимости восточнымъ христіанамъ приспособиться къ формамъ католической жизни, правила которой мудро будутъ созданы для того чтобы народный духъ (*genій*, какъ стоитъ въ текстѣ) безъ труда могъ примириться съ ними. Больше прибавлять ко всему этому нечего,—ясно видно, что дѣло идетъ не только о подчиненіи власти папы, но и о вѣроисповѣдномъ, а также и о ритуальномъ сліянніи восточныхъ христіанъ съ римскими католиками. А лучшимъ средствомъ для

этого признается та школа, которой католичество всюду обязано силою и крѣпостію своего вліянія на народныя массы.—Такъ именно на эти энциклики смотрятъ въ западной Европѣ. Во Франціи, напр., стремленіе папы къ соединенію восточныхъ церквей съ римско-католическою понято именно въ этомъ смыслѣ, что папа хочетъ ограничить въ этихъ странахъ политическое вліяніе другихъ государствъ и въ частности французское. Поэтому французское правительство рѣшительно воспротивилось предложенной изъ Ліона высылкѣ 500 тысячъ франковъ на нужды „Общества Пропаганды“; эти деньги служатъ пожертвованіемъ для католицизма, въ виду имѣющихъ возникнуть въ Палестинѣ учреждений, указанныхъ папою въ вышеизложенной энцикликѣ цѣлей.

Въ то время, какъ папа всѣ мѣры употребляетъ къ тому, чтобы такъ или иначе устроить соединеніе церквей восточныхъ съ римско-католическою, въ протестантскихъ странахъ серьезно заняты вопросомъ о необходимости соединенія лютеранства и реформатства въ одно вѣроисповѣданіе. Понятное дѣло, что эта мысль особенно часто и настойчиво высказывается въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ оба названныя вѣроисповѣданія существуютъ совмѣстно. Но странное дѣло! Эти два вѣроисповѣданія,—именующія себя евангельскими, вполне сходныя въ основныхъ пунктахъ вѣроученія, которыми они отличаются отъ католицизма, не придававшія и не придающія якобы никакого значенія „внѣшности“, „буквѣ“ въ дѣлѣ религіи,—эти два вѣроисповѣданія относятся одно къ другому не менѣе враждебно, чѣмъ къ католицизму и къ церкви Православной. При этомъ нужно отмѣтить то обстоятельство, что лютеранство отличается гораздо большею религіозною устойчивостію воззрѣній, чѣмъ реформатство. Въ доказательство этого можно привести много фактовъ, какъ изъ прошедшей, такъ и изъ настоящей жизни протестантизма. Вотъ одинъ изъ нихъ. Въ началѣ прошедшаго года предсѣдатель

Мецкой реформатской консисторіи (Эльзасъ-Лотарингія) послѣ выбора въ нее должностныхъ лицъ опубликовалъ слѣдующее заявленіе. Въ Эльзасъ-Лотарингіи въ собственномъ смыслѣ нѣтъ ни лютеранской, ни реформатской церкви, потому что въ нихъ господствуетъ единство какъ вѣроученія, такъ и богослуженія. Но это рѣшительное заявленіе вызвало со стороны главной лютеранской консисторіи возраженіе; и изъ него ясно можно видѣть, что единства, о которомъ заявилъ предсѣдатель Мецкой консисторіи, нельзя признать желательнымъ. Дѣло въ томъ, что единство это состоитъ въ томъ, что представители того и другого вѣроисповѣданія сходятся на почвѣ отрицательной критики въ отношеніи къ положительнымъ догматамъ. Источникомъ этого единства служить распространяющееся все больше и больше либеральное направленіе, какъ среди лютеранскихъ, такъ и среди реформатскихъ богослововъ. Судить о возникшемъ будто бы единствѣ лютеранства и реформатства на основаніи этого направленія было бы такъ же неосновательно, какъ неосновательно было бы Пруссію считать либеральною или соціально демократическою республикою только на томъ основаніи, что въ Пруссіи есть много соціаль-демократовъ и либераловъ.— По этой причинѣ главная лютеранская консисторія отклонила всѣ предложенія мецкой консисторіи о возсоединеніи. „Только подъ условіемъ полнаго принятія Аугсбургскаго Исповѣданія со стороны реформатовъ можетъ состояться единеніе ихъ съ лютеранствомъ“,—таково, какъ кажется, заключеніе главной лютеранской консисторіи. Лютеране увѣрены, что стремленія къ уніи лютеранства съ реформатствомъ являются дѣломъ только нѣсколькихъ лицъ, входящихъ въ составъ консисторіи, а не потребностью членовъ общинъ того и другого вѣроисповѣданія. Поэтому однимъ изъ реформатскихъ пасторовъ въ отвѣтъ на указанное заявленіе предсѣдателя мецкой консисторіи сдѣлано слѣдующее возраженіе. „Въ Эльзасъ-Лота-

рингіи двѣ признаваемыя государствомъ протестантскія церкви: евангелическо-реформатская и церковь Аугсбургскаго исповѣданія. Соединенной евангелической церкви, какъ въ Гессенѣ, Баденѣ, Пфальцѣ и др. мѣстахъ, здѣсь нѣтъ; ихъ законъ не допускаетъ. Если поэтому Мецкая консисторія рѣшила присоединиться къ лютеранству, то это можетъ обозначать ничто иное, какъ желаніе выйти изъ реформатства и вступить въ лютеранство.... Но въ самомъ дѣлѣ въ исторіи нашего вѣроисповѣданія да и въ исторіи всякой другой церкви является неслыханнымъ и въ своемъ родѣ единственнымъ то, что частная консисторія, имѣющая ограниченныя высшими учрежденіями права, можетъ считать себя въ правѣ дѣлать постановленія о вѣроисповѣданіи и внѣшнемъ устройствѣ обширнаго религіознаго общества“. Далѣе говорится, что предсѣдатель Мецкой консисторіи и его единомышленники могутъ быть причиною нарушенія добрыхъ отношеній между двумя вѣроисповѣданіями, совмѣстно существующими въ Эльзасѣ-Лотарингіи, *и на вѣчное время содѣлать невозможнымъ весьма желательное объединеніе реформатства и лютеранства*, потому что эти господа вводятъ въ заблужденіе свои приходскія общины, говоря, что при воссоединеніи съ лютеранствомъ не придется перемѣнять свое вѣроисповѣданіе, а это является въ нѣкоторомъ родѣ предательствомъ.—Такимъ образомъ, мы имѣемъ полное право сказать, что стремленіе къ воссоединенію (такъ называемыя „уніонистическія попытки“) какъ въ католичествѣ, такъ и протестантизмѣ въ настоящее время выражается въ такихъ формахъ, которыя несомнѣстимы съ духомъ истиннаго христіанства. Ни папа, ни протестанты не хотятъ вступить на тотъ путь, который единственно правиленъ въ данномъ случаѣ. Путь этотъ—пересмотръ символическихъ книгъ и соглашеніе ихъ съ вѣроученіемъ древней церкви, которая не знала ни католичества въ его современномъ значеніи, ни протестантизма со всѣми его развѣтвленіями.

ніями. Религіозна рознь вредить дѣлу распространенія христіанства среди язычниковъ. Съ этимъ согласны представители всѣхъ вѣроисповѣданій. Согласны они и съ тою истинною, что для успѣшнаго распространенія христіанскаго ученія Христова въ странахъ невѣрныхъ необходимы дружныя усилія. Дѣло миссіи не можетъ идти успѣшно, если миссіонеры разныхъ вѣроисповѣданій будутъ противоdѣйствовать другъ-другу. Поэтому и возникаютъ попытки къ объединенію вѣроисповѣданій. Но чтобы самое объединеніе всѣхъ христіанскихъ вѣроисповѣданій могло осуществиться, необходимо представителямъ каждаго изъ нихъ проникнуться мыслию, что въ основу единенія должны быть положены не искусственныя начала, а средствами для достиженія его должны быть не полумѣры или недомолвки. Въ основу этого единства должно быть положено ясное, точно сформулированное исповѣданіе древне-вселенской церкви, а единственнымъ исполнѣ цѣлесообразнымъ для этого средствомъ можетъ быть только отрицаніе всѣхъ исповѣданій, съ нимъ несогласнымъ. Вѣра апостольская, вѣра отеческая, вѣра вселенную утвердившая,—только эта вѣра и можетъ быть предметомъ распространенія среди язычниковъ, только она не можетъ вводить ихъ въ соблазнъ или возбуждать сомнѣнія въ истинности евангельскаго ученія.

Въ концѣ 1894 года численное отношеніе западныхъ вѣроисповѣданій въ Америкѣ было таково. Болѣе всего приходится христіанъ на долю *римско-католической церкви*—именно около 7½ миліоновъ; при этомъ нужно обратить вниманіе на то, что почти каждая тысяча католиковъ имѣетъ самостоятельное духовное лице, какъ руководителя. Конечно, на практикѣ это распредѣленіе не всегда правильно. Затѣмъ второе мѣсто принадлежитъ *методистамъ*. Это вѣроисповѣданіе распадается на 17 отдѣленій (сектъ, или деноминацій) и насчитываетъ въ числѣ членовъ своихъ до 5 миліоновъ человекъ. За

методистами слѣдуютъ 37 сектъ баптизма (баптисты, меннониты и друг.) Къ числу ихъ относится до 4 миліоновъ чело-
вѣкъ. Пресвитеріане разныхъ названій имѣютъ до 1½ миліо-
на членовъ; немного меньшее число исповѣдуютъ лютеран-
ство (въ Канадѣ Лютеранъ около 15 тысячъ); англиканство
въ С. Американскихъ С. Штатахъ имѣетъ только немного
болѣе ½ милліона членовъ; реформатство нѣмецкое—222 ты-
сячи; Квакеры немного болѣе 100 тысячъ. Если изъ осталь-
ного числа народонаселенія С.-А.-С.-Штатовъ исключить 13½
тысячъ православныхъ русскихъ, 200 православныхъ грековъ
и до 11 тысячъ греческихъ уніатовъ, то остальная часть на-
родонаселенія,—простирающагося въ настоящее время до 68
милліоновъ,—т. е. болѣе чѣмъ 40 миліоновъ народонаселенія,
или почти двѣ трети его, относится къ іудейству, язычеству,
или состоитъ изъ людей, не принадлежащихъ ни къ какому
вѣроисповѣданію, потому что остальные секты С.-А.-С.-Шта-
товъ, именующія себя христіанскими, имѣютъ по не большо-
му числу представителей (отъ 350 до 60,000 членовъ). Та-
кимъ образомъ, мы видимъ, что эта страна, считающаяся са-
мою передовою въ дѣлѣ современной цивилизаціи, предста-
вляетъ широкое поле для христіанской миссіи и служить луч-
шимъ доказательствомъ того, что современная цивилизація не-
справедливо считается христіанскою, или поставляется въ тѣс-
ную связь съ христіанствомъ. Съ другой стороны нужно от-
мѣтить то обстоятельство, что въ будущемъ религіозный ха-
рактеръ жителей С.-А.-С.-Штатовъ зависитъ отъ того, какое
изъ трехъ наиболѣе многочисленныхъ вѣроисповѣданій (като-
лицизмъ, баптизмъ или методизмъ) возьметъ перевѣсъ въ Шта-
тахъ. Это обстоятельство весьма сильно озабочиваетъ папу
Льва XIII; оно же было причиною появленія его энциклики
въ началѣ настоящаго года къ сѣверо-американскимъ еписко-
памъ. Въ этой энцикликѣ папа говоритъ, что отдѣленіе цер-
кви отъ государства нельзя считать явленіемъ идеальнымъ.

Жизненная сила римско-католической церкви принесла бы, говорить папа, еще большіе плоды, еслибы эта церковь пользовалась въ С.-А.-С.-Штатахъ не одною только свободою, но и поддержкою законовъ и государственной власти. Затѣмъ папа жалуется на то, что въ Америкѣ не оцѣнили должнымъ образомъ его легата архіепископа Сатолли. Мы раньше говорили, какія надежды возлагалъ на эту миссію представитель Римскаго католицизма. Папа, отправляя въ Америку спеціального легата, высказался, что Америка на ряду и на равнѣ съ другими могущественными державами имѣетъ право на его „благоволѣніе“. А въ Америкѣ, — даже среди католиковъ, — въ этомъ „благоволѣніи“ и увидѣли попытку наложить на нее „ярмо Рима“, — что и выразилось въ неоднократно появлявшихся по этому поводу статьяхъ католическихъ журналовъ. По этой причинѣ папа весьма рѣзко порицаетъ американскую католическую печать, которая подвергаетъ критикѣ и порицаетъ мѣропріятія католическихъ епископовъ, не думая о тѣхъ дурныхъ послѣдствіяхъ, къ которымъ все это можемъ повести. Представителямъ американской католической печати папа совѣтуетъ „помнить свои обязанности и не переходить за границы умѣренности“, а въ заключеніе требуетъ, чтобы католическая печать въ Америкѣ была подчинена епископамъ.

Полемика по вопросу о значеніи Апостольскаго символа или о Божествѣ І. Христа, поднятая протестантскими богословами два года тому назадъ и породившая множество трактатовъ, въ настоящее время переходитъ въ область практическую, потому что многіе пасторы лютеранскіе сочли вопросъ рѣшеннымъ въ отрицательномъ смыслѣ и начали исключать апостольскій символъ изъ лютеранскаго богослуженія. Такъ называемая ортодоксальная партія, къ которой между прочимъ относятся, какъ мы уже говорили прежде, старые пасторы, заслуженные и занимающіе мѣста въ религіозно-правительственныхъ учрежденіяхъ, вынуждены прибѣгать къ дисциплинар-

нымъ взысканіямъ. Недавно въ Берлинѣ возникло дѣло противъ пастора Лиско, который отказывался употреблять при богослуженіи Апостольскій символъ. Совѣтникъ главной консисторіи (Oberkirchenrath), возбудилъ дѣло объ удаленіи этого пастора отъ должности. Въ обвинительномъ актѣ сказано, что главная причина, по которой возбуждается дѣло противъ него, есть „неповиновеніе“ требованіямъ своей непосредственной власти и небрежное отношеніе къ исполненію своихъ обязанностей. Съ удаленіемъ отъ должности пастора согласно существующему законодательству въ Пруссіи связано лишеніе права считаться въ числѣ лицъ духовнаго званія. Старолютеранская печать по этому поводу высказывается въ томъ смыслѣ, что обвинять отрицателя Св. Троицы только въ неповиновеніи значитъ неправильно смотрѣть на дѣло, а къ сожалѣнію дѣло именно поставлено такъ. Наоборотъ, свободомыслящая печать „Протестантскаго союза“ (Protastanten Verein) называетъ поступокъ Консисторіи непонятнымъ. Консисторіи вѣдь достаточно того, что обвиняемый Лиско исповѣдалъ предъ однимъ изъ членовъ этого учрежденія, что онъ вѣруетъ во Іисуса Христа, единаго Сына Божія..., ниспосланнаго съ неба,.... Князя жизни, Царя Царства Божія и Судіи людей“. Эта свободомыслящая печать конечно умалчиваетъ, что подъ приведенными выраженіями обвиняемый понималъ нѣчто иное сравнительно съ символическими лютеранскими книгами. Въ настоящемъ случаѣ по мнѣнію строгихъ лютеранъ сдѣлано нѣчто вродѣ богословскаго подлога, или подтасовки выраженій, весьма растяжимыхъ по своему значенію. Свободомыслящая печать требуетъ поэтому, чтобы согласно правиламъ и практикѣ Прусскаго лютеранства было дозволено [въ видахъ распространенія уніи между лютеранствомъ и реформатствомъ] свободное изложеніе исповѣданій въ особенности Апостольскаго символа,—словомъ свободомыслящая партія требуетъ, чтобы строгіе представители лютеранства отказа-

лись отъ своего вѣроисповѣданія. А если обратить вниманіе на то, что свободомысліе подъ прикрытіемъ объединенія вѣроисповѣданій проникаетъ и въ среду представителей религіозно-правительственныхъ учреждений (консисторій), какъ это видно изъ вышеизложеннаго заявленія предсѣдателя Мецской Консисторіи; то намъ станетъ понятнымъ, что на исходъ дѣла Лиско и на современное отношеніе религіозныхъ партій представители строгаго лютеранства смотрятъ съ весьма большою тревогою.

Со стороны реформатовъ также начинаютъ раздаваться голоса недовольства своимъ вѣроисповѣданіемъ. На Мюнхенскомъ провинціальномъ собраніи въ началѣ прошедшаго февраля мѣсяца одинъ изъ ораторовъ—пасторовъ сталъ доказывать, что реформатское богослуженіе отличается сухостію, при чемъ старался убѣдить реформатовъ въ красотахъ лютеранскаго богослуженія. Впрочемъ, трактатъ этотъ встрѣтилъ весьма энергичныя возраженія, изъ которыхъ видно, что реформаты считаютъ возможнымъ и при существующемъ порядкѣ ихъ богослуженія придать ему болѣе живой характеръ. Въ особенности относительно инструментальной музыки реформаты были единодушны: они прямо говорили, что отъ нея нельзя ожидать никакой пользы для богослуженія. Но они ничего не говорили противъ хорового общиннаго пѣнія. Другіе представители собранія указывали на то, что и лютеранское богослуженіе отличается значительною „холодностію“, „бѣдностію“. Вообще нужно замѣтить, что если бы лютеране и реформаты сошлись въ установленіи единообразнаго богослуженія, дѣло объединенія между ними двинулось бы значительно впередъ, потому что тогда для большинства членовъобщинъ,—для людей, не получившихъ высшаго религіознаго образованія,—богословскія тонкости, которыми отличаются лютеранство

и реформатство, были бы недоступны, а единство стало бы весьма осязательнымъ какъ для самихъ соединившихся, такъ и для борющагося противъ нихъ католицизма.

Z.